

Анна Одувалова

Мое ледяное проклятье

Пролог

Снег за окном усиливался. Валил пушистыми, похожими на пух, хлопьями. Девочка лет двенадцати сидела на подоконнике, уткнувшись носом в стекло, и наблюдала за снегопадом. За кружащимися в свете городских фонарей снежинками, непривычно крупными и ажурными, за поземкой, бегущей по мостовой под окнами, за тем, как улица укутывается белым пледом.

Первый снег в этом году выпал очень поздно, прямо перед самым праздником зимы. Совпали два волшебных события, когда можно загадать самое заветное желание и оно обязательно сбудется. Такое желание у девочки было одно, но очень и очень сильное. И почему-то именно сегодня, в такой сказочный день, казалось, что оно сбудется. Не прямо сейчас, конечно, а через несколько лет. Но мечтать-то можно!

- Валенси! Иди сюда! - радостно крикнула мама с первого этажа. - Скорее! У нас такая радость! Ты даже не представляешь!

Валенси, не выпуская из рук книжки, которую читала, когда не таращилась в окно на снежинки, соскочила с подоконника и кинулась из комнаты на лестницу. А потом вниз, в зал, уже украшенный к празднику. Длинные кудрявые волосы развевались за спиной, словно языки пламени, - такие же непослушные и ярко-рыжие.

У камина возвышалась огромная, почти трехметровая ель, которую они с сестрой закончили украшать с утра. Под елью лежали подарки, а рядом, взявшись за руки, стояли парень с девушкой.

Девушка - тоже рыжеволосая, очень симпатичная, но значительно старше Валенси. А парень - блондин с голубыми глазами и очаровательной улыбкой.

Валенси замерла на лестнице и бросила недоуменный взгляд на маму. На парня она старалась не смотреть. Он был таким красивым, взрослым... и принадлежал ее сестре. Пока. Но когда-нибудь, когда Валенси вырастет, все изменится. Не зря же она загадала желание?

От этих мыслей сердце сжалось в сладостном предвкушении, но мама все разрушила одной фразой:

- Поздравь сестру, Вал, после зимнего праздника ее ждет свадьба! Ранион сделал предложение! А ты будешь прекрасна, как маленький ангелок. И понесешь за сестрой фату.

- Что... - бледнея, пробормотала Валенси и взглянула на сестру, как на предательницу. Хотя она таковой не была.

- Мы женимся, Вал, - усмехнулся парень и открыто улыбнулся. Так, как умел делать только он. - Ну же, Рыжик, иди поздравь нас! Что за взгляд?!

«Что за взгляд? Да как он может?!»

Руки дрожали, а из глаз катились слезы. Он всегда видел в ней только ребенка. Она была ребенком!

«Тебе еще рано любить, - смеясь, говорила мама. - Тебе надо играть в куклы».

Валенси и играла. А еще иногда подглядывала за Ранионом и понимала: для любви нет возраста. А он решил жениться на Женевьев!

- Я вас ненавижу! - воскликнула Валенси и помчалась вверх, в свою комнату, но на ступенях обронила старинную книгу в кожаном переплете. На обложке была нарисована девушка на фоне замка и парящий в небе снежный дракон, а внизу написано название: «Ледяная душа».

Девчонка пробежала несколько ступеней, но потом остановилась как вкопанная, подобрала книгу и гордо удалилась, с трудом сдерживая слезы. И только у себя в комнате разрыдалась, повторяя вновь и вновь: «Ненавижу!»

Валенси снова открыла любимую книгу, которую ей подарили на прошлое Рождество. Тогда Женевьев и Ранион только начали встречаться. Парень напоминал ледяного дракона из сказки, такой же красивый и немного отстраненный. А еще он оказался добрым, веселым и вообще просто замечательным!

Чувство к Раниону нельзя назвать любовью, это было всепоглощающее детское обожание, которое переросло в такую же безграничную ненависть. Решение пришло внезапно. Ярость была сильной.

Скрестив ноги, Валенси уселась на кровать, открыла книгу и начала плести первое в жизни самостоятельное заклинание, благо подсказок в тексте имелось предостаточно. Заклинание получилось с первого раза, потому что его подпитывали искренние и очень сильные чувства. Разбитое сердце всегда усиливает магию.

Когда с губ слетели последние слова, Валенси отключилась. Пришла в себя от тихого шепота побледневшей мамы, которая замерла в дверях комнаты.

- Милая, что же ты натворила?!

Глава 1

- Что же ты натворила? - Эти слова преследовали меня последние восемь лет. Их говорили родные, когда спешно собирали мои вещи, чтобы навсегда выставить из родительского дома, их не раз повторяла я самой себе. Даже сейчас они крутились в голове привычным шумовым фоном.

Я сидела в почтовом экипаже и чувствовала, как мерзнут руки. Не спасали ни меховые рукавицы, утепленные заклипаниями, ни отопительные камни в повозке. Пэрсику тоже было некомфортно. Он жался ближе к шубе из густого серебристого меха и укоризненно смотрел на меня своими янтарными и круглыми, как у совы, глазами. На приплюснутой морде явно читалось: «Хозяйка, ты совсем того, раз привезла нас в такое отвратительное место?»

Наверное, и правда «того». Мне действительно не стоило сюда ехать. И не только из-за кошмарной погоды.

- Ну прости, пушистый, - пробормотала я, чтобы как-то побороть волнение. - Тут зверски холодно, мы с тобой к такому не привыкли. Но так надо, поверь.

- Это последние лет десять! - поморщился мужичок с сиденья напротив, кутаясь в овчинный тулуп. - Раньше нормальная погода была. А как этот в замке на горе поселился, так холодища настала! Хоть, как в давние времена, начинай девственниц в жертву приносить! Может, тогда потеплеет!

- А ты дурь не мели! - шикнула на него толстая жена в необъятной шубе. - Девственниц! Ишь! Где ж их в нынешние времена найдешь?

Я молчала. И действительно помнила Сноухельм другим. Снег в предгорье иногда выпадал рано, но весной таял быстро, а лето радовало жаркой погодой. Раньше в это время только начинала опадать листва и долина казалась усыпанной золотом. Золото в кронах, золото в лужах - я любила такую погоду. Она мне подходила. Осенью волосы не казались такими полыхающе-яркими.

Но все изменилось. Только не десять лет назад, а восемь. Из-за меня. С тех пор, как я сотворила нечто ужасное, погода в долине испортилась, а я ни разу не была дома.

Меня отослали учиться в жаркий южный Тамбул - с солеными брызгами моря, разговорчивыми людьми и строгими нравами. Сначала четыре года закрытой школы магии для сложных девочек, а потом - высшая магическая академия для одаренных ведьм.

Подруги, студенческая жизнь и кот Пэрсик, который появился у меня на втором курсе. «П-э-эрсик», - именно так, растягивая гласную на южный манер, окрестила маленький светло-рыжий комочек моя подруга.

Имя прижилось, Пэрсик тоже. То время было почти счастливым. Родители не хотели, чтобы я возвращалась. Да я и сама ни за что не рискнула бы приехать в Сноухельм, если бы не несчастье, произошедшее в нашей семье, и не моя очередная глупость. Сход лавины унес разом жизнь и мамы, и отца. Женевьев с мужем и маленькой дочкой, которую я еще не видела, остались живы, и я поняла, что не смогу прятаться вечно. Я должна навестить родных и, возможно, заплатить по счетам. Правда, про это думать не хотелось. Ну и заодно сбежать из того места, которое последние восемь лет я считала домом.

На похороны мамы и папы я не успела. Тогда, восемь лет назад, я видела их в последний раз, как и сестру. Сердце сжималось от боли, а еще оттого, что я не могла нормально прочувствовать эту боль. Восемь лет - огромный срок. Двенадцать и двадцать - это два разных человека. Родителей безумно любила та маленькая и глупая Валенси, которая в один миг уничтожила сразу несколько жизней. А вот взрослая Валенси их не знала. Она просто спешила сбежать от человека, который разбил вдребезги ее сердце и не хотел на этом ставить точку. А я так не могла. Должна была умчаться как можно дальше.

Идея вернуться и навестить долину, где я совершила самую большую ошибку в своей жизни, ошибку, которую нереально исправить, казалась здоровой. Нужно поставить точки везде, а потом уже думать, как устроить жизнь.

«Несколько дней, - твердила я себе. - Всего несколько дней, чтобы навсегда проститься с прошлым». Впрочем, я не знала, почему еду. Возможно, потому, что съедающее чувство вины за это время не стало меньше.

Экипаж остановился возле станции. Я захихнула сопротивляющегося Пэрсика в меховую переноску, дождалась, когда мне выдадут огромный чемодан на колесиках, и замерла на площади. Я помнила ее совсем другой. В ярких новогодних огнях, сверкающей. А сейчас - огромные сугробы, заледеневшие мостовые... И не скажешь, что до зимнего праздника еще три долгих месяца. Снег и

лед стали частью города, потому что не таяли уже восемь лет.

- Давайте мы вас проводим? - предложил словоохотливый мужичок из экипажа, проигнорировав недовольный взгляд жены. - У нас тут улочки узкие, петляющие, немудрено заплутать. Да и темнеет уже.

- Это ни к чему, спасибо. Я сама найду дорогу. Я выросла в Сноухельме.

Взгляд, которым меня окинули, был на редкость удивленным. Да, я не походила на местную жительницу. Зеленые глаза, медные волосы и смуглая кожа. Нет, когда-то я тоже была белокожей, но за годы жизни на побережье насквозь пропиталась южным солнышком, а шубка в пол из меха серебристой паркули только подчеркивала непривычный для этих мест загар. Сейчас я смотрелась как настоящая южанка.

Это и к лучшему. В Сноухельме мало кто связал со мной трагические события восьмилетней давности, но мне очень не хотелось быть узнанной.

Осталось лишь два человека, которые могли рассказать правду. Женевьев молчала восемь лет, хотя, подозреваю, не перестала меня ненавидеть. А Ранион...

С ним все было сложнее.

Ноги сами несли в нужном направлении. Чемодан стучал по промороженной, тщательно расчищенной брусчатке. А Пэрсик недовольно возился в переноске. Можно было поймать экипаж, но мне хотелось прогуляться. Несмотря на ветер, мороз и колючие снежинки, которые жалили щеки. Вспомнить тихие улицы и прочувствовать на себе то, что случилось с долиной по моей вине.

До родительского дома было недалеко - всего пара кварталов, но я все равно замерзла просто смертельно. Казалось, что иду не в симпатичных кожаных сапожках на меху, а в легких туфлях. Рука примерзла к сумке, а нос хотелось скорее засунуть под теплый шарф. Попадающиеся навстречу люди тоже были в длинных шубах и меховых шапках, но выглядели не такими замерзшими, как я. Наверное, привыкли к вечному холоду.

Уже близилось время ужина, и прохожих было не так много. И ни одного знакомого лица. Это радовало. Впрочем, меня помнили рыженькой несурзной девчонкой двенадцати лет. А сейчас я выросла, смею надеяться, похорошела, ну и шуба тоже делала свое дело. Узнать человека сложнее, если наружу торчит только нос.

Перед знакомой дверью я замерла, сжала зубы и, чувствуя, что сердце сейчас выскочит из груди от волнения, постучала.

Дверь открыли не сразу. На пороге появилась Женевьев. На ее лице отразился испуг, такой заметный, что мне стало не по себе. Сестра почти не изменилась за восемь лет. Красивая девятнадцатилетняя девушка превратилась в не менее красивую, эффектную молодую женщину. Разве что черты лица стали чуть мягче, а линии фигуры - плавнее.

- Не пригласишь войти? - робея, спросила я, и сестра бросила на меня жесткий взгляд.

- Ты зря сюда приехала, Валенси. Не представляешь даже, насколько зря.

- Женевьев, там кто? - За спиной моей сестры появился Дэвид - друг детства. Я слышала, что лет пять назад они поженились. На руках у него сидела симпатичная девчужка с рыжими кудрявыми волосами.

- Вал... - пробормотал мужчина и отступил, прикрывая малышку свободной рукой, словно я могла с ней что-то сделать.

Замечательно. Меня тут боялись.

- Тебе лучше уйти, Вал, - отозвалась Женевьев устало. - Ты зря проделала такой долгий путь.

- Но это и мой дом тоже, - попыталась возразить я. Я репетировала этот разговор не раз, но все равно робела и растеряла все тщательно заученные аргументы.

- Мама с папой не указали тебя в завещании. Так что уже не твой, - с легкой печалью в голосе добавила сестра. - Не потому, что не любили, а потому, что знали - тебе нельзя сюда возвращаться. Уезжай.

- Прости, но сегодня уже не смогу. Да и некуда пока.

- Очень жаль. Завтра может быть поздно, - сказала она и захлопнула дверь прямо у меня перед носом.

Глаза обожгли злые слезы. Я предполагала нечто подобное, именно поэтому на всякий случай забронировала гостиницу. Но все равно было обидно. Рассчитывала хотя бы на пару часов вежливости и чай. Впрочем, после того, что я сотворила с ее жизнью и мечтами, Женевьев имела право меня ненавидеть.

Отдохну, выплюсь и завтра зайду снова. Заберу несколько милых сердцу безделушек (надеюсь, их не выкинули), навещу могилу родителей и уеду. Главное – определиться куда. Зато увидела свою племяншку, хоть и мельком.

Признаться, устала так, что готова была сесть и начать рыдать на пороге, лишь бы меня пустили в теплый дом и в кровать. Но это было глупо, а гостиница располагалась совсем недалеко.

– Остался последний рывок, пушистый комок шерсти! – сказала я Пэрсику, который перетапывался в переноске. То ли замерз, то ли хотел есть, а может, в туалет или просто жаждал вырваться из ненавистой клетки. – Скажи спасибо, что она хотя бы теплая. Твой мех плюс мех в переноске – это значительно лучше, чем просто твой мех.

К счастью, в гостинице обошлось без проблем. Оказаться на улице в такой мороз – то еще испытание. Мне вручили ключи от комнаты на третьем этаже, и посыльный подхватил мои чемоданы.

– Надолго к нам, леди? – вежливо спросила администратор. Уже немолодая, но ухоженная и подтянутая женщина.

– Пока не знаю. – Я улыбнулась. – На пару дней.

– Оставайтесь подольше, у нас тут очень красиво.

– И холодно.

– Чем холоднее морозы, тем горячее мужчины, – подмигнула она, и я поспешила в свою комнату. Нет уж, горячими мужчинами я сыта по горло.

Первым делом достала из переноски Пэрсика. Он тут же пулей метнулся под шифоньер и там затаился. Я очень надеялась, что он заныкался туда прятаться, а не гадить. Потом скинула шубу, сапоги и с размаха рухнула на широкую кровать. Здесь было значительно теплее, чем на улице, но я все равно завернулась в огромное пуховое одеяло. Нужно было поспать, а потом уже думать.

На улице усилилась непогода. Ветер швырял снег в окна, завывал над ухом, и от этих звуков, пурги и незнакомого места становилось жутко. Погода словно злилась на меня. А может быть, не погода? Может быть, мой визит уже не секрет?

От этих мыслей стало страшно. Не думала, что за мной кто-то пристально следит, ждет восемь лет, чтобы отомстить... Но вдруг и правда следовало держаться от Сноухельма подальше?

Уснуть получилось не сразу. Слишком много мыслей крутилось в голове. А еще страх. Липкий, не дающий спокойно дышать. Моя, казалось бы, налаженная жизнь снова сделала резкий поворот. Неделю назад я вернулась с собеседования с радостной мыслью, что наконец-то работа у меня в кармане. Это был самый счастливый день в моей жизни, пока меня не накрыло сразу двумя отвратительными новостями. Пришла телеграмма о смерти родителей. Сжимая в руках стремительно тающий листочек бумаги, я кинулась к Дилану. Здесь он был моим самым близким человеком. Лиззи уехала еще два месяца назад, и в целом мне и болью-то больше поделиться было не с кем.

С Диланом мы встречались с третьего курса, и свадебное платье уже висело в шкафу у него дома. Я должна была сдать ключи от своей комнаты и переехать к жениху. До свадьбы оставалось меньше десяти дней.

Дилан не ждал меня. Я не имела привычки наведываться в его роскошный особняк без приглашения. Соблюдала дистанцию и старалась быть примерной и послушной девочкой. Но известие о смерти родителей выбило меня из колеи, и я явилась без предупреждения. Не обратила внимания на недовольное ворчание дворецкого, на напряженный и обреченный взгляд матери Дилана и влетела в его комнату со слезами на глазах, чтобы как вкопанная замереть на пороге.

«Ты самое дорогое, что у меня есть. И невинность должна сохранить до свадьбы. Мы подождем», – говорил он, и я была благодарна жениху за такое несвойственное мужчине терпение. «Я никогда не позволю тебе опуститься до подобного унижения и не заставлю делать все эти гадкие вещи. Только после свадьбы и только так, как подобает жене благородного рея. Ты моя муза, вдохновение...»

Увиденное в комнате просто вышибло дух из легких. Оно не вписывалось во все то, что говорил мне Дилан. Ни эстетизма, ни благородства. Кристин была доступной, красивой и точно не хранила

невинность до свадьбы. Она стояла с задранной юбкой на коленях перед моим будущим мужем, и светлый водопад волос закрывал самое постыдное. На лице Дилана застыло выражение всепоглощающего блаженства, а его рука крепко сжимала ягодицу девушки.

Кровь прилила к щекам. Кажется, я вскрикнула.

Потом я просто сбежала и отказалась говорить, когда бывший жених посмел заявиться вечером. Это в его понимании произошедшее ничего не значило.

- Ты же в курсе, что нужно предупреждать о своих визитах? - спросил он. - Сама виновата. И зачем теперь реветь?

Я молчала, понимая и то, что он не испытывает угрызений совести, и то, что подобное происходило регулярно. Последующие слова только подтвердили мои мысли.

- У мужчин свои потребности, - добавил Дилан. - Не нужно строить из себя обиженную дурочку. Ты же понимаешь: если я захочу, ты не сможешь найти в этом городе ни жилье, ни работу.

Я знала: он прав. Его отец влиятельный человек, и испортить мне жизнь не составит труда. Но не собиралась делать вид, будто ничего не произошло, и переступить через собственную гордость. Поэтому собрала чемодан, прихватила Пэрсика и сбежала. Быстро и необдуманно. И теперь, кутаясь в пуховое одеяло, вздрагивала от ветра, завывающего за окном. Я думала о том, что в Сноухельме, возможно, поджидает кое-что похуже, чем неадекватный бывший, желающий превратить меня в послушную жену. А одна-две любовницы станут приятным бонусом к унылой супружеской жизни. Ведь это же естественно! Он же просто мужчина со своими потребностями.

Я уснула, когда под одеяло протиснулся Пэрсик. Скользнул лохматым ужом со стороны головы, прополз к ногам, там развернулся и выбрался ближе к лицу, уютно устроившись на сгибе моей руки. Кисточки на ушах щекотали мне нос, а длинный пушистый хвост лежал на коленях.

Под завывание ветра спалось удивительно хорошо, поэтому проснулась я поздно. Открыла глаза и первое, что заметила, - покрытое морозными узорами окно. Причудливые ледяные цветы, красивые снежинки, и в середине этого великолепия - ледяная лаконичная надпись, словно выведенная на стекле уверенной рукой:

«Я ждал тебя, Рыжик».

От этих слов стало настолько страшно, что я кубарем скатилась с кровати. Потом отдышалась, выдала Пэрсика его корм и со скоростью света оделась. Засунула котика в переноску и, схватив чемодан, кинулась к выходу, думая лишь о том, какая же я дура! Нельзя было возвращаться. И уж совсем точно не стоит задерживаться.

На стойке администратора меня остановили.

- Уже уезжаете? - удивленно спросила администратор, а я лишь кивнула и пробормотала:

- Да, возникли неотложные дела.

- Неотложные дела несовместимы со Сноухельмом, - сочувствующе произнесла женщина.

Но я не была настроена на разговор. Хотела сбежать как можно быстрее. Наверное, на меня нашло помрачение, когда я решила сюда вернуться. Думала, спасусь от Дилана, который не сунется в промороженную долину. Только вот сейчас бывший казался менее серьезной проблемой.

Хлопнула дверь, и в холле гостиницы появился похожий на сугроб мужчина в огромном тулупе. Отряхнул снег с плеч и басом сказал:

- Да, снегопадище знатный, давно таких не было. А чтобы вы знали, метет у нас даже в июле!

- Вот поэтому лучший вариант - уехать! - сказала я и положила ключи на стойку. - У меня котик не любит мороз.

- Заберите их. - Администратор вздохнула, а я непонимающе уставилась на нее.

Прояснил ситуацию мужчина.

- На неделю как минимум ты тут застряла, милая. В долине мы зависим от прихотей погоды. Все дороги из города завалило, а снег и не думает прекращаться.

Я замерла как вкопанная, а в голове билась одна-единственная мысль: «Он никуда не отпустит».

В комнату я возвращалась словно на заклятие, не понимая, как теперь быть. А когда уселась на

кровать, заметила на стекле новую надпись.

«Ты не сможешь от меня сбежать».

Сердце пропустило удар и рухнуло в желудок.

Глава 2

В себя меня привел только обиженный до глубины души вопль Пэрсика из недр меховой переноски. Оказывается, я пребывала в таком шоке, что забыла выпустить на волю свою любимую мохнатую скотину. Кот честно подождал какое-то время, а потом все же выразил недовольство мявом и шкрябаньем.

- И что же нам теперь делать, Пэрсик... - простонала я, прижимая к себе брыкающееся пушистое тельце. - Мне очень, очень не нравится, что мы тут с тобой застряли. А еще мне очень и очень страшно, потому что в детстве я была плохой девочкой и натворила много дел.

- Мыр-р-р? - спросил Пэрсик, вывернулся у меня из рук и, спрыгнув на пол, с деловым видом пошел к сумке, на дне которой лежала кошачья мечта - кусочки вяленого мяса.

- Тебе хорошо, зверь, - заметила я. - А меня кто покормит?

Есть хотелось невероятно. Я еще не завтракала, а время близилось к обеду. Снег за окном не прекращался, завывал ветер, и я искренне надеялась, что в гостинице есть ресторан. Совсем нежелательно искать кафешку за пределами этого здания.

Моя южная одежда не подходила для Сноухельма. Я не предполагала, что тут стало настолько холодно, и не рассчитывала, что задержусь. Придется покупать себе что-то по сезону.

Об этом я думала, влезая в узкое красное платье с открытыми плечами. В нем было зябко, пришлось взять серую вязаную кофту, которая совершенно не вязалась с образом. Но мне было все равно. Меня пугали послания на стеклах. Я не была дурой и понимала: это только начало. Но какие действия он предпримет дальше? Не убьет же? Если бы хотел, сделал бы это по пути сюда. Я в очередной раз совершила глупость. Сама угодила в ловушку. Ведь знала - возвращаться нельзя.

Заплела непослушные рыжие волосы в косу и спустилась вниз, чтобы узнать, где здесь кормят. А в холле меня ждал сюрприз. Женская фигура у стойки показалась знакомой.

- Жен... - удивленно протянула я, все еще не веря собственным глазам.

Женщина обернулась, и я узнала сестру, которая казалась крупней из-за пушистой шубы в пол. Черный мех отливал глянцем. На его фоне глаза Женевьев смотрелись особенно ярко.

- Привет. - Она устало улыбнулась. - Прости, что выставила тебя вчера. Просто растерялась и испугалась. Нам надо поговорить. В этом ты права.

- Хорошо. - Я была обескуражена. К чему такая смена позиции?

- А еще я принесла несколько теплых платьев. Смотрю на тебя и понимаю, что решение верное. Ты представления не имеешь, в чем тут нужно ходить, чтобы не замерзнуть к демонам, - в голосе нескрываемый укор, но я лишь слегка улыбнулась, глотая намек. Мне нечего сказать. Женевьев права.

Она протянула пакет с вещами.

- Так, может быть, поднимешься со мной? Поговорим в номере, у камина, - предложила я скорее из вежливости, потому что все еще лелеяла мечту о завтраке. Желудок сводило от голода, и я готова была продаться в рабство за тарелку каши.

- Можно, - не стала спорить сестра. - Но ты зачем-то спускалась вниз.

- Просто не завтракала, - не стала отпираться я.

- Тогда составлю тебе компанию. Я уже ела, но кофе попою с удовольствием. Только сначала переоденюсь. Смотреть на тебя холодно.

- А тут есть ресторан?

- Конечно, - важно кивнула администратор, которая стала свидетельницей нашего разговора. - На минус первом этаже. Спуститесь по лестнице, и там не промахнетесь.

- Тогда давай остановимся на ресторане. Я и правда очень хочу есть. Вчера только обедала.

Женевьев кивнула и устроилась ждать меня на диванчике. Шубу она расстегнула, но снимать не стала.

Сестра была более фигуристой, нежели я. Ее платье сидело на мне свободно, но это совершенно его

не портило. Да и меня, если честно, тоже. Длинное, в пол, светло-голубое, с воротником-хомутом из нежнейшей шелковистой шерсти, очень теплое и мягкое. Только переодевшись, я поняла, насколько мне было неуютно до этого.

Ресторан оказался вполне приличным и уютным, стилизованным под настоящий погреб. Единственное, что его портило, – отсутствие окон. У стен стояли бочки, а на специальных подставках лежали бутылки вина. Симпатично и мило. А то, что нет окон, даже к лучшему. Нет окон – нет морозных узоров, которые меня изрядно пугали.

Я заказала себе завтрак, а Женевьев – кофе. Сначала мы просто молчали. Прошло восемь лет с нашей последней встречи. Тогда сестра рыдала в три ручья и говорила, что ненавидит меня. Я и сама себя ненавидела. Это чувство не утихло и до сих пор.

– Зачем ты приехала, Валенси? – наконец произнесла сестра. – Правда, зачем? Мама с папой так много сделали, чтобы этого никогда не произошло. Бабушка последние годы доживала недалеко от тебя и оставила тебе наследство, чтобы ты ни в чем не нуждалась и, не дай боги, не сунулась сюда. Но ты все равно вернулась. Я не понимаю этих суицидальных наклонностей. Тебе жить надоело?

– Прости. – Я сглотнула. – Мне нужно было сбежать. И хотелось попрощаться с родителями.

– Им все равно. Как ни жестоко это звучит, но правда. Они не могут оценить твой поступок. А если бы могли, папа, как в детстве, устроил бы тебе порку.

– Еще я хотела увидеть твою дочку...

– Китти. – Черты лица Женевьев смягчились. – Она прекрасна, однако своим появлением ты и ее подвергаешь опасности. Ты выросла, Вал, но так и не перестала думать только о себе и собственных желаниях.

– Прости. – Я опустила глаза. – Все так плохо?

– Все еще хуже, чем ты себе представляешь. Пожалуй, в полной мере то, что случилось, осознала лишь мама, иначе не отослала бы тебя в этот же день. Она хотела заставить уехать и меня, но я думала, что сумею обратить колдовство вспять. Я думала, мы любим друг друга по-настоящему. Но... видимо, кто-то из нас врал. Ранион решил, что я. А может, даже себе не захотел признаваться. Или просто ничего нельзя было изменить. Даже в тот момент. Ты всегда казалась сильной.

– Я тогда была сильной, – поправка казалась важной. Слышать рассказ Женевьев было больно, и я с трудом сдерживала слезы. Знала, что будет тяжело, но не думала, что настолько. – Почему ты не уехала потом? Ну, когда поняла...

– Когда поняла что?

– То, что ничего нельзя исправить. Не говори, что еще любишь его, – я невесело усмехнулась. – У тебя муж, дочь.

– Дэвид всегда находился рядом и поддерживал меня. Не знаю, когда дружба переросла во что-то большее. Такой поворот оказался полной неожиданностью даже для меня. Перед нашей свадьбой ударил такой мороз, что в домах лопались стекла, метелища была жуткая. Я думала, город замерзнет и вымрет вместе с нами.

– Это сделал он?

– Да. Потом я нашла в себе силы поговорить с ним. Мороз отступил. Но мне до сих пор страшно. А не уехала, потому что он не позволил. Едва я паковала чемодан...

– Начиналась вьюга? – понимающе кивнула я.

– Да, три-пять бесплодных попыток. Тогда же, после свадьбы, он сказал, что хочет, чтобы мы жили в Сноухельме. Я, моя маленькая дочь, наше семейное счастье... Это заставляет его страдать. – На глазах Женевьев появились слезы. – Он говорит, что только это и ненависть позволяют ему почувствовать себя хоть чуточку живым.

– Ненависть ко мне... – прошептала я, сглотнув.

– Да, Вал. Он не выпустит тебя из города. И если я вызываю у него лишь горькие воспоминания о неудавшейся любви, то ты...

– Я вызываю ненависть. Он убьет меня?

– Ты же доехала до гостиницы. Сейчас на улице просто метет. Нет. Если бы он хотел убить, ты была бы уже мертва. Мне кажется, это для него слишком просто.

- И что мне делать?

- Не знаю. Приходи сегодня на ужин, - неожиданно сказала Женевьев.

- Но как же вчера?.. - удивленно спросила я, поражаясь тому, как быстро разговор свернул совсем в другую сторону.

- Вчера я была обескуражена и надеялась, что ты одумаешься и успеешь сбежать. Но утром выглянула в окно и поняла: он знает, что ты тут. Бесплезно пытаться защитить себя, семью и тебя. Если он захочет шантажировать тебя нами или нас тобой... он сделает это. Поэтому все равно, ужинаешь ты у нас или здесь. Если хочешь - даже вещи можешь собрать. Твоя комната не тронута с момента отъезда. Добро пожаловать домой, Валенси.

- У меня кот...

- Если он стойко вынесет присутствие маленькой любопытной девочки - бери и кота.

Женевьев допила кофе, улыбнулась мне и встала. В ее глазах не было сестринской любви, но и ненависти не осталось. Только боль из-за того, что наша жизнь сложилась таким образом.

Я еще посидела за столом, пытаюсь переосмыслить разговор. После всего случившегося я сразу уехала, поэтому последствия своего поступка понимала очень слабо. А они были. Я чувствовала: если не получится сбежать, мне неминуемо придется с ними столкнуться. А еще рано или поздно придется встретиться с ним. И эта мысль заставляла сердце панически биться. Тот, кого я обожала, превратился в мой самый большой кошмар.

Руки мелко дрожали. Я замерзла, несмотря на теплое платье, потрескивающий в камине огонь и отопительные камни. Пришлось заказать еще кофе и спрятать узкие ладони в длинных вязаных рукавах. Может быть, все это ошибка, плод моего большого воображения. Просто снегопад, просто страх. Ведь он не может знать, что я снова в Стоунхельме.

В реальность меня вернули воспоминания о морозных узорах и его посланиях на стекле. Он все знает. И помнит обо всем. Какая же я идиотка! Расслабилась за восемь лет, жила слишком далеко от этого ледяного ада, чтобы воспринимать его всерьез... И сейчас меня неминуемо настигнет расплата. Только неизвестно, какой она будет. И от этого становилось еще страшнее.

Чашка опустела. Я расплатилась и отправилась в номер. На стеклах застыл узор из колючих кристаллов. Через небольшое, не замороженное насквозь окошечко виднелась улица. Ясная, с искрящимися сугробами и людьми, которые пытались с лопатами пробиться сквозь ночные заносы. Метель закончилась, даже выглянуло робкое солнышко. «Он больше не злится, - мелькнула в голове шальная мысль. - Я все делаю правильно».

Откуда это у меня в голове? Бред.

До вечера оставалось несколько часов, а я совсем не знала, чем себя занять. По городу гулять не хотелось. Мне и тут было не жарко. К тому же половина тропинок еще не расчищена, а пробираться по сугробам в неизвестном направлении - сомнительное удовольствие. Поэтому я завалилась с Пэрриком на кровать и продрыхла почти до самого ужина. Так, что пришлось подсакивать и спешно собираться. Слава богам, на все сборы ушло несколько минут. Оставалось накинуть шубу и пихнуть Пэррика в переноску.

Кот очень быстро учуял неладное и хотел сбежать - поганая лохматая скотинка. Пришлось выуживать его из-под кровати. Победа оказалась за мной, к тому же я немного согрелась.

К вечеру тротуары разгребли, и передвигаться стало вполне комфортно. Главное - держать равновесие и не скользить. Мороз обжигал нос, от теплого дыхания оседал инеем на шарфе и пробирался под подол шубы, чтобы ущипнуть за колени. Зато до дома я добежала удивительно быстро.

- Заходи! - Женевьев даже улыбнулась, а малышка на руках смотрела на меня настороженно и с вызовом. Ярко-рыжие кудряшки торчали во все стороны, прямо как у меня. У самой Женевьев волосы всегда были тяжелые, послушные и падали легкой волной на спину.

- Ты кто? - спросила малышка без приветствия.

- Валенси... твоя тетя.

- Мама говорит, что с незнакомыми тетями разговаривать нельзя.

- Твоя мама права, но мы обязательно познакомимся. Прости, малыш, я не принесла тебе подарок, но... - Я сделала театральную паузу, интригуя ребенка. - Привела того, кто может стать хорошим

другом.

Шагнула в прихожую, сняла шубу и повесила на вешалку возле входа. Сделала это на автомате. Вешалка стояла в том же углу, что и раньше. Она была гостевой, но я и не претендовала на хозяйскую. Я тут просто гостя.

После этого опустилась на колени и открыла переноску, откуда с крайне недовольной миной выбрался Пэрсик. Точнее, сначала выбрался длинный хвост, потом толстый пушистый зад, а уже потом – недовольная приплюснутая морда.

- Его зовут Пэрсик!

- У-у-у! – взвилась Китти с рук матери и кинулась к коту, намереваясь сграбастать в охапку. Пэрсик испуганно попятился и посмотрел на меня с таким укором, что даже стало его жаль.

- Эй! – позвала я племяшку. – Пэрсик живой. И он напуган, так как впервые в этом доме, да и вообще в этом городе. Ему холодно, страшно и немного одиноко.

- Нельзя его обижать, – понимающе кивнула девчужка. – А жалеть? – Она раскинула ручки и, словно коршун, двинулась к коту.

- Жалеть тоже, – заметила Женевьев, готовая спасти кота от дочери.

- Давай ты просто покажешь Пэрсик дом? И тогда он, думаю, разрешит тебе себя погладить!

Пэрсик посмотрел на меня с истинно кошачьим презрением, всем своим видом показывая, что он думает про «погладить», но послушно направился за весело хохочущей Китти.

Мы с Женевьев прошли в зал, где уже был накрыт стол. Утка с яблоками, маринованные овощи, ароматная картошка... Я словно вернулась в детство. Даже комната не очень изменилась за последние восемь лет. Нет, тут не было старой мебели или выцветших стен – мы никогда не жили бедно. Но новые вещи мало отличались от прежних. Диван, стол, камин – все осталось на своих местах. Наверное, это особенность маленьких, удаленных от цивилизации уголков – они неохотно принимают что-то новое и чуждое. Печально признавать, но чуждой тут стала я.

- Здравствуй, Валенси, – поздоровался Дэвид, но его взгляд не потеплел. Зять не был рад меня видеть, но это не имело значения. Мы знали друг друга, хотя никогда не общались. Ему не была интересна сопливая младшая сестричка подруги.

«А Раниону была», – мерзко шепнул внутренний голос, заставив вздрогнуть и напоминая о том, какая же я все-таки дрянь. Как только Женевьев терпит меня в своем доме?!

- Вина? – поинтересовался Дэвид, и я послушно кивнула. Наверное, стоит немного расслабить мозг.

А в следующий миг порыв ветра распахнул закрытое на защелку окно. В комнату ворвался вихрь снежинок, закрутился поземкой по ковру.

Испуганно вскрикнула Женевьев, кинувшись в спасительные объятия мужа, а я не могла сдвинуться с места, так как снежинки начали уплотняться и превратились в молодого мужчину. Ослепительно красивого. Мое ледяное проклятье. Знакомые и в то же время незнакомые черты лица и холодный взгляд, от которого сердце на секунду превратилось в ледышку, а потом мигом оттаяло и снова пустилось вскачь, потому что кровь с удвоенной силой побежала по венам.

Ранион молчал, давал возможность хорошенько рассмотреть себя, понять, что же я тогда натворила. Не было больше улыбчивого обаяшки, от которого приходили в восторг и юные красотки, и их мамы, и младшие сестры. Передо мной стояло воплощение стихии – отстраненное, ледяное и, что пугало сильнее всего, совершенно неживое. Но невероятно прекрасное. Длинные серебристые волосы, которые трепал ветер, ворвавшийся вместе с Ранионом в дом, алебастрово-белая кожа. Ресницы, словно припорошенные снегом, и прозрачные ледяные глаза. Такие голубые, что кажется, в них навсегда замерзло летнее небо. Черная атласная рубашка лишь подчеркивала неестественную белизну его кожи. Ранион был прекрасен и недоступен, словно мастерски сделанная снежная скульптура.

- Ну, здравствуй, Валенси.

Он плавно переместился ближе, и меня обдало ледяной волной, когда Ранион остановился рядом.

- Не об этом ты мечтала, рыжая, когда делала меня таким? Так ведь? – с холодной усмешкой поинтересовался он и поднял руку к моему лицу. На секунду коснулся подушечкой пальца моей губы и повел линию вниз по подбородку. – Ты стала красивой.

От его ледяного прикосновения по телу пробежала дрожь, а место, по которому Ранион провел

пальцем, словно покрылось инеем. Не удивлюсь, если на щеке или скуле появится след от обморожения.

А ледяной обрисовал пальцем контур моих губ, и меня затрясло от холода.

- Мне было двенадцать! - глухо отозвалась я. - Единственное, о чем я могла мечтать, так это о том, что мы пойдем вечером гулять и будем любоваться закатом.

- По твоей милости я только этим и могу заниматься, - прошипел он. - Вот уже восемь лет. Тебе это не кажется несправедливым, Рыжик?

Я даже ответить не смогла, только шумно вздохнула. Женевьев и Дэвид тоже молчали. Я чувствовала их напряжение и страх. А еще ледяные пальцы, которые, прочертив холодную дорожку по моей щеке, скользнули к высокому вороту шерстяного платья, внезапно совершенно переставшего греть.

Надо что-то ответить. Я видела это по холодному интересу в льдистых глазах. Если молчать, будет только хуже. Но тут в комнату ворвался рыжий вихрь. Сначала со смехом вбежала Китти. Ледяной бросил на нее быстрый взгляд, но сделать ничего не успел. Девочку поймал и трепетно прижал к себе Дэвид, а вот пытающийся затормозить Пэрсик заскользил лапами по заледеневшему полу и врезался под колени Раниону. Потом смешно замер, а мое сердце пропустило удар, потому что я испугалась за пушистика.

Однако кот величественно поднялся с задницы, словно не ехал на ней только что целый метр, отряхнулся и неожиданно с урчанием потерся о ноги Раниона, оставляя на дорожке черной ткани рыжие клочки шерсти.

На миг в глазах ледяного мелькнуло что-то человеческое. Он присел, потрепал кота за ухом. Правда, этот жест не вызвал у Пэрсика никаких положительных эмоций. Котейка у меня - тварюшка теплолюбивая, поэтому от прикосновения ледяной ладони к своей шубке рыжик отпрыгнул в сторону, затрясся от омерзения и задергал лапами, будто в миску ему положили несвежий корм. А я увидела изменившееся лицо Раниона. Всего миг в его глазах читалась такая боль, что сердце сжалось в тугую комок страха.

Потом ледяной рассыпался ворохом снежинок и порывом ветра улетел в мороз, оставив после себя стужу, небольшие сугробы и тающие льдинки.

Женевьев выдохнула и подскочила к окну, чтобы закрыть ставни и прогнать из комнаты холодный воздух, а я подошла к ней и остановилась за спиной. На темном небе виднелся серебристый силуэт стремительно удаляющегося ледяного дракона.

- Прости за то, что вернулась... - спустя какое-то время пробормотала я.

- Ты всегда действовала эмоциями, а не головой, - вздохнула сестра.

- Мне лучше уйти и не подвергать вас опасности.

- Да, так будет лучше, - подал Дэвид голос.

- Ты остаешься. - Женевьев даже не взглянула на мужа. - Ранион найдет тебя везде, но не причинит вреда мне. Он знает: я не хотела, чтобы с ним это произошло. И до последнего пыталась исправить.

- Я тоже не хотела, - прошептала я, глотая слезы.

- Но все же сделала. И он никогда тебя не простит.

Глава 3

После посещения Раниона как ни в чем не бывало вели себя только Китти и Пэрсик. Пэрсик залез к племяшке на руки и нагло спер с ее тарелки кусок мяса, Дэвид явно был не в восторге от такого поведения прилюдной скотины. Ей-богу, я даже покраснела от стыда за своего домашнего питомца и попыталась отобрать у поганца добычу, но кот предусмотрительно сожрал ее в углу за шкафом, куда никто не смог дотянуться.

А Китти была просто счастлива. После ужина она лично отловила Пэрсику и сказала:

– Он спит со мной.

Я не была уверена, что мохнатый согласится, но кот покорно болтался в руках малявки и не делал попыток сбежать, напоминая жирную лохматую сардельку.

Женевьев отправилась укладывать дочку. Пользуясь случаем, я тоже ушла. Не хотела оставаться один на один с Дэвидом, испытывая необъяснимую скованность. Он хоть и молчал, но был сильно недоволен моим присутствием.

Сославшись на усталость, я сбежала в комнату. Требовалось время, чтобы все обдумать. Дэвид проводил меня тяжелым взглядом. Я его понимала. Именно я внесла сумятицу в их размеренную жизнь. И сейчас страдала по этому поводу.

Женевьев не обманула. Моя комната на втором этаже ничуть не изменилась со времени отъезда. Домашний дух исправно наводил порядок. Пыли не было, вещи лежали на своих местах. Любимые куклы, книги, милые двенадцатилетней девочке безделушки, плед и подушка на окне, где я любила читать. И там же – старинная книга в кожаном переплете. Как напоминание о том, что маленьким ведьмам нельзя озвучивать свои желания.

Точнее, можно, но очень осторожно. Моим первым заклинанием стало проклятье. Я превратила того, кого боготворила, в безразличную и холодную ледяную статую. Ледяного дракона, который управляет стихией и обитает в замке на горе, потому что рядом с ним погибает все живое.

Когда Ранион и Женевьев объявили о своей помолвке, именно такой я чувствовала себя – маленькой замороженной девочкой, у которой перестало биться сердце. Ледяная сказочная история, которую я любила читать вечерами, злость и отчаяние дали импульс колоссальной силе, и она выплеснулась в уродливом проклятье, разрушившем сразу несколько жизней, одной из которых оказалась моя собственная. Почему тогда я сама не заледенела? По крайней мере, это было бы справедливо.

Сегодня я даже не смогла заставить себя подойти к подоконнику и впервые за восемь лет взять в руки любимую историю. Но помнила ее наизусть. Каждое слово. Только вот у сказочной истории была хорошая концовка. Ледяной дракон влюбился по-настоящему и оттаял. Но в душе моего ледяного – только ненависть. Ненависть ко мне.

Сегодняшний день вымотал меня до предела, но я все равно думала, что не сумею уснуть. Едва закрывала глаза, перед ними возникал образ ледяного Раниона с мертвенно-бледной кожей, жестокой ухмылкой на губах и тоской в глазах. Он действительно не заслуживал того, что я с ним сотворила. Он имел право мне мстить. И если бы я знала, как искупить свою вину, непременно сделала бы это. Даже отдала свою жизнь, чтобы вернуть его собственную. Только вот жертва будет напрасна: проклятье она не снимет. Я подозревала, что проклятье не снимет ничего. Красивый финал сказки – это всего лишь красивый финал сказки. А в жизни был только потерянный, невероятно красивый ледяной дракон, которого я обрекла на вечное одиночество.

Холодный ветер пробрал до костей, скользнул под одеялом по голым ногам и заставил меня проснуться. В комнате было темно, только серебристый свет луны падал в открытое окно. Я подскочила и с ужасом уставилась на подоконник. На распахнутые настежь ставни и снег на ковре. А еще – на задумчиво разглядывающего меня Раниона.

Он сидел на подоконнике, прислонившись спиной к откосу, и наблюдал за мной. В длинных светлых волосах, словно изысканное украшение, запутались сосульки, а лицо в мертвенном свете луны казалось серебряным. Он напоминал призрак. Наверное, потому, что черное одеяние сменил на светло-серое. Узкие брюки, обтягивающие длинные ноги – я сейчас хорошо видела выделяющуюся мышцу бедра, легкая рубашка с небрежно расстегнутыми пуговицами. Ранион был нереально и пугающе красив.

– Что ты здесь делаешь? – прошептала я, кутаясь в одеяло то ли от холода, то ли от страха. Кончик носа начал мерзнуть.

– Пришел насладиться своим триумфом. Ты стала красивой. Пожалуй, даже красивее, чем твоя сестра в этом возрасте. На такую тебя я бы запал. Серьезно.

Он говорил тихо и с усмешкой, а в моей груди свернулся ледяной комок. К горлу снова подступили слезы. Я мечтала о том, что понравлюсь ему, когда вырасту. Но и предположить не могла, что судьба повернет все так. Злая насмешка.

- Зачем ты издеваешься надо мной? - спросила тихо, зная ответ. Это месть, на которую он имеет право. - Чего ты хочешь?

- Сейчас я хочу гулять. Пошли. Мне очень скучно и нужно, чтобы кто-то меня развлекал. А ты мне должна, Рыжик. Очень сильно должна.

- Я никуда с тобой не пойду. - Комок страха сжал горло, и я упрямо замотала головой. - Там ночь, метель и зверский холод.

- Ну, допустим, метели не будет. А касаясь холода... тебе ли жаловаться? Это ведь все по твоей вине!

- Я и не спорю! Я знаю, что виновата на все сто процентов! Просто... ну что мне сделать?

- Тебе не стоило приезжать сюда, - с болью в голосе сказал он. - Твоя мать прекрасно это понимала, Рыжик. Она знала: если ты попадешься мне, я уже не смогу тебя отпустить. Ты же хотела быть вместе? Ну собирайся, твоя мечта сбылась. Ни с одной другой женщиной я не могу быть настолько жесток.

- Я была ребенком.

- Ты меня убила, - жестко отрезал он. - Точнее, лучше бы убила. Надевай свою демонову шубу, иначе тебе придется гулять со мной в одеяле.

- А если я все же откажусь?

Ранион плавно переместился с подоконника и присел на край кровати. Холод стал почти нестерпимым.

- Тогда я заморожу к демонам весь этот проклятый город. Думаешь, вчера шел просто снегопад? Нет, я хотел отрезать тебе путь к отступлению. И если ты не оденешься сейчас и не начнешь улыбаться так, словно сбылась твоя самая заветная мечта (а ведь она и сбылась, правда ведь, маленькая сестричка?), то завтра с утра жителей ждет самое настоящее светопреставление. Им очень сильно повезет, если после моего гнева выживет хоть треть! Мне нечего терять, Рыжик, поэтому я не шучу. Хочешь взять на себя вину еще и за энное количество поломанных жизней?

Я сглотнула и помотала головой, понимая, что тот, в кого превратился мой солнечный Ранион, не шутит. Если я откажусь делать то, что он хочет, он действительно уничтожит всех без сожаления.

- Не хочу.

- Тогда прекращай пререкаться.

- Нужно одеться и выйти из дома так, чтобы не заметили сестра с мужем.

- Мне не нужны двери, Рыжик. И можешь переодеться прямо тут. Трогать тебя опасно. Я не готов убивать... Пока. Впервые за восемь лет мне стало интересно, но вот смотреть... Смотреть никто не запретит.

- Ты, - у меня пропали слова, - ты... Чудовище.

- Ты сделала меня таким. Собирайся, я теряю терпение.

Я сжала зубы и подчинилась. Ранион невыносимо пугал и раздражал. Как я вообще могла его обожать? Неужели это восемь лет в ледяном аду сделали его таким? Не может же человек измениться до неузнаваемости?

«Может, - шепнул внутренний голос, - особенно если его прокляли».

Липкий страх накатил и застрял комком в горле. Руки дрожали, и больше всего хотелось сбежать. Я знала: так называемая «прогулка» не принесет ничего хорошего. Я вообще не была уверена, что он не ведет меня убивать. Но и не подчиниться не могла.

Закутавшись в одеяло, проскользнула сначала к шкафу, а потом, выбрав одежду, - в ванную комнату. В спину прилетели снежинки и язвительный смешок. Этого нового, незнакомого мне Раниона я просто забавляла. Словно экзотическая зверюшка. Точнее, как игрушка, которую подарили капризному ребенку. Она развлекает какое-то время, а потом ее можно сломать. И никто за это не отругает.

Выбор одежды был не так и велик. Я влезла в одолженное сестрой платье, унты из очень теплого, жесткого меха и в свою шубу с капюшоном. В таком виде и вышла в комнату, где Ранион развлекался, закручивая в воздухе спирали из снежинок.

- Ну что, готова окунуться в мою жизнь? - спросил он с холодной злой усмешкой.

- А если нет? Это что-то изменит? - поинтересовалась я, поджав губы.

- Ты же знаешь ответ, - заметил он, рассыпался снегом и, снежным вихрем подхватив меня, вылетел в окно. Ответ «нет» он не воспринимал.

Я завизжала, потому что вылетать из окна третьего этажа совсем не весело, взмахнула руками и ухватилась за гребень на спине ледяного дракона, который стремительно набирал высоту.

Было страшно. Вряд ли Ранион спешил показать мне красоты долины. Даже через перчатки руки примерзали к ледяному гребню. Сидеть на холодной спине было некомфортно. Мы неслись куда-то сквозь бурю, и мне совсем не нравилось, как больно и зло колет щеки снег. Буря усилилась и сейчас раздавала оплеухи лишь потому, что Ранион оказался выше того, чтобы бить девушку. А вот поиздеваться другим способом ему ничто не мешало.

На фоне черного неба кружилась вьюга. Она завывала вверху и сливалась в плотный туман внизу, нельзя было различить ни дороги, ни дома. Вокруг бесновался ледяной кошмар. Я замерзала, а дракон все неслся и неслся, закладывал крутые виражи и потом резко падал вниз, заставляя меня орать. Руки тряслись, а я до оконченения сжимала пальцы и только шептала про себя: «Я выдержу», сама не особенно в это веря.

Когда я подумала, что страшнее быть уже не может, среди снежных смерчей начали сгущаться неясные фигуры. То справа, то слева слышался смех, меня хватили чьи-то руки. Увидев первое оскаленное лицо со шелкающими зубами, я едва не слетела со спины Раниона. Нет, нужно держаться что есть мочи. Он не будет меня ловить. Пожалуй, моя смерть его только обрадует.

- Кто это? Ранион! Куда ты меня несешь?

Но ледяной дракон молчал. То ли просто не хотел со мной разговаривать, то ли не мог в этом обличье. Сотканные из снега фигуры пугали. Они походили то ли на ледяных зубастых призраков, то ли на плод моего дурного воображения. Тянули ко мне свои холодные руки, хватили за волосы, которые покрылись льдом, дергали за шубу... Я рыдала в голос, не обращая внимания на то, что на щеках слезы превращались в ледяные дорожки. Когда показалось знакомое окно и Ранион забросил меня домой с ворохом снежинок, я упала на пол и замерла, боясь пошевелиться. Не могла поверить, что убийственная прогулка завершилась.

- Как тебе наша прогулка? - как ни в чем не бывало поинтересовался ледяной. Все такой же невозмутимый, в расстегнутой рубашке и с холодной усмешкой на губах. - Тебе понравился мой мир?

- Зачем тебе все это, Ран? Зачем? Хочешь меня убить?

- О, нет... - Он присел рядом со мной. - Это слишком просто. Ведь ты меня не убила. А знаешь, как часто за эти восемь лет я мечтал о смерти?

- Чего ты хочешь от меня?

- А разве это не очевидно, Рыжик? - усмехнулся он и накрутил мою прядь на палец, чтобы спустя секунду отпустить уже ледышку. - Мне скучно. И я хочу просто поиграть.

- Я живая, мной играть нельзя... - пискнула я, словно говорила Китти про Пэрсика.

- А я твоей милостью - нет. И буду играть или тобой, - он внимательно взглянул мне в глаза, чтобы до меня точно дошел смысл сказанного, - или этим городом. Решение за тобой, Рыжик. Если не будешь делать то, что я тебе скажу, наверное, я расстроюсь. А когда я расстраиваюсь, тут вечно что-то случается. Например, может замерзнуть экипаж, который курсирует между долиной и цивилизацией. Ты же не хочешь этого, Рыжик?

- Что с тобой стало, Ранион?

- Неправильный вопрос, Вал. Что ты со мной сделала в угоду глупой детской прихоти?

- Ты будешь мне мстить?

- Только мысли о мести не дали мне сойти с ума, пока я наблюдал, как моя девушка уходит к моему лучшему другу и рожает ему ребенка. В то время как я могу только заморозить к демонам это проклятое место. Поэтому я мечтал о встрече с тобой долгие восемь лет. И «ненавижу»

в отношении тебя – слишком слабое слово.

Я сжалась на полу, а Ранион медленно поднялся, оставляя за собой стужу. Пол под коленями начал покрываться толстым слоем инея. Заледенели ножки кровати, а морозные узоры поползли по стенам, превращая мою комнату в ледяную темницу. Лед сковал дверь и косяк, прозрачной глазурью покрыл подоконник.

– Что ты делаешь? – дрожащим голосом спросила я. Но взгляд Раниона кричал о том, что это не конец, а только начало.

– Продолжаю нашу игру, беззащитный маленький котенок, – шепнул он морозом в мои приоткрытые губы. – Посмотрим, как долго ты продержишься в тех условиях, в которых я провел целых восемь лет.

– Все же убьешь? – с какой-то давящей на сердце обреченностью шепнула я, чувствуя, что не способна даже рыдать. В голове крутился вопрос «за что?», но даже на него я прекрасно знала ответ. Ответ, который не давал мне попросить пощады, потому что я это заслужила.

– Нет, пока я не настроен тебя убивать. Сделаю это, когда станет совсем скучно. Но если ты отморозишь пару пальцев или ступню, рыдать не буду. Поверь.

– Я тебя ненавижу, – чувствуя приходящую на смену отчаянию злость, выкрикнула я.

– Нет, Рыжик. Это я тебя ненавижу. А ты меня любишь, как и восемь лет назад. Просто злишься, что чувства по-прежнему безответны. Но маленькое глупенькое сердце продолжает часто биться при моем приближении. Ты любишь меня даже таким, и это заводит. Еще одна причина не убивать тебя сразу. Любовь вперемешку со страданиями – это то, чего я ждал так долго.

После этих слов Ранион закрутил вокруг меня колючий вихрь из снежинок и убрался, захлопнув за собой окно. Лязгнули ставни, и тонко завибрировали стекла, но не разбились. Их тоже затянул лед, запечатывая меня в промороженной комнате. Тут было так холодно и страшно, что отчаяние захлестнуло с головой. Я боялась ледяного и своей новой жизни. Непонятно, как все это пережить и что он придумает на следующий день. А я уверена: он не оставит меня в покое даже ненадолго. Будет терзать, пока... а вот что «пока», я не знала. Пока я не сдамся? Так я уже сдалась. Пока я не умру? Так моя жизнь в его власти... Ответ пришел сам собой. Пока его не отпустит. Пока он сам не решит, что готов простить меня. Только тому, что я сделала, нет прощения.

Сидеть было холодно. Если не выберусь, то действительно могу себе что-нибудь отморозить. Ухватилась за ручку и тут же отдернула руку из-за обжигающего холода. Я оказалась в ловушке.

Заглянула в ванную, но краны даже не открылись. Пришлось искать какой-нибудь предмет, чтобы отколоть лед. У меня всегда были длинные волосы, поэтому шпилек в комнате оказалось много. Самыми острыми я попыталась расковырять дверь и выбраться из ледяной коробки, но ничего не получилось. Я зарыдала, чувствуя, как коченеют пальцы. Наверное, с утра обо мне вспомнят и кто-нибудь заглянет, но не уверена, что доживу до этого момента в целости и сохранности.

Сидеть и плакать было проще всего, но это вело к неминуемой гибели. Поэтому я бегала по комнате, кричала, стучала кулаками в дверь и даже пару раз ударила по льду стулом. Никакого видимого эффекта не добилась, зато согрелась. Лед, видимо, глушил все звуки и совсем не поддавался внешнему воздействию. Я устала, отчаяние накатило с новой силой. Хотелось упасть на пол и разрыдаться, но дверь внезапно открылась сама. Безо всяких усилий.

В комнату просунулось удивленное лицо Женевьев, а между ее ног скользнул Пэрсик. Он коснулся лапами ледяного пола, вздыбил на загривке шерсть и попятился, раздраженно дергая хвостом. Не понравилось.

А я с рыданиями бросилась вон.

– Что тут произошло? – удивленно спросила сестра и шагнула мне навстречу. Лед в комнате стремительно таял, стекал волной по стенам, образовывал лужицы на полу. Покрывало на кровати тоже стало мокрым.

– О боже! Валенси! – всхлинула сестра и кинулась меня обнимать. – Это сделал он, да? Скажи мне!

Я смогла только кивнуть и снова зашла в рыданиях, а Женевьев увлекла меня в свою комнату.

Дэвид попытался возмутиться, но был изгнан. Я скинула мокрую шубу на пол, и сестра сразу отправила меня отогреваться в душ. Я была ей за это благодарна. Пэрсик упорно тащился за мной следом, но я захлопнула дверь перед его носом. Меня трясло от холода и от пережитого. Как хорошо, что сестра дала время прийти в себя, а не накинулась сразу с вопросами.

Я включила горячую воду и замерла под ее напором. Струи били в спину, отогревали окоченевшие ступни и руки. Тело ломало так, что хотелось выть. А еще за шумом воды я почти не слышала разговор Женевьев и мужа. Уловила только обрывки слов Дэвида. «Это нельзя так оставить», «Она нас погубит» и «У тебя, кроме сестры, есть дочь...»

Я и сама понимала, какой опасности подвергаю Женевьев и ее семью. Наверное, и правда стоит подыскать себе другое жилье, но не завтра. Мне слишком страшно, чтобы уйти. Что ответила Женевьев, я не расслышала. Совсем не удивлюсь, если сестра выставит меня из дома. Слишком много неприятностей я доставляю.

Но когда я, кутаясь в теплый халат и натянув почти до колен шерстяные носки, вошла в комнату, на маленьком столике дымился чай и стоял мед. Женевьев сидела в кресле с Пэрсиком на руках, а вот Дэвида в комнате не оказалось.

- Мы решили, что будет лучше, если ты переночуешь тут со мной. А Дэвид поспит в гостевой спальне, - пояснила сестра, проследив за моим удивленным взглядом.

- Не стоит... - начала я, но она покачала головой.

- Так будет спокойнее. В первую очередь мне. Расскажешь, что произошло?

- Постараюсь.

- Впрочем, - она отмахнулась, - я представляю. Можешь не говорить. Это проделки Раниона. Совсем свихнулся.

- Он меня ненавидит.

- Он сошел с ума. Я с ним поговорю.

- Не нужно, Женевьев. Это опасно. Как вы меня нашли? Как ты вообще поняла, что мне требуется помощь?

- Это он, - сестра указала на Пэрсика. - Убежал от Китти. Разбудил меня и не отставал, пока не пошла за ним.

- Я не могла выйти из комнаты. Так страшно... А до этого... - Я закрыла руками лицо и разрыдалась. А когда немного успокоилась, все же смогла рассказать Женевьев, что со мной произошло.

- Тебе нужно поспать, - сказала сестра. Переложила мне под бок кота и укрыла одеялом. - Хочешь, дам успокоительный отвар?

- Нет, - помотала головой. - Не нужно.

- Спи, Вал, я что-нибудь придумаю.

- Ты не обязана мне помогать, я виновата. Это сотворила я, и он в своем праве.

- Нет. Не вправе, - жестко заявила сестра. - Ты была глупой маленькой девочкой, на эмоции которой не обращали внимания. Мы ведь с Раном видели, что ты его боготворишь. Нас это веселило. Мы виноваты не меньше, чем ты. Спи.

Глава 4

Метель закончилась к утру, так как я успокоился. Точнее, ненависть из буйной стадии перешла в отстраненно-холодную, и это отразилось на погоде. Я перестал словно угорелый носиться над долиной и бороться с желанием разнести все к снежным демонам и вернулся в замок.

Успокоиться стоило великих усилий. Я словно заново прожил тот день восемь лет назад, когда вместо крови по венам потек лед. Тогда я еще не понимал, что со мной произошло. Все казалось какой-то дурацкой шуткой, которая со дня на день прекратится, и я продолжу жить, как и прежде. Я не испытывал ненависти к Рыжику, она все еще оставалась милой сестричкой девушки, на которой я планировал жениться. Ненависть пришла позже, вместе с осознанием, что как раньше не будет уже никогда. Она разъедала мою душу день за днем, пока не стала единственной целью никчемного существования. Я превратился в чудовище не только внешне, но и в душе. Тогда Валенси создала идеальное ледяное чудовище, которое не остановится ни перед чем в желании поквитаться.

Я мечтал, что наступит день, и я смогу отомстить. Рыжика прятали хорошо. Там, куда я не мог добраться. Но судьба расставляет все по своим местам, и теперь Валенси в моей власти. Я не звал ее, не пытался заманить, не шантажировал Жен (хотя мог бы), чтобы она выдала мне сестру. Рыжик сама приехала сюда, а значит, мои руки развязаны.

Демоны, как же сложно оказалось сегодня сдержаться и не убить ее сразу. Такая хрупкая, наивная, с огромными колдовскими глазами и кудряшками, которые мороз превратил в свисающие вокруг заплаканного личика сосульки. В этот миг из глубин души подняла голову жалость, отравив минуту торжества, и тогда я психанул. Оставил ее в этой ледяной коробке на верную смерть. Потом еще долго летал над городом и мучился угрызениями совести. Хотя к чему они? Валенси заслужила все эти страдания. Они лишь малая часть того, через что пришлось пройти мне. Так почему же я малодушно решил ее отпустить и даже развернулся обратно к окну? Но в комнате Рыжика уже не было. Ее кто-то выпустил. Наверное, Женевьев. Она хорошо меня знала и понимала, как я зол.

Сейчас на долину упал трескучий мороз. Такой сильный, что передохнет половина птиц в округе. Просто не долетят до теплых домов. Да и людям лучше не высовываться сегодня на улицу. Опасно. Этот мороз – отражение состояния моей души. После гнева и злости мне нужно было успокоиться, поэтому я выбрался в мастерскую, расположенную на заднем дворе. Физическая работа и творческий процесс – лучшие способы усмирить гнев. Для работы со снегом и льдом требовалась низкая температура. К тому же сейчас я мог либо психовать и заваливать долину снегом, либо культивировать ледяное спокойствие. Думаю, снега людям достаточно. Морозы они, правда, тоже не любили. Но иного я предложить не мог. И виновата в этом маленькая рыжая дрянь с оленьими глазами!

Я никогда не знал, что у меня получится на выходе. За исключением, пожалуй, сегодняшнего дня. Сегодня я вырезал из ледяной глыбы чуть вздернутый нос Валенси, ее полные чувственные губы и эти олени напуганные глазищи. Будто это не она восемь лет назад отправила меня в ад одним взмахом вот этих длинных ресниц. Будто не ее губы шепнули слова проклятья, и моей жизни пришел конец.

Она уехала в теплые страны, подальше от ледяного монстра, моя невеста вышла замуж за моего лучшего друга, а я? А я вынужден сидеть в своем ледяном замке на горе и не портить им жизнь? Если я смог убедить себя не трогать Дэвида и Женевьев – все же они не виноваты в случившемся (хотя лучший друг вполне мог выбрать себе любую другую девушку), то Валенси... Валенси была виновата по всем статьям.

Когда я заметил под холмом карету, которая по извилистой горной дороге подбиралась к моему убежищу, очень удивился. Во-первых, гости у меня бывают нечасто, во-вторых, с погодой я действительно перестарался. Город не успели толком очистить от снега после ночной бури, от мороза птицы примерзали к веткам, а кто-то решил нанести мне визит? Так странно. Впрочем, я подозревал, кто это мог быть.

Видеть никого не хотелось, и первой мыслью было устроить занос на подъезде к замку. Мне ничего не стоило сделать дорогу непроходимой. Наверное, я так и поступил бы, но был слишком увлечен, вырезая лицо Валенси. Такое живое, почти настоящее. Не получились только кудри, пришлось сделать прямые длинные волосы, которые трепал ветер.

Эта льянка вышла почти безупречной. Осталось доработать пропорции фигуры, которая получилась лучше, чем была у тощего Рыжика. Полная, красивой формы грудь, узкая талия и длинные ноги. Идеальная ледяная спутница, которую хотелось уничтожить одним взмахом руки, потому что в ней, как и во мне, не было жизни. А я до зубовного скрежета желал согреться теплом маленькой рыжей Валенси. Только ее тепло не отогреет меня, лишь даст секунду облегчения. А вот мои прикосновения – это путь в ад. Впрочем, именно там я и приготовил ей место.

- Господин, к вам гости, - прошелестело над ухом.

Леван - один из первых созданных мною снежных помощников - умел приближаться неслышно даже для меня. Он не имел формы и состоял из вороха снежинок. Это уже позже я понял, что в качестве обслуживающего персонала мне нравятся фигуристые снежные девушки. Я назвал их лядянки.

Я кивнул, и вихрь снежинок прокатился по двору, скрывшись за воротами.

- Ран... - раздался за спиной голос, и я лениво развернулся. Даже не сомневался в том, что навестить меня решила моя бывшая.

- На улице холодно, Жен, зря ты вышла из дома. Не боишься замерзнуть?

- Я не могла не прийти, - заметила она, кутаясь в длинную, до пола, шубу. - Это ведь представление для меня? Вьюги, каких не было несколько лет, этот дикий холод... Снова пытаешься привлечь внимание?

- Ты самонадеянна. Теперь все для нее. Для твоей маленькой сестрички.

Женевьев была забавна, как щенок, который лает на прохожих. Ему не дают пинка сапогом лишь по одной причине: слишком мал, чтобы причинить вред.

- Что это? - Женевьев сморщилась, увидев у меня за спиной ледяную скульптуру. - Ран, ты совсем свихнулся и вырезал из снега голую Валенси? Ты и правда извращенец.

- Ну, во-первых, если подходить формально, у скульптуры твоя фигура и ее голова. Будем честны: твоя сестренка как была тощей, так и осталась. Ну и потом, должны же у меня быть развлечения? Я бы мог целовать, допустим, тебя... - Женевьев шарахнулась в сторону, едва я приблизился, а на ее ресницы осел иней. - Видишь, тебе не хочется. Могу твою сестренку. Только ты же знаешь, к чему это приведет. Но, боюсь, мое терпение рано или поздно закончится. И я пока не решил, кого выберу.

- Не смей, не убивай ее! - всхлипнула Жен так естественно, что ледяное сердце на миг вздрогнуло.

- Пока я не хочу ее убивать, хочу поиграть. И поэтому делаю себе ледяную помощницу. Ты же видела моих лядянок - они послушные и красивые.

- И холодные, как сугроб! - не удержалась Женевьев.

И очень зря.

- Да, это проблема. Но те горячие женщины, к которым меня тянет, слишком ценный ресурс, чтобы их так вот расточительно использовать. Хотя по поводу Валенси я подумаю, она ведь была в меня влюблена. Маленькая рыжая мышка. С ней будет очень интересно играть.

- Не обижай ее, Ран, - взмолилась Женевьев. - Она не игрушка. Игра с тобой ее просто убьет.

- Ты же знаешь, Жен, мне скучно. Я злюсь на весь мир, на тебя, и на Дэвида тоже. Думаешь, я бы не хотел, чтобы на твоих руках сидела наша дочь? Не мешай. Иначе я вспомню, что ты, пусть и невольно, тоже причинила мне много боли. Я уже злюсь, и ты знаешь, чем чревата моя злость для долины. Ты ведь хочешь сегодня добраться домой? Еще несколько минут такого разговора, и тебе придется ночевать в моем замке. Что на это скажет твой муженек?

Женевьев сглотнула и чуть отступила. В ее глазах появился страх, а ведь раньше в них плескалась любовь. Пока ее дрянная сестричка все не уничтожила.

- Ра-ан... - на глазах Женевьев появились слезы.

- Ни слова больше. Или я играю с Валенси, или с твоей семьей. Я ясно выразился? Если ты сейчас останешься, значит, ты выбрала игру со мной. Я ведь не целовал тебя с тех пор, как стал таким. Хочешь попробовать?

Женевьев, как я и предполагал, шарахнулась в сторону и сбежала. Как я и ожидал.

А я даже себе признаваться не хотел, что слова про поцелуй остались просто словами. Когда закрывал глаза, то видел совсем другие губы. Кажется, младшая сестричка все же добилась своего, и я обратил на нее внимание. Только вот доставят ли ей радость мои ухаживания?

Я думал, что хуже, чем в первые дни после проклятья, уже не будет. Но ошибался. Тогда во мне теплилась надежда, сейчас же умерла и она. Точнее, умерла она намного раньше, но приезд Валенси и визит Женевьев пробили брешь в ледяной броне и заставили чувствовать боль. Забытое

ощущение, она была нечастым гостем. Обычно ее подменяли злость и ненависть.

Стамеска полетела в сторону и воткнулась точно в лоб одному из ледяных охранников, которые всегда находились рядом, – молчаливые, незаметные и послушные. Я даже не давал им имена. Какой смысл одушевлять ледяного прислужника, который представляет собой глыбу льда и минимальную магическую искру?

Ледяной великан вынул изо рта инструмент и протянул его мне с учтивым поклоном, заставившим почувствовать себя особенно отвратительным монстром. Срывать злость на тех, кто не способен тебе ответить, совсем низко.

Минутный выплеск ярости ничего не дал. Не полегчало. Работа была почти завершена, только вот удовольствия она совсем не приносила. Визит Женевьев разбередил старые раны. Хотелось устроить снежный апокалипсис, но люди вряд ли отошли от ночной бури. Нужно держать себя в руках. Слишком много невинных жертв – это нехорошо.

Оживлять льдянку тоже расхотелось. Сейчас я видел, насколько она проигрывает живому оригиналу. Снег и лед не могут передать всю красоту теплого человеческого тела. Испуг в глазах, едва дрогнувшую улыбку на пухлых губах... Ее одинаково сильно хотелось убить и поцеловать. Соблазн был почти непреодолимым, потому что мой поцелуй почти на сто процентов означал ее смерть. Я еще сдерживался, но потребность увидеть Вал сводила с ума.

Я несколько раз обошел вокруг ледяной скульптуры, устраняя невидимые недостатки, доводя до ума и шлифуя. А когда понял, что льдянка почти идеальна, сложил ладони лодочкой, зажигая в них холодный огонь ледяной магии. Огонек рос у меня в руках, пока не стал напоминать пылающее сердце. Его я прижал к груди льдянки и отступил, наблюдая, как внутри белоснежного тела скульптуры пробегают синие искры. Снег впитал магию, и она теперь светилась только в нечеловеческих глазах.

– Мой господин, – прошептала с придыханием девушка и хлопнула длинными белоснежными ресницами.

– Добро пожаловать в этот мир, Лидия... – Это имя ей подходило. Такое же мягкое и льдистое.

Льдянка потянулась, совершенно не стесняясь собственной наготы, и уверенно шагнула навстречу, закидывая изящные руки мне на шею.

– Чего господин желает?

– Тебя, – шепнул в приоткрытые холодные губы, понимая, что вру даже разговаривающей ледышке, лишенной мозга и сознания. Она просто ледяная говорящая кукла, суррогат, который должен заменить живую женщину. Но никогда не заменит. Сколько таких красавиц было за последние восемь лет? Никто не дал мне элементарного – тепла. И именно за это я ненавидел Валенси.

После ночных потрясений я спала долго и крепко, в обнимку с громко мурлыкающим Пэрсиком. Он никуда не уходил, словно сторожил мой покой. Если бы теплый рыжий кот мог защитить меня от ненависти ледяного монстра, которого я сама создала! Но увы, Пэрсик мог только греть мой бок ночью и выпрашивать еду.

Мне не хотелось вставать и просыпаться не хотелось. Под уютным одеялом я могла на секунду представить, что счастлива и спокойна. Реальность была слишком страшной. Даже не получалось придумать, где бы я хотела открыть глаза. В одном месте меня ждал жених-предатель, который обещал устроить веселую жизнь, если я не покорюсь и не выйду за него замуж, а в другом терзал Ранион.

Мысли отравили ядом, и я все же вылезла из-под невесомого пухового одеяла. Натянула шерстяное платье и спустилась в гостиную.

Китти играла на полу у камина. Увидев Пэрсика, она с диким восторженным воплем переключилась на кота. Я явно проигрывала пушистому поганцу, так как на меня малышка даже не обратила внимания. Женевьев в гостиной не оказалось, зато был Дэвид, который смотрел на меня тяжелым, не предвещающим ничего хорошего взглядом. Мне стало не по себе.

– Проснулась? – спросил он. – Пойдем, покажу, где кухня. Завтрак уже готов. Даже кофе еще не остыл.

Вопреки взгляду, говорил муж сестры вежливо и ровно.

– А где Жен? – поинтересовалась я испуганно.

– А ты как думаешь? – с вызовом спросил он.

- Не знаю... - Я сглотнула, потому что определенные догадки в голове мелькнули и очень мне не понравились.

- Прекрасно знаешь, Валенси. Ты зря приехала сюда. И твое присутствие, оно... угрожает моей семье. Женевьев будет защищать тебя до последнего, хотя... после того, что ты сотворила, это странно.

- Да, я сглупила, приехав сюда! - голос сорвался. Я чувствовала, что сейчас разревусь. Ведь я же не по своей воле тут осталась. - Но сейчас уже ничего поделать не могу. Или ты думаешь, я не пыталась уехать?! И потом, что бы я ни сотворила, ты от этого только выиграл.

- Именно поэтому я помогу тебе, - произнес он, словно не замечая, что я нахожусь на грани истерики. - Вот, держи.

Зять достал из кармана связку ключей и протянул их мне. Я взяла на автомате и только потом спросила:

- Что это?

- Женевьев будет предлагать тебе остаться, но то, что произошло ночью... Ты же понимаешь: если это повторится, пострадать могут невинные люди. Та же Китти. Пойми, я не имею ничего против тебя. Даже против ледяного монстра, который когда-то был моим другом. Но я не хочу, чтобы жизнь моей жены и дочери подвергалась опасности. Это ключи от моей квартиры. Она мне осталась в наследство от бабушки. Какое-то время до нашей с Женевьев свадьбы я даже там жил. Потом мы ее сдавали. Квартиранты съехали вчера. Она твоя. По крайней мере, пока все не разрешится.

Между слов четко читалось: «Пока Ранион наконец-то тебя не убьет». Но я молчала и не озвучивала такую очевидную мысль. Как и Дэвид.

- У меня к тебе всего одна лишь просьба, - добавил он.

- Какая?

- Скажи моей жене, что решение съехать принадлежит только тебе.

- А ключи?

- Ты искала квартиру, поскольку привыкла жить одна и тебе так удобнее. А я помог. Пойми, она не остановится. Жен до сих пор считает, что имеет над ним какую-то власть. А это опасно. Он не трогает ее, потому что... - Дэвид сбился. - Жен единственное, что объединяет его с миром живых. И думаю, он невольно цепляется за эту соломинку. Но рано или поздно ему надоест, и тогда она станет очередным болезненным воспоминанием. Ты же знаешь, что с такими воспоминаниями делают?

- Уничтожают, - шепнула я.

- Вот именно. Но Жен этого не понимает. Она считает его чуть ли не другом, который не причинит ей вреда.

- Может быть, она не так уж и не права, - осторожно заметила я.

- Может быть, но меньше всего я хочу, чтобы это было так. Он отпустил ее, дал нам жить спокойно, а потом появилась ты. Я не хочу, чтобы все изменилось. Я не против тебя, Валенси, но я защищаю свою семью и свое счастье. Женевьев уехала к нему с утра, в мороз, и до сих пор не вернулась. А уже почти полдень. Я переживаю, но не могу ничего сделать и ей помочь. Защитить свою возлюбленную от Раниона не в моих силах. Я даже увести ее из города не могу. Не усложняй, пожалуйста, и без того непростую ситуацию.

- Хорошо, - я кивнула. - А в гости-то приходиться можно?

- Можно. И Пэрсика приводи. Кажется, они с Китти подружились.

Дэвид настолько жаждал избавиться от меня, что вызвался помочь с переездом. Он откровенно не хотел, чтобы я оставалась в их доме, а мне требовалось разнообразить гардероб и подумать. Нет, я не собиралась сбегать, не попрощавшись с Женевьев, но сейчас была в слишком расстроенных чувствах, чтобы ждать сестру здесь. Поэтому, перепоручив Пэрсика и свои вещи Дэвиду, я оделась потеплее и отправилась гулять, надеясь, что сосредоточение всех магазинов и кофеен по-прежнему находится на центральной площади города.

Сегодня было холодно, просто зверски холодно. Руки замерзли даже в варежках, изо рта вырывались облачка пара, а ресницы сразу же покрыл иней. Ранион издевался надо мной, а вместе со мной - и над жителями города.

Из-за такой погоды неспешной прогулки не получилось. Я с трудом преодолела пару кварталов, едва не отморозила щеки и нос и забежала в ближайшую кофейню, чтобы перевести дух. Тут было тепло, немногочленно, пахло выпечкой и кофе с корицей. Удивительно приятное место с улыбчивой хозяйкой.

Я устроилась за столиком возле окна и стала ждать заказ. Отсюда город смотрелся милым, укутанным снегом и совсем безобидным. По этим улицам хотелось гулять, и снежок, который ветер сдувал с крыш, казался мягким, а не колючим, словно осколки стекла. Сноухельм был обманчиво красивым, ему хотелось верить. Но я знала: этого делать нельзя.

Кофе, который мне принесли, оказался горячим и ароматным. Только вот я не успела сделать и глотка, как напиток в простой фарфоровой чашке начал стремительно остывать. Сначала я недоуменно смотрела на то, как кофейная пенка покрывается ледяной корочкой, а потом ладони обожгла замороженная насквозь ручка. Я вскрикнула и разжала пальцы. Чашка разбилась вдребезги, как и превратившийся в ледышку кофе. Оконное стекло, рядом с которым я сидела, затянуло морозными узорами, и мне показалось, что где-то на заднем фоне послышался издевательский смех.

Пришлось оплачивать чашку, извиняться и бежать как можно быстрее, так и оставшись без кофе.

- Как тебе мир без тепла? - шепнул на ухо морозный воздух. Раниона не было рядом, он следовал по пятам завывающим ветром и путался под ногами снежной поземкой. Я пыталась не отвечать, только ускоряла шаг, стараясь как можно быстрее преодолеть улицу и нырнуть в гостеприимно распахнутые ворота торгового дома.

- Не нужно игнорировать меня, Валенси!

Снежинки больно впились в щеки, а ветер содрал с головы капюшон и растрепал волосы, которые тут же замерзли и стали жесткими. Я нырнула в спасительное тепло торгового дома. Ветер и поземка просочились за мной. Интересно, сколько еще форм у Раниона? Я его прокляла, но сама не знала, во что сумела превратить сильного и перспективного мага-стихийника. Ирония заключалась в том, что в тот вечер своей магии я начисто лишилась. Остались крупницы, позволившие закончить магическую академию. Но только теоретический факультет.

Глава 5

Я собиралась не видеть и не замечать ледяного. По крайней мере, пока у меня есть хоть малейшая возможность. Подумаешь, снежная поземка под ногами. При такой погоде совершенно неудивительно, что в приоткрытую дверь или форточку влетают снежинки. Я настроилась хотя бы чуть-чуть взбодриться и переключиться, выбирая одежду.

Мода в Сноухельме сильно отличалась от южной. Это и понятно. Выглядеть красиво, когда примерзаешь к пудренице, очень сложно, поэтому тут проявляли хитрость и смекалку. В моде были длинные невесомые платья из материала, напоминающего морозные узоры на стекле. Их ткали из очень теплой шерсти амапак, обитающих в горах. мех животных был густым и очень нежным. Стоили такие вещи недешево, но я могла себе это позволить, спасибо бабушкиному наследству.

Первый же магазин меня покорила и очаровал. В этом месте я сразу почувствовала себя сказочной снежной принцессой. Только вот принц у меня бракованный. И вместо любви у него в сердце ненависть.

Я брела мимо вешалок и манекенов с кружевными, невесомыми и, по заверению производителя, удивительно теплыми нарядами, а по полу вилась поземка. Девушки-продавщицы поглядывали на меня настороженно. Незнакомое лицо в дорогом магазине привлекало внимание, а стихия у моих ног пугала. Но я и не нуждалась в помощниках. Размер я свой знала и примерно представляла, что хочу. Просто тут было столько всего красивого, что глаза разбегались. В итоге я остановилась на нескольких моделях. Все длинные, в пол, на плотном подкладе из светло-серой ткани. А сверху – узоры: снежинки, завитушки, просто абстрактные линии.

Одно платье светло-голубое, другое снежно-белое, с тонкой серебряной нитью, вплетенной в орнамент, а третье – глубокого изумрудного цвета. Оно не очень вписывалось в снежно-зимний колорит города, но я знала, что будет смотреться на мне очень хорошо. Также я сделала себе отметку взять что-нибудь в подарок Женевьев. Сестра не отвернулась от меня, и я это очень ценила. Возможно, у нее этих платьев целый шкаф, но я знала свою сестру. Еще одному она точно обрадуется.

Единственное, что портило впечатление от покупок, это не пропадающее ощущение холода. Он скользил по ногам, промораживал пол там, где я ступала. Пару раз я едва не поскользнулась, когда вместо плитки под моими ногами оказывался лед. Ранион изводил меня мелочно и как-то по-детски, но, слава богу, не показывался на глаза. Видимо, не хотел демонстрировать свое присутствие местным. Интересно, почему?

Я сгребла понравившиеся платья и отправилась в примерочную. Настораживало то, что пробирающий до костей ветер со снежинками скользнул по полу в приоткрытую дверь кабинки. Ощутимо похолодало. Когда я стягивала теплое платье, мороз пробрался по обнаженной спине и рукам. Я поежилась и едва не вскрикнула, когда в стремительно замерзающем зеркале позади себя увидела обретающую материальность фигуру ледяного.

– Ты что творишь?! – зашипела я, пытаюсь прикрыться, но цепкие и обжигающе холодные пальцы сжали горло. Стало страшно даже шевелиться. Я замерла, словно послушная марионетка, стараясь не думать о том, что на мне лишь тонкое кружевное белье, сквозь которое просматривались сжавшиеся от холода соски.

Я видела его взгляд в отражении – злой и удовлетворенный. Казалось, Ранион впитывает исходящий от меня страх и наслаждается им.

Ранион потянул меня назад и заставил прижаться спиной к себе. Мне показалось, что я прислоняюсь к совершенной ледяной статуе.

– Мне холодно, – взмолилась я, чувствуя на глазах слезы. Но он не думал убирать руку и отстраняться, только сдавил горло сильнее и шепнул на ухо:

– Думаешь, мне нет?

Свободная рука Раниона скользнула по моей щеке. Я видела в отражении, что кожа покрывается кристалликами льда. По спине и рукам пробегали мурашки, я стремительно замерзала, а он наблюдал за мной из-под опущенных снежно-белых ресниц. Холодное, словно северный ветер, дыхание у шеи заставляло дрожать.

Я забыла, как дышать, когда Ранион все же освободил мое горло. Но мужская рука скользнула ниже по груди, туда, где шла кружевная каемка лифчика.

– Ты стала невероятно красивой, Рыжик.

- Не надо, - шепнула я, прикрывая глаза и стараясь не смотреть на пальцы, скользящие к моему соску. Но не чувствовать прикосновения было невозможно - словно кубиком льда ведут по разгоряченной коже.

- Мы только начали с тобой, Рыжик, - припечатал он и ужалил шею поцелуем. Я прикусила губу, чтобы не закричать. Слезы брызнули из глаз, а когда ледяной отстранился, на моей шее у ключицы осталась отметина - бледное пятно с розоватыми краями, след от морозного поцелуя. Так выглядят обмороженные щеки.

- Я пометил тебя, - усмехнулся он. - А теперь готов наблюдать за твоей примеркой!

- Да пошел ты! - всхлипнула я, поспешно оделась и выскочила из примерочной под хрустальный хохот.

- Ничего не подобрали? - устремились вслед за мной девочки-продавщицы, но я лишь отмахнулась и выскочила на улицу. Проклятый холод преследовал меня везде. Окоченевшие пальцы ног и рук, замерзающие на щеках слезы. Не хотелось ничего. Какая разница, когда замерзнуть насмерть: прямо сейчас в ближайшем сугробе или когда этого захочет ледяной? А ведь я знала, что все закончится именно так.

- Эй, - раздался незнакомый голос, - почему такая красивая девушка плачет? В наших краях это чревато обморожением.

Я развернулась и увидела за спиной парня. Несмотря на мороз, он был простоволосым, в расстегнутом полушубке. Черные, слегка припорошенные снегом волосы, шальная улыбка на смуглом лице.

- Привет, я Вар!

- Валенси, - шепнула я.

- Не грусти, Валенси, - подмигнул мне парень и достал из-за спины настоящую живую розу. - Держи, это тебе.

- Но... - Я опешила. - Спасибо, но она же погибнет, пока я донесу ее до тепла.

- Это повод поспешить, - заметил он. - А вообще, самое главное - донеси до тепла себя. Рыдать на морозе - это не самое лучшее занятие. Холод не прощает ошибок, он коварен.

Уж это я знала очень хорошо, но вслух заметила совсем другое:

- Спасибо. За то, что поднял настроение, - улыбнулась я, чувствуя, как отступает отчаяние.

- Я держу тут цветочный магазин и всегда рад гостям, - подмигнул он и скрылся за раздвижными дверями, на которых был нарисован букет.

Я с улыбкой пошла в сторону дома, прикрывая розу рукой. Только вот от ледяного монстра не так просто спастись. Уже через метр налетел ветер и покрыл хрупкий цветок тонкой коркой льда.

- Не забывай, что ты - моя игрушка, - шепнула на ухо метель, и порыв ветра вырвал розу из рук. Хрупкий, скованный льдом цветок разлетелся в мелкие осколки, которые раскидало по мостовой.

Я даже не удивилась, поэтому не испытала ничего кроме поднимающейся в душе злости и только ускорила шаг.

- Вал, что случилось? Дэвид сказал, что ты решила переехать?

Женевьев встревоженно кинулась навстречу, едва я переступила порог дома.

- Что с тобой? Ты сама не своя.

- Мне лучше действительно съехать, - безжизненным голосом произнесла я. - Он не отстанет, пока не убьет. Случайно, или ему просто надоест играть со мной. Не хочу, чтобы вы оказались под угрозой. Это неправильно.

- Вал... - пробормотала Женевьев, и на ее глазах заблестели слезы. Я чувствовала, что сестра хочет возразить и не может, потому что понимает: я права.

- Напоишь чаем? - спросила я. - А то замерзла. Может быть, он даст мне согреться в первый раз за день.

- Он доставал тебя сегодня, да? - сочувствующе спросила сестра.

- Давай не будем об этом, - отмахнулась я. - Просто очень надеюсь, что у него есть еще какие-то дела кроме как издеваться надо мной. Тогда, возможно, получится спокойно попить чаю. Кофе замерз у меня прямо в кружке.

- Мерзавец.

- Просто больной на голову, - отмахнулась я. - Больной по моей вине. Все нормально.

- Нет, Валенси, это не нормально. Мы должны это исправить.

- Исправить можно, только обратив вспять проклятье. Но даже это не поможет. Что изменит его жизнь, если ты замужем за другим и воспитываешь дочь?

- Да, ты права, ничего, - грустно кивнула сестра. - Может быть, он просто отстанет от тебя и отпустит нас всех?

- Ты сама в это веришь?

Обхватив руками чашку с горячим чаем, я зажмурилась, чувствуя ладонями обжигающее тепло. Я медленно отогревалась, и это было такое волшебное чувство, что хотелось мурчать от удовольствия. Только сейчас я внезапно осознала: а что, если внутренний, заставляющий дрожать холод - это то, что чувствовал Ранион последние восемь лет? Многие дни и годы без возможности согреться и оттаять? Стало страшно за него, и снова накатила тоска. Что же я натворила и как это исправить? Ответа не было.

Я допила чай, попрощалась с Китти и отправилась в свою новую квартиру, которая находилась на другом конце улицы. Женевьев порывалась проводить меня, но я не видела смысла. Окна хорошо видно отсюда, уж не заблужусь. А если ледяной захочет заявить о своем присутствии, Женевьев меня не спасет.

Я закуталась в меховую шубу почти до самого носа, натянула капюшон и перебежала дорогу, сразу же нырнув в подъезд. Тут были цветы на подоконниках и высокие лестничные пролеты. На каждом этаже по две квартиры и одна под самой крышей - та, которую занимала я. Немного нервничала, открывая дверь, но когда зашла, словно попала домой.

Ко мне с мявом кинулся Пэрсик, который почти весь день сидел тут один, а потом взгляд упал на пакеты с фирменным знаком. Сегодня видела такой на вывеске магазина, в котором меня поджидал Ранион.

Осторожно заглянула внутрь и обомлела. Платья. Те три, которые я приглядела, и еще несколько того же размера, но других расцветок и фасонов. Еще пакет с новой, очень теплой шубой, искрящейся от магии, теплые сапожки и записка.

«Рыжик, если ты замерзнешь и умрешь, мне будет не с кем играть».

Я чувствовала, как дрожат руки. Смотрела на пакеты, словно там поселился ядовитый скорпион. Душу раздирали противоречивые чувства: благодарность и злость, страх и жалость... И все это было щедро замешано на коктейле из безысходности и страха.

Я просто игрушка в его руках. Игрушка, которую ледяной ломает, как только она перестанет вызывать интерес. И ни малейшего понимания, что с этим можно сделать. Попытаться разрушить проклятье? Или убить Раниона? Обе мысли были одинаково бредовыми и неосуществимыми. Я создала безупречного ледяного монстра и стала его жертвой.

Пакеты с одеждой выбили из колеи окончательно. Прежде всего они означали, что я никуда не денусь от Раниона. Он найдет меня везде. В любую секунду меня может сковать мороз, окна могут покрыться инеем, и в моем уютном мире наступит зима.

Это пугало, поэтому я обошла платья стороной, стараясь даже не смотреть в сторону покупок, и начала изучать место, где мне придется жить. Предполагаю, до самой смерти. Почему-то я была уверена: стараниями Раниона смерть наступит раньше, чем я состарюсь.

Комната небольшая. В углу диван. Он же служил и кроватью. Шкаф, трюмо, книжные полки и камин, возле которого стояло кресло-качалка. На него был небрежно накинут вязаный плед. Пожалуй, этот уютный уголок понравился мне больше всего. Наверное, приятно устроиться тут с книжкой и чашкой имбирного чая, когда за окном завывает вьюга. Только вот в моей реальности вьюга будет завывать, боюсь, внутри помещения.

Кухонька была совсем маленькой. Я поставила чайник и присела на высокий стул у окна, уставившись на заснеженную улицу и горящие окна дома напротив. Где-то там, за задвинутыми шторами, бегала Китти, а Женевьев готовила ужин.

- Маленькую неугодную сестричку выставили прочь, - раздался насмешливый голос над ухом, и по спине пробежал холодок, а на рукав упали первые снежинки.

- Снова заморозишь мой напиток? - безразлично отозвалась я. - Сейчас это чай.

- Нет, Рыжик. Два раза одно и то же делать неинтересно. Не с тобой.

- Тогда что ты будешь делать? - спросила я и, повернувшись, уставилась в безразличные голубые глаза.

- Пока не решил. Но будь уверена, непременно придумаю что-нибудь занятное. А пока мне нравится просто наблюдать за тобой. Такая потерянная и никому не нужная. Прямо как я эти восемь лет.

- Поверь, быть потерянной и ненужной мне не привыкать. Я выросла одна.

- Ах да, тебя же скрывали от меня в теплых странах. Так и сидела бы на берегу моря. Зачем приперлась? Дразнить меня?

- Может быть, у меня свой резон бежать с побережья?

- А, то есть там ты тоже кому-то испортила жизнь? Как интересно.

- Это не твое дело, - отозвалась я.

- Очень даже мое, - уперся он. - Но мы обсудим это позже. А пока я хочу, чтобы ты все же примерила одно из купленных платьев. Я хочу этого с утра, а ты обломала меня в примерочной.

- Я не собираюсь устраивать тебе тут показ мод.

- А зря! - отозвался Ранион и уселся в кресло-качалку. - Ну же, Валенси, раздевайся. Обещаю не трогать тебя и не портить мебель. Поверь, предложение щедрое, и второй раз я его повторять не буду.

Ранион разглядывал меня так, что захотелось прикрыться руками, будто я уже стояла перед ним обнаженной. Некстати вспомнилась сцена в примерочной. Тогда мне было не до смущения, мной владел только страх, но сейчас от воспоминаний задрожали колени. Ранион был так близко, что явно успел все рассмотреть. Зачем же он сейчас просит повторения? Только вот задавать вопрос не имеет смысла, все равно не ответит.

- Если я примерю платье, ты уберешься отсюда и не будешь меня доставать? - дрожащим голосом спросила я, ожидая какой угодно реакции. Но Ранион воспринял мои слова вполне миролюбиво.

- Хорошо. - Он пожал плечами. - Но только сегодня. И лишь в том случае, если ты снимешь лифчик.

От его слов кровь хлынула к щекам, и мне стало жарко. Очень странное ощущение возле Раниона, рядом с которым обычно сковывал холод.

- Это платье не предполагает отсутствия нижнего белья, - постаралась как можно ровнее заметить я. - Поэтому нет, я не буду снимать лифчик.

- Разумный довод. - Парень усмехнулся, и у меня екнуло сердце от его нереальной и недостижимой красоты. - Но тогда завтра ты со мной поужинаешь.

- Ты морозишь мои напитки. Боюсь представить, что случится с моей едой.

Переводить разговор в шутку было очень тяжело. Я не знала, как общаться с тем, кто поставил своей целью уничтожить тебя и морально, и физически.

- Я же ледяной, Рыжик. Но завтра дам тебе нормально поесть. Если есть ты будешь в моей компании.

- Так понимаю, если не в твоей, то придется голодать?

- Какая ты проникательная.

- Чего ты хочешь? - устало спросила я.

- Сейчас - обещанную примерку.

- Не сейчас. Вообще.

- Вообще, я хочу быть живым, Валенси, - тихо произнес он и перенесся ко мне. Холодное дыхание морозом пробежало по губам. - Но ты ведь понимаешь, даже это не изменит мою жизнь. Я хочу

вернуться в тот день и все исправить. Но это невозможно.

- Я тоже этого хочу. Даже если ты мне не веришь.

- Ну почему же не верю? - Он удивленно приподнял бровь. - Охотно верю. Ты была маленькой и сотворила глупость, о которой тут же пожалела. И жалеешь до сих пор. Только вот, Рыжик, мне от твоей жалости... хотелось бы сказать - ни жарко, ни холодно. Только жар я не испытывал уже восемь лет. Я не могу великодушно простить малышку, которая меня совершенно случайно прокляла. Так, из-за плохого настроения. Ты сломала мне жизнь, разрушила мои мечты и обрекла на это невозможное существование.

- Так убей меня взамен или прокляни! - в сердцах воскликнула я.

Находиться рядом с ним было нереально тяжело. Меня бросало то в жар от откровенных взглядов, то в холод из-за того, что Ранион стоял слишком близко. Если бы он хотел, он мог бы наклониться и поцеловать. Но я боялась его поцелуя до дрожащих коленок, потому что хотела жить.

- Видишь ли, Рыжик, я не хочу тебя убивать, - с легкой грустью заметил Ранион, словно его самого печалил этот факт. - Пока. Поэтому стаскивай свое платье праведницы и влезай в другое, красивое. Не заставляй меня вспоминать о том, как сильно я хочу обидеть тебя. Заставить почувствовать то, что чувствую я. Просто выполни свое обещание, и я исчезну из твоей жизни до завтрашнего вечера.

Руки дрожали, когда я стаскивала через голову платье. Не знаю, чего ожидал Ранион, но вытряхивание из одежды точно получилось незротичным. Я нервничала, стеснялась и поэтому вообще не смогла стащить его с первого раза. Запуталась в воротнике, зацепилась тканью за цепочку, а когда под невозмутимым взглядом Раниона осталась в нижнем белье, которое он, к слову сказать, уже видел, поняла, что платье я не приготовила. Придется идти через всю комнату к пакетам и выбирать. Точнее, хватать первое попавшееся.

Сложнее всего было это проделать, не пытаясь прикрыться руками. Я чувствовала себя очень неловко, несмотря на то что в примерочной уже стояла перед Ранионом практически обнаженной.

- Возьми голубое, - приказал ледяной, жадно разглядывая меня. Его глаза сейчас тоже были неестественно голубыми, выделяясь на бледном лице.

Я чувствовала лопатками оценивающий взгляд. По спине пробежали мурашки, а кожа, казалось, сейчас покроется морозными узорами, хотя и холодно-то мне не было. Просто его присутствие действовало подобным образом.

Достав из пакета невесомое голубое платье и даже как следует не рассмотрев, я тут же натянула его, стараясь как можно быстрее скрыться от жадного мужского взгляда. Когда-то я мечтала привлечь внимание Раниона. Но сейчас, спустя восемь лет, по-прежнему не знала, что с этим вниманием делать. И даже не потому, что парень стал воплощением ледяной стихии - холодным и недосыгаемым. Просто такие взгляды заставляли меня смущаться и краснеть. Хотелось провалиться сквозь землю. Особенно когда я поняла, что самостоятельно застегнуть ряд мелких, идущих по спине пуговичек невозможно. Это просто нереально сделать в одиночестве.

Я покрутилась и так, и этак, застегнула несколько у поясицы, изогнулась, но продвинуться выше лопаток не смогла.

- Дальше не получается, - потерянно призналась я. Вообще, я надеялась, что такой «примерки» окажется достаточно, но Ранион по-своему истолковал мой беспомощный взгляд. Он хищно улыбнулся и поднялся из кресла. Одно смазанное движение - и ледяной очутился за моей спиной.

- Помочь?

Казалось, он задал вопрос, но ловкие пальцы уже скользнули по полоске обнаженной кожи, заставив вздрогнуть от ледяного прикосновения.

- По-моему, и так понятно, как оно сидит. А ты обещал меня не трогать.

- А я и не трогаю, - проникновенно заметил он. - Я просто помогаю в том, с чем ты не можешь справиться сама.

Я стояла и боялась пошевелиться, но Ранион был верен своему слову. Просто осторожно и неторопливо застегнул все мелкие жемчужные пуговички, а потом сделал нечто совершенно неожиданное. Дернул за шпильки, и мои тяжелые длинные волосы рассыпались по плечам. Потом ледяной повернул меня и уставился своими нереальными глазами, в глубине которых я увидела то, что заставило меня попятиться.

- Ты опасно красива, - признался он с болью, хрустнувшей в голосе весенним льдом. Холодная

ладонь чуть коснулась моей щеки, и Ранион намотал на палец прядь волос, которая тут же заледенела. Я не успела ответить, как он рассыпался снежным вихрем, который пробежал по комнате и унесся в приоткрытую форточку.

Глава 6

Быть рядом с ней невыносимо. Такая живая, юная и соблазнительная. Интересно, она сама понимает, насколько красива? Чувствует ту власть, которой обладает? Пока я сидел там, в кресле, и смотрел, как она лениво стягивает с себя платье, а потом в двух кружевных кусочках ткани прохаживается по комнате и соблазнительно изгибается, пытаюсь застегнуть непослушные пуговицы, не знаю, чего хотел сильнее: убить ее или обладать ею.

Хотелось подойти сзади, обнять, с силой притянуть к себе, развернуть и впиться в сочные губы поцелуем. Но ей было холодно рядом со мной. Им всем было холодно. Раньше я пытался отогреться рядом с живыми женщинами, но это было нереально. Пару раз я остановился на грани. Нет, они теряли от меня голову, пожалуй, я привлекал их даже сильнее, чем раньше. Необычной внешностью, способностями... Потом они хотели растопить меня и мое сердце. Только, увы, это невозможно. А вот я вполне мог заморозить кого угодно, и Валенси тоже.

Интересно, каково это – наблюдать за тем, как она умирает от наслаждения в моих объятиях? Замерзает от поцелуев. Руки холодеют, а Валенси просит еще и еще, понимая, что это последние мгновения ее жизни. И убивают ее мои поцелуи.

Картина вышла заманчивая, только вот я не готов ее убить. Не сейчас. Возможно, когда я решу, что пора, смерть девушки будет именно такой. Валенси погубила меня во имя детской влюбленности, а ее саму погубит вполне осознанная любовь ко мне. Я верил, что где-то в глубине души этой роковой красавицы еще сидит маленькая девочка, которая меня когда-то боготворила.

Ну а пока нужно проветриться. Пролететь вьюгой над городом, повалить парочку деревьев порывами ветра, засыпать подъездной путь – все равно к утру расчистят. Жители наловчились, и заносы им были не страшны. Да я и не особенно старался. Гонял по дороге снежные барханы. Вьюга шла по улицам, с завыванием билась в стекла, и я начал успокаиваться. Только в последний раз решил пролететь мимо ее окон. Вдруг еще не погасила свет? Вдруг еще не спит, а может, думает обо мне?

То, что я увидел, заставило рассмеяться. Валенси определенно думала обо мне. Нелепо изогнувшись, девушка пыталась расстегнуть треклятое платье. Она закусывала губы, хмурила брови и, кажется, ругалась сквозь сжатые зубы. У ее ног крутился толстый Рыжий кот. Хорош зверь. Именно он так забавно и брезгливо тряс лапами, когда я пытался его погладить. Не знаю почему, но поведение наглого животного тогда обидело.

Затаившись за окном, я намеревался понаблюдать за забавным действием. Я просто сбежал от нее. Сбежал, чтобы не наделать глупостей. И о том, что если платье нереально застегнуть, то и расстегнуть будет проблематично, как-то не подумал. Зато сейчас меня ждало весьма интересное представление.

После того как Ранион неожиданно испарился, я какое-то время не могла прийти в себя. Его присутствие, оказывается, невероятно выматывало.

Прикрыв форточку, я упала в кресло у камина, спрятав пылающее лицо в руках. От его прикосновений шел мороз по коже и горели щеки. Руки дрожали до сих пор. Он снова видел меня практически обнаженной, но зато до завтрашнего вечера я свободна. Если он, конечно, сочтет нужным сдержать обещание. Раньше всегда сдерживал. Но я уже успела заметить, что за последние восемь лет очень многое изменилось.

Пэрсик, который во время визита ледяного прятался под диваном и вообще никак не заявлял о своем присутствии, осторожно выполз на свет, брезгливо обнюхал подол моего платья. Потрогал лапой искусно сделанную снежинку на подоле и, раздраженно дернув хвостом, отошел в угол. На руки не полез.

Ну и молодец, не хотелось, чтобы он оставил зацепки на дорогой ткани. Как любые коты, Пэрсик был линюч и когтист. Причем эти его качества проявлялись в самые неподходящие моменты.

Платье было великолепно. Удобное, мягкое и очень теплое. На юге таких просто не делали. Несмотря на то что его подарил Ранион, я была рада, что оно у меня есть. Точнее, не оно, а они. Стоял еще целый пакет.

Единственным недостатком были эти треклятые пуговицы. Я просто не представляла, как расстегнуть их без посторонней помощи. Благодарна им была только за то, что, пытаюсь справиться с ними, я выкинула из головы ледяного. Точнее, про него я помнила всегда, но сейчас все ресурсы были направлены на то, чтобы изогнуться и дотянуться до мерзких круглых бусинок, не желающих вылезать из петелек.

Я ругалась как сапожник, вся взмокла, но осилила только треть. Часть у воротника и часть – в

районе поясницы. А вот пространство между лопаток не позволяло ни вылезти из проклятого платья, ни расстегнуть оставшиеся пуговички. Рвать ткань дико не хотелось.

Почти не удивилась, когда в спину дунул холодный ветер, а у моих ног закружились снежинки. Пэрсик подпрыгнул на всех четырех лапах и, оскальзываясь на полу, умчался на кухню, откуда раздался грохот и звук падающей посуды.

- Ты напугал моего кота, - отозвалась я, не поворачиваясь к Раниону, но чувствуя, что он стоит за спиной.

Ледяные пальцы скользнули по коже спины, и я вздрогнула. Зато корсет перестал жать. Он молчал. Только медленно, пуговица за пуговицей, расстегивал платье до тех пор, пока оно не упало к моим ногам.

- Хороших тебе снов, Рыжик, - шепнул Ран мне на ухо, и от его ледяного дыхания кожа покрылась мурашками.

- И тебе, ледяной, - отозвалась я, а он унесся с порывом ветра.

Сейчас между нами не чувствовалось ненависти, но не уверена, что завтра она не вернется. Точнее, почти на сто процентов уверена: завтра последует новый виток.

Я переделалась в теплое и уютное платье Женевьев. Оно было удобным и очень домашним. Отыскала вязаные носки и забралась с ногами в кресло. Камин загорелся, едва я о нем подумала. Поленья весело зашипели. В доме было тепло и без него, но живой огонь создавал уют, а на колени мне прыгнул Пэрсик. Я повернула голову к окну, чтобы бросить взгляд на окна дома, в котором жила сестра, но стекло было плотно покрыто ледяным орнаментом. Острые углы и иглы, так похожие на решетку. Наваждение прошло. Ранион четко дал понять, где я нахожусь. В клетке. И только он решает, выпустить меня или нет.

Я уснула прямо в кресле. На диван перебралась уже совсем ночью, так и не заставив себя снять платье. Просто притянула к себе Пэрсика, который изображал лохматую сардельку, и снова провалилась в уютный сон.

Ранион не обманул. По крайней мере, на эту ночь он оставил меня в покое. А с утра, когда я только открыла глаза и даже не успела вылезти из постели, ко мне нагрянули Женевьев и Китти.

- Пэрсюшка! - закричала малышка, скинув на пороге расшитые бабочками валенки.

Проигнорировав меня, она пронеслась в комнату, где сграбастала в объятия сонного и поэтому весьма медлительного Пэрсика. Кот вытаращил глаза и стал похож на рыжую, лохматую и очень напуганную сову. Но вырваться не стал, только раскинул лапки и безвольно повис в удушьящих объятиях.

- Все, Пэрсюшка, - передразнила я Китти, - сбежать не успел.

- Давай кофе пить! - жизнерадостно заявила Женевьев и прошла мимо меня на кухню.

- Да, самое время.

Я сонно зевнула, прихватила с кресла плед и, завернувшись в него, потопала за Женевьев, понимая, что есть-то у меня нечего, а хочется. Но, как оказалось, Женевьев предусмотрела и это. Видимо, в старших сестрах есть какой-то особенный ген заботы, сейчас помноженный на материнский инстинкт. Он снова сыграл мне на руку. Женевьев принесла ароматные круассаны. Они лежали в бумажном пакете, от которого теплом исходила магия.

- Ты с утра пекла... - удивилась я.

- Вал, ну ты прямо как маленькая! - фыркнула сестра. - Нет, конечно. Зашла в ближайшую пекарню.

- Спасибо тебе, - искренне сказала я и сжала в руках чашку с ароматным кофе, которую протянула Женевьев. - Ты так много для меня делаешь... А могла просто притвориться, будто меня не существует. Я бы тебя поняла.

- Ты моя сестра, и я не хочу забывать о твоём существовании.

- А Дэвид? Он, кажется, не очень рад моему появлению.

- Ну, появлению и я не обрадовалась. Согласись, это все усложнило. А Дэвид... - Женевьев встала вполборота к окну и уставилась на заснеженную улицу. - Он просто нервничает.

- Из-за чего?

- Они с Раном дружили. Ты же помнишь. И когда Ран стал таким... то отступил в сторону. Отпустил меня, понимаешь? Даже, вернее сказать, оттолкнул. В объятия Дэвида, который давно был в меня влюблен. Дэвид не смог отказаться.

- А должен был?

- Ран скорее перерезал бы себе вены, чем поступил бы так. Для него очень много значила эта дружба. В этом их отличие. Дэвид убедил себя, что поступил так и потому, что был в меня влюблен, и потому, что Ран уже не мог быть со мной. Но по факту мы всегда думаем только о себе. Даже если не хотим в этом признаваться. Поэтому я не могу на тебя злиться.

- Ты тоже думаешь только о себе?

- Именно. Но в отличие от Дэвида, не пытаюсь себя обмануть. А он почему-то ощущает вину перед Ранионом. До твоего появления мы не видели Рана пять лет. С момента рождения Китти. Город вообще почти забыл о его существовании. Да, климат стал холоднее, но не более. Ты же, сама того не желая, вернула ледяного дракона в нашу жизнь. И Дэвиду не нравится именно это. А не твое появление.

После объяснения с Женевьев от души отлегло. Я действительно переживала из-за его отношения ко мне. Из-за злых взглядов и с трудом сдерживаемого раздражения. Но его эмоциям нашлось вполне логичное оправдание, и я успокоилась, убеждая себя, что все непременно наладится.

- Жен, можно взять кое-какие вещи у себя в комнате? - поинтересовалась я, когда они с Китти начали собираться домой.

- Да, конечно. А что ты хочешь забрать?

- Так, безделушки... - уклончиво ответила я. - Оказывается, там много вещей, по которым я скучала.

- Тогда собирайся. Заодно у нас пообедаешь.

Я не стала упрямиться. Правда, мне нужны были не безделушки, а книга. Красивая сказка о ледяной душе. Не знаю, что именно хотела в ней отыскать, но испытывала потребность перечитать и поискать зацепки. Хотя, думаю, это пытались сделать и до меня.

Время до вечера пролетело в один миг. Сначала меня несколько напрягал Дэвид. Его тяжелые взгляды, надменное молчание и скупые улыбки. Но, к счастью, мне не нужно было проводить с ним весь день. Я пообедала в напряженной атмосфере, поиграла с Китти, поднялась к себе в почти просохшую комнату и устроилась на подоконнике с книжкой, как не делала уже давно.

За восемь лет ничего не изменилось. Меня по-прежнему завораживала эта история, я по-прежнему помнила ее практически наизусть. И по-прежнему в ней не было ответов. Красивая сказка, каких создано море. И ни одного намека на то, что она может стать былью.

Я почти сдалась, когда взгляд зацепился за выходные данные. Создана на основе легенды о Ледяном драконе... Так, может быть, где-то есть первоисточник? Не сказка, а миф? Необработанный и нехудожественный текст? Эта идея воодушевила. Я готова была прямо сейчас бежать в библиотеку, но за окном уже стемнело, и до встречи с Ранионом осталось совсем немного времени. Нужно было идти домой и собираться.

Я попрощалась с родственниками и помчалась к себе. На стоящую у тротуара повозку просто не обратила внимания. Как оказалось, очень зря.

- Ну, здравствуй, беглянка, - раздалось за спиной. - Сама сядешь в карету или тебе помочь?

- Д-дилан? - испуганно пискнула я, но жених, которого я искренне считала бывшим, больно ухватил меня за руку и сказал:

- Твой вояж закончен. Мы едем домой, как раз успеем к свадьбе. Я прощаю тебе это нелепое бегство, и мы начинаем с того, на чем закончили. С подготовки к свадьбе.

Липкий страх пробежал по позвоночнику. Если раньше я просто не хотела возвращаться к Дилану, то сейчас еще и не могла. Только вот как заставить его слушать?

- Я не могу с тобой поехать...

- Так и знал, что это начнется! - раздраженно вздохнул он. - Прости, но у меня нет времени с тобой спорить.

Я слишком поздно поняла, что он собирается сделать. Раздавленный между пальцами серебристый шарик, облачко магии – и вот я уже делаю шаг к карете.

- Дилан, это противозаконно! Отпусти меня. Я не могу уехать, правда! И Пэрсик! Там остался Пэрсик!

- Не зли меня, Вал! Мы едем домой. И твой кот меня всегда раздражал. Одна шерсть от него.

Глава 7

Ждал ли я от нее подставы? Наверное, нет. Маленькая серая мышка боялась и в то же время чувствовала себя виноватой и обязанной. Она не планировала ускользнуть. Да и бежать было некуда.

Но время шло, а Валенси не появлялась. Вечерние огни города, удивительно спокойная морозная погода и воздух, который покалывал легкие. Не мои, конечно. Внутри меня давно был лишь лед. Сначала это доставляло неудобство. Постоянно хотелось отогреться, присесть ближе к камину. Но огонь не обжигал, не дарил тепло, а только раздражал. Холод не проходил, не отступал, сковывал изнутри, и с этим приходилось жить.

Я хотел показать ей свой замок. Зачем? Не знаю. Посмотреть на мелькнувшую во взгляде вину? Напугать лдяной, похожей на нее как две капли воды? Или просто провести время с единственным живым человеком, которого я не боялся заморозить, потому что она это заслужила? А еще я сдержал обещание и не следил за ней весь день. А сейчас начал об этом жалеть, потому что строптивая девчонка просто не явилась! Только успел расслабиться, как она меня провела!

Время шло, а Валенси не было. Я вьюгой пролетел по городу, заглянул в пустые окна ее квартирки и без спроса ворвался в дом Женевьев, распахнув дверь и оставив хлопья снега на ковровой дорожке.

- Где она?!

В холле никого не оказалось, но я был уверен: меня услышат. И не ошибся. Буквально через секунду на лестнице появилась встревоженная Женевьев, а за ней следовал Дэвид.

- Ты чего орешь? Китти спит!

- Это я еще просто ору! - Отчетливо хотелось кого-нибудь придушить или хотя бы заморозить. - А могу устроить вам личный снежный апокалипсис. Где Валенси?

- Не знаю... - Женевьев выглядела обеспокоенной и расстроенной. - Она ушла пару часов назад. Должна быть у себя.

- Но ее там нет! Понимаешь, просто нет! Ты помогла ей сбежать?

- Ранион, ты сумасшедший идиот! Я об этом знаю и в курсе, что ты за ней следишь! Это у тебя надо спрашивать, где она!

- Видишь ли... - Я остановился прямо перед Жен, с трудом удерживаясь от того, чтобы сомкнуть ледяные ладони на ее запястьях и дать почувствовать, каково на самом деле мое прикосновение. Настолько холодное, что его невозможно терпеть. - Именно сегодня я обещал Валенси свободу взамен на кое-что. Целый день без меня - это щедрый подарок. Свое обещание я выполнил, а она... я желаю знать, куда она делась. Ты же не хочешь, чтобы я разозлился окончательно?

- Но я не...

Я все же схватил ее за руки. Когда Женевьев, вскрикнув, отпрыгнула, не стал удерживать, только предупредил:

- Если ты скажешь «не знаю», я разнесу к снежным демонам твой дом и полгорода в придачу.

- Она действительно не знает, - подал голос Дэвид, я удивленно перевел взгляд на него.

- Надо же... кто заговорил. Я думал, ты рот открываешь, только когда тебе дает добро Жен. Но если она не знает, значит, знаешь ты. С тобой я не буду таким нежным.

Дэвид сглотнул и попятился. Он боялся меня. Пожалуй, боялся даже больше, чем нужно. Это забавляло.

- Валенси уехала со своим женихом.

- Что?

Кажется, мы с Женевьев задали этот вопрос синхронно. И так же синхронно переглянулись.

- Дилан приехал сегодня и забрал свою невесту. Они уже должны быть далеко.

- А кто тебе сказал, что я их отпущу?

- Слушай, Ран, - обратился ко мне Дэвид, и это было самое смелое из всего сказанного мне за последние восемь лет. Обычно он прятался за Женевьев. Что же заставило его так беспокоиться из-

за Валенси? – Оставь девчонку в покое. Пусть она уедет. Не стоит ворошить прошлое.

– Да вот ни льда ты не угадал! – рывкнул я и, намеренно раскидав снег по холлу, выскочил на улицу. Вздумала играть со мной, Валенси? Ну что же, поиграем!

Такое просто не могло произойти со мной! Когда я размышляла о том, что оказалась пленницей этого города, то не думала, что захочу тут остаться. Дилан вообще сошел с ума, если решил использовать на мне сковывающее волю заклятие! Нет, я, конечно, сброшу путы. Да и он вряд ли проделает подобный фокус еще раз. К тому же это не просто дорого, это еще и не очень полезно. Потом замучает отдача в виде головной боли. Но и я слишком глупа и расслаблена, даже блок не поставила. Просто и подумать не могла, что он так со мной поступит. Такого рода заклятья невозможно купить в свободном доступе, а за их использование грозит суровая кара, вплоть до лишения дара. Я и о существовании такой дряни знала только в теории.

– Ты в своем уме? – поинтересовалась я, разглядывая за окном заваленные снегом улицы города. – Я не прошу тебя. И не намерена связывать с тобой свою жизнь. Зачем ты хочешь увезти меня отсюда?

– Твое место рядом со мной, – невозмутимо отозвался жених. – Это очевидно. И если продолжишь выпендриваться, придется лишиться тебя возможности самостоятельно принимать решения. Будешь даже в туалет ходить по моему разрешению.

– Зачем? Чтобы я превратилась в овощ? Не кажется, что это очень странно, если ты и правда хочешь сделать меня своей женой?

– Нет, не кажется. Понимаешь, Валенси, ты молодая, красивая и обеспеченная девушка, у которой на юге никого нет. У тебя хорошее образование, воспитание и происхождение. Идеальный кандидат на роль жены. Я знал это с момента нашего знакомства. А еще ты моя, и от меня никто и никогда не уходил. Твоя выходка... – Он разозлился. Ноздри начали раздуваться от с трудом сдерживаемого гнева. Дилан даже кулаки сжал, чтобы окончательно не выйти из себя. – Она опозорила меня. Поэтому ты вернешься, выйдешь за меня и родишь мне наследников. Ну, хотя бы одного – на первое время. Если после этого ты поедешь кукушкой, потому что придется держать тебя на зелье... Это твой выбор.

– Нет... – Я покачала головой и снова бросила взгляд в окно. – Ты не понимаешь. Все не так просто.

На улице было удивительно тихо. Мир ждал. И только я знала, чего именно. Ледяной хотел, чтобы я выполнила свое обещание и пришла на встречу. Как только Ранион догадается, что я его обманула, начнется светопреставление. Только вот Дилан этого не понимал. Зачем он вообще явился? И самое главное – как меня нашел?

– Вот перестань со своими женскими штучками! – отмахнулся бывший жених. – Понимаешь, не понимаешь! Я слишком много тебе позволял!

– Дилан, ты идиот! – психанула я, когда карету мотнул первый порыв ветра, а в стекло прилетели крупные снежинки. В воздухе ощутимо похолодало.

– Язык попрідержи! – огрызнулся он.

Раньше я испугалась бы. Но буквально пара дней в созданном мною ледяном аду заставила измениться. И я ответила:

– А ты мозг включи и послушай!

Дилан опешил. Я никогда с ним так не говорила. Пользуясь замешательством, я продолжила:

– Я очень нехорошо поступила в детстве.

– Я тоже не был ангелом.

– Да послушай же меня! – уже почти орала я. Карету начало болтать, ветер усиливался.

– Что за демонская тут погода?!

– Это потому, что уезжаю я. Это место меня не отпустит. Он меня не отпустит!

– Ты уже нашла себе хахалю? – возмутился Дилан. – Так пусть попробует отобрать. Ты меня знаешь. И мою силу – тоже. Она поднимает мертвых и способна уложить живых!

– Он не подходит ни под одну категорию, – тихо пробормотала я и сильнее закуталась в шубу. Окна покрыл толстый слой изморози. Лед переполз на стены и начал спускаться к сиденьям, а карета дернулась и замерла.

- Занос! - заорал кучер с козел. - Дальше не проедем.

- Ты просил горных ледяных скакунов, которые не боятся пурги и холода! - Дилан перегнулся и открыл небольшое окошко, через которое можно было разговаривать с сидящими на козлах людьми. - Что еще надо? Ты же говорил, они пройдут везде.

- Они - да... - отозвался кучер. - А вот карета - нет!

В приоткрытое маленькое окошко ворвался ветер с ворохом снежинок, которые словно пчелы впились в лицо Дилана. Напали и на меня, но я успела отгородиться воротником шубы.

- Что за демоны тут творятся?! - Впервые мой жених выглядел растерянно. Спесь с него несколько слетела.

- А я говорила. Кажется, началось...

Карета превращалась в ледяной гроб. Лед под ногами, узоры на окнах и сверкающий потолок. Пожалуй, даже красиво. Но дико холодно. Губы заоченели, а ресницы стали тяжелыми от севшего на них инея.

- Адское место! - выругался Дилан и начал создавать заклинание, используя внутренний резерв. Мой жених был сильным магом, но я понимала - бесполезно тягаться с ледяным. Ну, выйдем мы отсюда, и дальше что?

Дверь вырвало вместе с куском льда, затянувшим ее с внутренней стороны. Только вот лучше не стало. В карету ворвался порыв ветра со снегом, пробрал до костей, зато я почувствовала, что снова могу самостоятельно принимать решения, поэтому стала выбираться следом за Диланом. Не была уверена в том, что это хорошая идея. Если ледяной решил убить меня за неповиновение, не принципиально, где оказаться: тут или снаружи. Здесь дуло меньше.

На улице завывала вьюга, дорогу замело так, что стало непонятно, где она вообще проходила. Вокруг расстилалось бесконечное снежное поле с барханами. Некоторые возвышались над накренившейся каретой. На козлах жалась друг к другу двое возничих.

- Мы его прогневили! Чем же мы его прогневили? - бормотал под нос один, то и дело осеняя себя защитным знаком.

- Да кого же «его»? - в сердцах воскликнул Дилан, но ответа не получил.

Мне стало интересно, зачем мужчина призывает светлых богов. Как они помогут в борьбе со свихнувшимся ледяным драконом, у которого отобрали единственное доставляющее радость сокровище?

- Нам нельзя стоять, мы замерзнем к морским демонам, - сказал Дилан. - Нужно двигаться. Думается, до города идти меньше, чем куда бы то ни было. Отвязывайте лошадей. На них есть шанс выжить.

- Какая разница, где умирать? - обреченно спросил возничий, повторив мою мысль, но Дилан лишь раздраженно на него взглянул и полез к лошадям сам. Я замерла у кареты, всматриваясь в затянутое тучами небо - темно-серое, почти черное. На нем танцевали вихри снежинок, в которых угадывались оскаленные морды зимних духов. Неужели Ранион не пришел сам, а отправил их убить нас? Верилось с трудом, но пока ледяной дракон особо не проявлял себя. Не знаю, почему меня это растроивало? Я надеялась, что он примчится меня спасать? С чего бы это?

Непогода усиливалась. Казалось, она издевается над нами. Все сложнее было устоять на ногах, зуб не попадал на зуб, а руки и ноги коченели.

Дилан наконец-то справился и отвязал лошадей.

- Пошли. Если сесть по двое, сумеем спастись! - бросил он, и я осторожно кивнула. Ледяной не даст нам уйти. Но если есть малейший шанс выжить, грех им не воспользоваться.

Я шагнула навстречу жениху, но тут снежное марево приняло очертание двух обнаженных ледяных девушек, которые остановились рядом с нашими лошадьми. Дилан опешил и на миг растерялся. Этого хватило, чтобы две бестии вскочили на спины животных, поддали голыми пятками и умчались в бурю. Изящные спины, распущенные волосы, которые струились снежной поземкой, и издевательский смех - все это растворилось в белом мареве.

- Что за демонщина?.. - Дилан сглотнул и потряс головой, словно отгоняя морок.

- Зря ты меня увез. Теперь погибнем все.

- Действительно... - раздался ленивый голос из-за спины. - Зря. Я никогда не отдаю свое. И не терплю, когда нарушают данные мне обещания. Сбежать хотела, Рыжик?

- Да кто ты такой?! - возмутился Дилан и, отодвинув меня с дороги, шагнул навстречу ледяному. В руках моего жениха сплелись черные нити магии потомственного некроманта. Я никогда не видела, как Дилан их использует, потому что они несли смерть всему живому. Опасное колдовство, которое некроманты применяли лишь в крайних случаях.

Но Ранион взирал на моего бывшего с усмешкой. Светлые волосы трепал ветер, а рубашка обнажала молочно-белую, сильную грудную клетку с рельефными мускулами. Совершенная скульптура, вылепленная из льда.

- Дилан, не нужно... - тихо прошептала я, переводя взгляд с одного мужчины на другого.

- Боишься за своего любовничка? - зло хмыкнул он. - И где только такого выискался?..

- О, Рыжик, как ты меня представила! Польщен! - прищурился Ранион, и его глаза сверкнули синим льдом.

- Вы оба идиоты! Как так можно! Прекратите! Деретесь из-за меня, как из-за ведерка в песочнице.

- Так я вроде бы ничего не делаю, - нахально заявил Дилан, и черная магия начала сворачиваться в тугие, готовые ударить жгуты.

- Ранион... отпусти нас, пожалуйста, - взмолилась я, понимая, что это все надо прекращать, пока не стало поздно.

- Его я даже не держал. А касаето тебя, Рыжик, все сказал давно. Ты сама вернулась, и больше я тебя не отпущу.

Ледяной даже не смотрел в сторону Дилана, общался со мной. И мой жених решил воспользоваться ситуацией.

- Нет! - закричала я, заметив мелькнувшие черные плети.

Дилан нехорошо усмехнулся. Видимо, подумал, что я переживаю за Раниона. Но это было не так. Не хотелось, чтобы эти двое поубивали друг друга. Только вот ставку я бы сделала не на Дилана. Пока он вел себя адекватно, можно было постараться решить проблему миром, но после удара в спину... Я сомневалась, что Ранион остановится.

Черные плети почти хлестнули Раниона. Почти дотянулись до серебристого шелка рубашки, но замерзли прямо в воздухе, осыпавшись на снег мелкими черными осколками, словно разбитая ваза. А потом с шипением растворились на снегу без остатка. Даже следов не было видно. Зимняя стихия впитала черную магию.

- А теперь мой ход... - ухмыльнулся Ранион, медленно поворачиваясь к Дилану и делая шаг ему навстречу.

Мой жених снова собрал резерв. Сейчас он стал умнее, и в его руках затрещал огонь. Эта магия давалась Дилану сложнее. Шар вышел небольшим, но ярким.

- Хочешь поиграть? Не вопрос, давай еще раз!

Ледяной усмехнулся и вызывающе раскинул руки в стороны, приглашая. Дилан не стал медлить и со всего маха кинул в него мерцающий шар, но эффект оказался таким же, как и в случае с черными плетками. Заклинание замерзло в воздухе.

- Ты еще не понял? Меня нельзя убить, - сообщил ледяной. - Я воплощение стихии. Как ты хочешь усмирить ветер?

Мощный поток холодного воздуха со снежинками сбил Дилана с ног, хлестнул по лицу. Снежинки, такие безобидные в обычной жизни, впились в щеки, рассекая кожу, словно маленькие сюрикены. Дилан закричал и прикрылся руками, стараясь хоть как-то защититься, но острые резные кусочки льда атаковали со всех сторон.

- Видишь, моя игра намного интереснее... - удовлетворенно сообщил Ранион, искренне наслаждаясь картиной, которая развернулась у его ног.

- Ранион, не нужно! - Я кинулась к нему, вцепляясь в руку. Создалось ощущение, что я пытаюсь остановить двигающуюся глыбу льда. - Оставь его! Пожалуйста!

- И зачем мне это? - без интереса поинтересовался ледяной, наблюдая за тем, как по ногам и рукам

Дилана медленно ползет ледяная корка.

Двое возникших сжались на козлах и, кажется, уже не дрожали, а Дилан замерзал у меня на глазах, и я ничего не могла с этим поделать. Я уже не любила его, злилась. Он приготовил мне не лучшую участь. Но не хотелось бы, чтобы он замерз здесь из-за меня.

- Ранион, пожалуйста! - Я повисла у него на руке. - Не убивай его! Я сделаю все, что ты хочешь!

- Все, чего я хочу? - Он оторвался от созерцания Дилана и обернулся ко мне. В глазах застыла ледяная ненависть, и мне показалось, что он не согласится. Ледяному нравилось меня мучить, а сейчас я определенно страдала. - И что же ты можешь предложить? - с издевкой поинтересовался ледяной.

- Все, - я сглотнула, - все что пожелаешь.

- Знаешь, в чем проблема, Рыжик? - Ранион повернулся ко мне и провел холодным пальцем по моим губам. - Ты и так сделаешь все, что я скажу. И эта попытка сбежать... она бессмысленна. Зачем ты это затеяла?

- Ты видишь где-то тут Пэрсика? - очень тихо спросила я.

- А при чем тут твой лохматый наглый кот? - удивился ледяной.

- Это не я затеяла, я никогда и никуда не сбежала бы без него. Я не собиралась нарушать данное тебе обещание. Правда.

- То есть этот... - Ранион явно проглотил оскорбление, - решил увезти тебя силой, а я должен его пощадить? Ты сама себе противоречишь.

- Не убивай его, пожалуйста. Не хочу, чтобы на моей совести была еще одна жизнь. Мои чувства и желания тут ни при чем. Просто убийство... оно несправимо.

- Мое проклятье тоже.

- Он-то тебя не проклинал... Вся вина на мне. Ну и мсти мне.

Ледяной задумался, а потом неожиданно, так, что я даже не успела пикнуть, подхватил меня за талию и взмыл в воздух, закручивая вокруг нас снежный вихрь. От холода перехватило дух и свело пальцы, когда я, чтобы удержаться, вцепилась ледяному в плечи. Вокруг бушевала пурга. Я не понимала, где верх и где низ. Мы потерялись в снежном кружащемся мареве.

Хотела спросить, куда он меня тащит, но перекричать бурю оказалось невозможно. Я была вынуждена прижиматься к ледяному телу, цепляться за сильную шею и молиться, чтобы удалось выжить.

Мы вынырнули из метели где-то на краю горного плато. Елки, сугробы и огни города остались где-то внизу. Я помнила это место. В детстве мы любили сюда сбежать и любоваться закатом над городом. Правда, делали это летом. Пару раз мне серьезно влетело от отца за подобные выходы.

- Назови, Рыжик, хотя бы одну причину, по которой я захочу оставить тебя в живых? - поинтересовался Ранион, склонив голову набок и уставившись на меня своим нереальным взглядом.

Вокруг была идеально тихая и звездная зимняя ночь. Не очень холодно. Ни ветерка, ни снежинки. И даже плато не завалено сугробами, словно кто-то перед нашим приходом прошелся по нему с гигантской лопатой и метлой. Когда находишься рядом со стихией, и не такое возможно.

- Не знаю, почему еще жива, - совершенно искренне ответила я и посмотрела ему в глаза. Это оказалось ошибкой. Даже в темноте был хорошо виден их цвет - неестественно голубой. Очень яркий, колдовской. Никогда у обычного человека не встретишь таких глаз. Они завораживали и заставляли забыть о том, кто мы друг для друга. Ведьма и жертва ее детского проклятия.

Ранион был настолько красив, что перехватывало дух. Его кожа в лунном свете казалась серебряной, а тени от длинных ресниц расчертили бледные щеки. Длинные волосы, в которые были вплетены украшения из сосулек, лежали на плечах. Он действительно стал воплощением коварной ледяной стихии - такой же холодный, безжалостный и лишенный возможности любить.

Сердце сжималось от осознания того, что это я сделала его таким. Уничтожила живую красоту, веселый нрав и создала думающую и разговаривающую ледяную статую с невероятной магической мощью. Почему я до сих пор жива? Он должен был убить меня сразу, едва я появилась в Сноухельме. Ну или когда попыталась сбежать. Но я до сих пор стояла рядом с ним, разговаривала и дышала. И не могла понять - почему.

- Так почему я еще жива, Ранион? Может, действительно лучше закончить все это сейчас? Ты мучаешь меня... Но, кажется, и сам мучаешься вместе со мной.

- А может быть, мне нравится мучиться вместе с тобой? - спросил он и качнулся ближе. Снова стало холодно. А когда его ладонь скользнула по моей щеке, я задрожала. - Так я чувствую себя почти живым. И у меня появляются желания...

- Какие?

- Которые не дают тебя убить.

- Например? - сглотнув, спросила я и почти не удивилась, когда Ранион склонился ко мне и накрыл мои губы своими, ледяными. Вряд ли я выживу после такого поцелуя. Холод пробрал до костей, когда руки Раниона заключили меня в объятия, а температура воздуха вокруг, казалось, упала еще на десяток градусов. Дыхание перехватило, а губы онемели. Поцелуй обескураживал. Соотношение льда снаружи и непривычного, зарождающегося жара внутри заставляло сходить с ума. Я не поняла, в какой момент его ледяные губы перестали обжигать холодом и отогрелись. Или это мои замерзли настолько, что я перестала чувствовать? Меня словно пронзило током, когда язык Раниона настойчиво скользнул между моих зубов. Я выгнулась навстречу, прижимаясь к ледяному телу и не замечая, как снежинки вокруг нас снова закручиваются в вихрь.

Ранион целовал меня настойчиво, заставляя покоряться ударам языка и смелым губам, а когда слегка прикусил мою нижнюю губу, я вздрогнула и поняла, что просто схожу с ума от ледяных прикосновений.

Когда я почти перестала соображать, Ранион внезапно отпрянул, уже во время движения растворяясь в снежной буре и снова превращаясь в сумасшедшую стихию. На секунду я опять потерялась в пространстве, а потом снег исчез, и я оказалась наедине с тихой зимней ночью и горящими после поцелуя губами. Я не понимала, что сейчас произошло и хорошо мне или плохо. Может быть, я уже замерзла, и именно поэтому мне тепло несмотря на то, что температура воздуха осталась прежней?

Я прикоснулась рукой к припухшим губам. Холодные, но ничего похожего на обмороженную отметину, которую ледяной оставил на моей шее в примерочной.

Глава 8

Ее губы были горячими. Нет. Просто огненными. Они отогревали и плавил не только мою кожу, заставляя захлебываться в неизведанных ощущениях, но и сердце. Мне было тепло. Впервые за долгие восемь лет мне было тепло. Нереальное, давно забытое ощущение, которое до духов тьмы напугало.

Бросив Валенси на морозе, я позорно сбежал, чтобы теперь носиться над городом словно угорелый и пытаться разобраться в себе. На короткие мгновения показалось, будто проклятье отступило. Я чувствовал жар, растекающийся от ее губ по моему телу, я хотел сжимать ее сильнее, ведь эти прикосновения дарили тепло...

А потом я испугался. В том числе из-за того, что могу израсходовать свою личную батарейку слишком быстро. Стало страшно от мысли, что, забирая тепло, я убиваю Валенси. К этому я оказался не готов. Она была мне нужна. После этого поцелуя – еще нужнее, чем я думал раньше. А это означало лишь одно. Оставлять Валенси на морозе нельзя, но и вернуться за ней я сейчас не мог. Слишком сильными были впечатления от нашего поцелуя. Я отвык от таких разрушающих эмоций.

Без стука распахнул окно в знакомую спальню. Женевьев не изменила себе и с мужем делила ту же постель, на которой я лишил ее невинности. Даже убранство комнаты осталось прежним. Я нахально уселся на подоконник, подождал, когда закончит орать проснувшийся Дэвид, и обратился к открывающей от возмущения рот Женевьев.

– Мне нужна твоя помощь. Точнее даже не мне... – начал я издалека.

– Ранион, ты вообще сдурел?! Убирайся из моей спальни! – подал голос Дэвид, который в последнее время как-то осмелел.

– Твоего тут только тапочки, – отмахнулся я и обратился к Женевьев: – Жен, я скотина. Я оставил Валенси тут недалеко, в лесу. Забери ее, пожалуйста, а то она замерзнет.

– Ты совсем сбрендил? – подозрительно уточнила она, не торопясь, впрочем, вылезать из кровати.

– Я был расстроен. И еще... Этот придурок, который хотел ее увезти, тоже где-то за городом. Пытается из сугробов вылезти в люди. Валенси просила его не убивать. Мне кажется, будет логично, если ты поедешь вытаскивать сестру. А твой одноклеточный – своего друга.

– Какого друга? – удивилась Женевьев.

– Ну, а как, ты думаешь, этот Дилан нашел Вал? Сам, что ли? Сильно сомневаюсь. Ему помогли. И выводы, которые напрашиваются, мне не нравятся.

– Мы не можем уехать вдвоем! – подал голос Дэвид, напрочь игнорируя то, что я говорил секунду назад. – Вообще-то у нас Китти. Нельзя оставлять ее одну.

– Ну, думаю, тогда Дилан замерзнет в сугробе. Его вы скорее бросите, чем Вал. И поверьте, не особенно расстроюсь. Он мне не понравился. Поэтому вы тут сами решайте, как будете распределять силы.

– Ты хорошо придумал, Ран! – возмутилась Женевьев и все же откинула одеяло в сторону. А она изменилась. На смену кружевным провокационным сорочкам пришли длинные, теплые, в пол, как у примерной жены. – Я должна вытащить Валенси среди ночи с мороза, потому что ты изволил ее там кинуть. Дэвид поедет за Диланом. Стесняюсь спросить, а что будешь делать ты? Обижаться на весь свет и чинить нам препятствия в виде внеочередного бурана?

– Ну почему же. – Пожал плечами, радуясь, что Женевьев не представляет, о чем я сейчас думаю. – Я пойду кормить котика.

– Котика? – потрясенно пробормотала Женевьев, а я, пользуясь повисшей паузой, добавил:

– Вы же не догадались покормить котика Вал. А рыжая пушистая скотина явно хочет жрать.

Оставив семейную пару размышлять над создавшейся ситуацией, я убрался с окна, правда, так и не потрудился его закрыть. Еще и пол щедро присыпал снегом. Было приятно представлять, как Дэвид ругается, напяливает на тощие волосатые ноги домашние тапочки и по сугробам бежит закрывать окно, а потом веником сметает стремительно тающий снег, чтобы Женевьев смогла встать и отправиться спасать замерзающую Валенси.

В их паре Женевьев была королевой, а Дэвид – вечным пажом. Когда-то она, прекрасно зная о его влюбленности, говорила, что некоторым мужчинам не суждено выйти из френдзоны. Дэвид сумел

на ней жениться, но так и остался где-то там, на периферии, чем-то средним между помощницей по хозяйству и жилеткой, в которую можно порыдаться. Я видел их отношения, и, наверное, поэтому позволил этим двоим жить спокойно. Дэвид не занял мое место. Рядом с Женевьев он смотрелся жалким. Комнатная собачка, а не муж. С таким я мог смириться.

Ну а сейчас... сейчас у меня появился другой интерес. И он пугал.

Я перелетел на противоположную сторону улицы и через форточку проник в крошечную квартирку Валенси. Из темноты на меня уставились два недовольных зеленых глаза. Пэрсик неподвижно сидел на полу кухни и гипнотизировал свою пустую миску. Только мое появление заставило его вскинуть морду и вытарачиться на меня.

Зажегся свет. Я, как и Пэрсик, прекрасно видел в темноте, но свет остался от человеческих привычек, поэтому я им пользовался. Кот смотрел на меня долго и внимательно, словно раздумывал, что сделать с неожиданным гостем. На его морде читалось брезгливое презрение, но голод победил. Мохнатый нахал изволил поднять свой зад, величественно подошел ко мне и хотел потереться о ноги, но, видимо, вспомнил прошлый опыт. Кот остановился чуть в стороне и несчастно-жалобно выдал протяжное: «Мя-я-я-я». Потом посмотрел на меня, демонстративно нарезал круг у пустой миски, уселся возле нее и начал раздраженно подергивать роскошным хвостом. Любая лиса бы позавидовала.

Найти корм на пустых полках в шкафах Валенси не составило труда. Похоже, она кормила только кота. По крайней мере, человеческой еды я тут не заметил. Зато вещи были на месте и находились в легком беспорядке. Так до конца и не разобранные пакеты с платьями, недопитый кофе в двух кружках, коробка из-под круассанов. Действительно, непохоже, что Валенси хотела сбежать. А ведь я не поверил ей. Точнее, до конца не поверил.

Интересно, кто такой этот Дилан. Жених? Тогда почему пытался увезти ее силой? Я готов был поклясться, что именно его должен благодарить за то, что Валенси сбежала с теплого побережья и вернулась в Сноухельм, в мои ледяные объятия. Забавно. Получается, Валенси боялась его сильнее, чем меня. Может быть, и не зря я его не убил. Хотя внутренний голос кричал об обратном. Жаль, я не дошел до того уровня бесчеловечности, который позволяет убивать людей лишь потому, что они будят в душе нехорошие предчувствия.

Пэрсик дожевывал свой корм, который был похож на кусочки вяленого мяса, и потерял ко мне всякий интерес. Он ушел в комнату и устроился в центре дивана, свернувшись пушистым клубком. Я с трудом удержался от желания погладить его. Но решил оставить нежности на следующий раз, хотя кот забавно тряс лапами от моих прикосновений.

Не знаю, в какой момент я перестала мерзнуть. Ураган, поднявшийся, едва ледяной меня бросил на заснеженном плато, стих. Ни ветерка, ни снежинки. Но вот сил куда-либо идти или пытаться спастись не было. Я находилась в странном оцепенении. Не хотелось ничего делать и вообще шевелиться.

Возможно, так на меня подействовал ледяной поцелуй. А может быть, стресс и холод. Я завернулась в шубу, прислонилась к стволу ближайшего дерева, а потом медленно сползла по нему вниз и закрыла глаза, понимая, что больше их не открою. Не смогу проснуться и просто замерзну тут насмерть, свернувшись калачиком в сугробе. Так, наверное, будет лучше. Меня перестанут терзать и Дилан со своей свадьбой, вряд ли бывший сдастся так просто, и Ранион с ледяными поцелуями. Смешно сказать: даже спустя восемь лет, изуродованный морально проклятьем, в моих глазах он оставался самым лучшим. Сейчас, замерзая по его вине, я вспоминала прикосновения ледяных губ. И меня кидало в жар.

- Вал! Вал! - услышала я знакомый голос. Он доносился откуда-то издалека и заставлял возвращаться в холодную реальность. А я не хотела. Мне и так было хорошо, зачем реагировать на раздражители?

- Боги, Вал! Очнись! Я прибью этого сумасшедшего придурка! Открой же глаза!

Женевьев издавала столько шума, что я нехотя подчинилась и разлепила покрытые инеем ресницы, чтобы взглянуть в заплаканное, встревоженное лицо.

- Слава всем святым, ты жива, Вал! - разрыдалась сестра, прижимая меня к груди.

- Жива, - послушно шепнула я и снова провалилась в беспамятство. Не чувствовала, как меня подняли на руки, как куда-то несли, а когда очнулась, даже не сразу поняла, где нахожусь. Долго лежала и смотрела в белый потолок, потом с трудом повернула голову и разглядела знакомую обстановку гостевой комнаты родительского дома. Я была у Женевьев. Лицо горело, голова была чумная и вообще не соображала.

- Ты очнулась, моя хорошая! - подскочила Женевьев. Потрогала мой лоб, покачала головой и

приложила прохладную, смоченную водой тряпку. – Тебе надо отдыхать и больше спать, сестренка. Переохлаждение. Ты чудом выжила и ничего себе не отморозила.

– Я ненавижу его, – пробормотала очень тихо, сдерживая слезы. Мне было очень плохо.

– Знаю. – Женеьев присела рядом со мной на кровать. – Знаю. Он тоже себя ненавидит, поверь.

– Не думаю, – шепнула я чуть слышно и снова впала в беспамятство.

Я еще несколько раз так выныривала в реальность. Иногда за окном было утро, иногда день. Открывала глаза, смотрела в потолок и снова погружалась в беспамятство или болезненный сон. Раниона я не видела, на улице не завывал ветер, снег если и шел, то без ветра и бури. Может быть, Женеьев права, и он тоже себя ненавидит. Или пока я в таком состоянии, ему неинтересно играть и он ждет, когда я окрепну? Тогда мне вообще не хочется выздоравливать. Так хотя бы в душе царил покой. В те редкие минуты, когда я приходила в себя.

Окончательно очнулась одним утром. Проснулась на мокрых от пота простынях, слабая, но со светлой головой, не путающимися мыслями и одним-единственным вопросом в голове.

– Жен... – осторожно поинтересовалась я у сестры, которая сидела рядом со мной в кресле и вязала. – А где Пэрсик?

И только по потерянному и испуганному выражению ее лица поняла, что, ухаживая за мной, доставая меня с того света, про моего несчастного питомца она даже не вспомнила.

– Сколько дней прошло? – совсем потерянно спросила я, чувствуя, как в горле образуется комок.

– Десять... – как приговор произнесла сестра, и я поняла, что по моим щекам катятся слезы.

Не знаю, зачем на следующий день я пришел в маленькую пустую квартирку, которая без Валенси казалась совсем нежилой. На душе было так странно, что я отказывался себя понимать. Наступило полное отупляющее разочарование, хотелось выть на луну. Я знал, что Валенси едва не погибла по моей вине.

Пожалуй, мне не было стыдно. В душе не шевельнулось ничего, но я понял, что не хочу ее больше истязать. Просто не получаю от этого удовольствия. Но и отпустить не могу. Противно признаваться себе, но если в Сноухельме не будет Женеьев с Дэвидом и Валенси, я останусь совсем один. В окружении духов зимы и холодных глупых лдянок, которые послушно приходили в мою постель, не давая ничего. Ни радости, ни разрядки. Живым я чувствовал себя лишь в окружении людей, но мое присутствие их убивало.

На следующее утро после того, как спасли Валенси, Жен орала на меня так, что казалось, будто сорвет голос. А я стоял к ней спиной и вырезал очередную ледяную скульптуру. На сей раз не живое существо, а орнамент – красивый, запутанный, очень точно отражающий мое внутреннее состояние. Он должен был украсить одну из стен замка. А когда Женеьев, так и не добившись ответа, ушла, я сорвался с места и отправился в квартиру к Вал.

Ее пушистый кот уже сидел у окна и смотрел на меня с настороженным выжиданием. Ждал меня. Или жрать. Впрочем, когда я прошел на кухню, то понял: ни то, ни другое. Лохматая скотина изволила лазить по плите и опрокинуть чайник. Вода разлилась по полу, ручка откололась, а сам чайник выглядел помятым. Перед миской, куда его величеству надлежало насыпать еду, разлилась лужа. Пэрсик задумчиво стоял около нее и раздраженно дергал хвостом.

– Ну не гаденыш ли ты? – поинтересовался я, а кот взглянул философски и потряс передней лапой, как в день нашего первого знакомства. Типа давай, ледышка, убирай. Не видишь, что тут мокро.

Я мелочно заморозил лужу, поэтому, когда в миске появилась вожденная еда, Пэрсик взглянул на меня как на своего самого злейшего врага. Признаться, я рассчитывал, что Пэрсик преодолет свою брезгливость и пройдет по льду к еде. Не знаю, чего я хотел добиться таким педагогическим экспериментом, возможно, принятия меня и моей стихии, но поганец орал, терся о мои ноги, шипел, задумчиво сидел, но не сделал ни шагу по холодному скользкому пространству. Пришлось переставлять миску на другое место. Пушистый зверь не желал принимать мой мир, а жаль. Пожалуй, он был единственным, кого я впустил бы. Ну, и его хозяйку. Только вот нежности я к Валенси не испытывал.

Я пришел к Пэрсикку и вечером, и на следующий день, а к концу недели он милостиво разрешил себя погладить. После дергал лапами и долго вылизывался, но на следующее утро, едва я материализовался у окна, запрыгнул мне на плечо и потерся мордой о щеку. Правда, потом спрыгнул, долго сидел на батарее, отогревая лапы и зад, и смотрел на меня недовольно, словно говорил: «И что же ты такой холодный?»

Стоило признать, я приходил сюда даже не ради Валенси. И не потому, что ее питомец не выжил бы, если бы я не следил за ним. Мне просто понравилось общаться с Пэрсиком. Он не видел во мне монстра. Пожалуй, я вызывал у него всего лишь недоумение. «Такой хороший и такой холодный...»

Именно это читалось на его морде, когда он меня видел.

Никогда я так быстро не собиралась.

- Вал, тебе нельзя вставать! - сетовала Жен, бегая с кофтой за мной по пятам.

А я молчала, потому что боялась накричать на сестру. Не могла передать словами, что творилось в душе. Единственное близкое и зависимое от меня существо, вероятнее всего, погибло в пустой квартире от жажды и голода. Просто потому, что хозяйка валялась в бреду, а больше про него никто не вспомнил. Меня душили слезы, ощущение неправильности происходящего заставляло забывать про слабость и одеваться быстрее.

- Давай я схожу с тобой, - несчастно пробормотала сестра, которая, видимо, все же чувствовала себя виноватой.

- Нет. - Я покачала головой. - Не нужно, я сама.

- Буду наблюдать за тобой в окно, - тихо ответила она.

- Дам тебе знать, как дела, - согласилась я, накинула шубу и выбежала на улицу. Мороз обжег щеки и нос, и я поежилась от накатившего ужаса. После того как чуть не замерзла насмерть, на улице я почувствовала себя очень некомфортно. И, наверное, повернула бы назад, если бы не мчалась к Пэрсику.

Чем ближе я была к дому, тем сложнее оказалось сдерживать слезы. Влетела в квартиру, уже рыдая в голос. Я не была наивной и знала: десять дней без воды, еды и людей Пэрсик не выдержит. Но в душе теплилось идиотское «а вдруг». Я даже Женевьев винить не могла. Ни ее, ни Дэвида, ни Китти. Они спасали меня. А вот я! Хороша же была я сама! Столько раз приходила в сознание, но думала только о себе. Точнее - ни о чем.

От увиденной картины в груди застыл всхлип. Я ожидала чего угодно, но не этого. В моем кресле как ни в чем не бывало сидел Ранион. Как всегда, безупречно красивый и холодный. В руках он держал обычный серый шнурок, к которому был привязан фантик от конфеты. За этим фантиком с остервенением домашнего охотника носился Пэрсик, смешно виляя изрядно пожирневшим задом. Лапки торчали в стороны, им мешало отъеденное пузо, и прыгал мой зверь весьма неповоротливо, зато с энтузиазмом.

Ледяной заметил меня сразу же. Вскинул свои нереально синие глаза и тут же рассыпался снежным вихрем. Снежинки попали на Пэрсика. Кот встряхнулся, недовольно закрутился в поисках своего благодетеля, никого не нашел и обиженно мякнул. На меня поганец даже не посмотрел, демонстративно повернулся задом. Я не могла его винить. Я сама себя презирала. А еще испытывала смешанные чувства по отношению к ледянному.

Он едва не убил меня, но спас жизнь моему коту, и я не знала, как ко всему этому относиться. Ранион, видимо, тоже. Иначе как объяснить его странное поведение?

Я выдохнула, разделась и все же сграбастала в объятия теплое и толстое Пэрсика, который, наверное, без меня скучал, но точно не голодал и не страдал. Даже не представляла, что могу испытывать такое облегчение, когда в животе бабочки и в душе невероятное тепло.

Вспомнив, что обещала дать Жен знать, как у меня дела, не выпуская Пэрсика из объятий, уселась на подоконник. Знала: сестра меня видит. Секунду ничего не происходило, а потом стекло начал затягивать лед. Только на этот раз узоры не пугали. Они были удивительно красивыми, тонкими - настоящее произведение искусства. И вились по краю окна, оставляя в середине прозрачное пространство, чтобы я могла любоваться улицей.

Ледяной просил прощения, не зная, что уже сделал для меня нечто невероятно важное. Как бы он ни ненавидел меня, все же в его душе осталась доброта. Хотя бы в отношении тех, кто не способен причинить никому вред и самостоятельно позаботиться о себе. От этих мыслей буквально сжималось сердце.

К Женевьев я больше не вернулась. Не то чтобы я обижалась или злилась. Нет. Просто действительно привыкла жить одна. Я поправилась и больше не хотела никого напрягать. Ну и оставлять Пэрсика, который быстро перестал обижаться и не отходил от меня ни на шаг. Следовал по пятам, а едва я присаживалась, тут же лез на руки, блаженно шурился и начинал мурчать.

Пока мне запретили выходить из дома. Приходил целитель, который лечил нашу семью уже очень

давно. Я помнила его еще с того времени, когда была совсем маленькой девочкой. Он выписал мне микстуры от кашля, укрепляющие зелья и полный покой. Я с удовольствием следовала этим советам.

Женевьев притащила два пакета продуктов и забила мой морозильный ларь. Даже Пэрсикуну принесла скрученные вяленые кусочки крольчатины. Он оценил и слопал две своих дневных нормы за один присест. Я начала оттаивать и оживать, чего не скажешь о Ранионе. После того поцелуя, который до сих пор снился мне по ночам, я видела его лишь однажды, играющим с Пэрсиком. Он не рисовал узоры на моих окнах, не устраивал городу снежный апокалипсис, и иногда мне начинало казаться, что он просто про меня забыл. Но что-то подсказывало: если я вдруг решу уехать из Сноухельма, ледяной очень быстро вспомнит о моем существовании.

Неприятной новостью было то, что Дилан еще не убрался из города. По версии Женевьев, он приболел, пока пробирался по сугробам до Сноухельма, но интуиция подсказывала, что тут все не так просто. Бывший караулил меня, хоть и не показывался на глаза. Подозревала, что рано или поздно судьба нас все же сведет. Главное, оказаться достаточно убедительной и доказать, что не собираюсь становиться его женой. Мне кажется, даже он должен понять: это место меня не отпустит. Так зачем же он здесь? Надеется поквитаться? Но с кем? Со мной или с Ранионом? Если со мной, то зачем? Если с Ранионом, то как?

Это очень сильно нервировало и не давало спокойно спать ночами. А еще меня начала одолевать скука, и через пять дней затворничества я все же решила выбраться на улицу. Требовалась смена обстановки и свежий воздух.

Оказавшись на улице впервые за две недели (не считая того раза, когда неслась галопом от Женевьев к себе проверять, жив ли Пэрсик), я вдохнула полной грудью и отправилась по знакомому маршруту в кофейню и торговый центр. Что-то подсказывало: на этот раз ледяной не испортит прогулку.

Первым делом забрела в алхимическую лавку и изрядно потратилась на амулет, который защищал от воздействия на волю. Пока Дилан в городе, я предпочитала находиться под защитой. Пусть она и била меня по карману. Новое платье, конечно, более приятное приобретение, но собственная безопасность важнее.

- Какая встреча! Я думал, такая красивая девушка мне привиделась! Но ты вполне реальна! - радостно закричал с другой стороны дороги Вар.

Я улыбнулась и помахала в ответ, а он перебежал ко мне с розой. Неужели ему совсем не холодно в полущубке нараспашку и без шапки?

- Приятно, что в этот раз ты не плачешь! - открыто улыбнулся он. - Можно пригласить тебя выпить кофе?

- Вот так сразу? - удивилась я такому напору.

- В прошлый раз не рискнул и не видел тебя очень долго. Не прощу себе, если упущу свой шанс сейчас.

Я сомневалась и уже почти отказала, но потом подумала, что все равно шла именно за этим. Так зачем отказываться от приятной компании? Поэтому улыбнулась и кивнула.

- Согласна. Показывай, где в Сноухельме самый вкусный кофе.

- Так вышло, что у моей тети, - доложил Вар и подставил мне локоть, который я тут же приняла, стараясь не обращать внимания на сгущающиеся тучи и поднимающийся ветер.

Ранион давно не давал о себе знать. Бежать я не собиралась, поэтому не думала, что произойдет что-то страшное.

Глава 9

Вар был милым и веселым. Самое то, что нужно после кошмаров последнего времени. Лекарство от предательства Дилана, прекрасная альтернатива мрачному ледяному. Но в обществе нормального парня я чувствовала себя странно. Предательницей. И от этого нервничала. Небо на улице затянули тучи, снег снова бился в покрытое морозными узорами окно. От спокойной солнечной погоды не осталось и следа.

Ледяной был где-то поблизости, и я чувствовала: ему не сильно нравится то, что происходит в кафе. Но пока он вел себя примерно, позволяя мне насладиться горячим кофе и приятным обществом, и я не видела смысла отказывать себе в этом.

Последние две недели научили меня ценить выпадающие возможности. Не воспользуешься сейчас, потом их просто может уже не быть.

- Ты такая красивая! - простодушно сказал Вар, а я улыбнулась, склонившись к чашке с ароматным кофе. Compliment, как и горячий напиток, согревал. Иногда приятно посидеть в компании того, кто тобой самозабвенно и искренне восхищается только потому, что ты есть. - Надолго в наши края?

- Кто знает? Возможно, на всю жизнь.

- Это замечательно! - обрадовался Вар. - Я был бы счастлив. Ты необычная, таких у нас нет.

- Ошибаешься, я выросла тут. Здесь живет моя сестра с мужем и дочкой.

- А почему уехала? Холода испугалась?

- Можно сказать и так, - уклончиво заметила я. Горячий взгляд парня опалил, и я чувствовала себя немного неловко. Возможно, из-за ощущения, что за нашей встречей пристально следят.

- Ты ведь встретишься со мной еще раз? - немного неуверенно спросил он, а я задумалась. Почти уже сказала «да», но тут заметила, что кружка в моих руках начала стремительно остывать. Торопливо поставила ее на стол, пока напиток не превратился в лед и керамика не начала примерзать к пальцам, и после этого ответила Вару:

- Не знаю, наверное, не получится.

- Но почему? - с детской обидой спросил он.

А я даже не знала, что сказать. Задумалась, подбирая слова, и выдала единственно логичную, на мой взгляд, версию, которую успела придумать за столь короткое время.

- Я сбежала сюда от неудачной любви. И пока не готова...

- Но я ведь не тороплю. Просто прогулка или ужин. Или завтрак...

- У тебя был просто кофе, - напомнила я и поднялась из-за столика.

- Значит, я могу верить в то, что однажды ты скажешь «да» на что-то большее?

Я пожала плечами. Наверное, я сказала бы «да». Не потому, что сердце трепетало. Просто Вар был милым и живым. Он то, чего остро не хватало в моей жизни в последнее время. И я злилась на ледяного и его безмолвную демонстрацию своего отношения. Что мне теперь, жить монашкой? Никуда не ходить и ни с кем не общаться?

«Зато он не травит тебя и не тронул Вара. Для Раниона и это много».

Игнорировать этот факт было бессмысленно, но настроение все равно испортилось. Я решила отменить прогулку по торговому центру и вернуться домой. Даже если Ранион не являлся лично, сегодня он четко дал понять, что по-прежнему «от» и «до» контролирует мою жизнь. И в ней нет места друзьям. Или мужчинам?

Я почти не удивилась, когда, вернувшись домой, обнаружила Раниона на моем подоконнике, а предателя Пэрсика - на его коленях. Хорошо хоть, окно не открыл нараспашку и снегом не намусорил по ковру, как он любит делать.

- Привет, - как ни в чем не бывало поздоровался он и взглянул на меня своими колдовскими голубыми глазами.

- Привет? - возмущенно выдохнула я. - Ты чуть не убил моего бывшего, потом чуть не убил меня, потом сорвал мое свидание, а сейчас просто говоришь мне «Привет»?

- А что я должен тебе сказать? - удивительно мягко спросил он, ссадил с коленей Пэрсика и переместился поближе. - Что мне жаль? Но мне не жаль.

Он смотрел в мои глаза и молчал. Лишь на губах играла едва заметная улыбка - холодная, отстраненная и презрительная. Какие бы отношения ни связывали ледяного с котом, меня он по-прежнему ненавидел.

- Спасибо, что присматривал за Пэрсиком, - сказала я, потому что это действительно было важно.

- Он не сделал мне ничего плохого. Как и я, он всего лишь жертва обстоятельств. Я не мог бросить его умирать.

- Думала, ты отстал от меня. Тебя давно не было видно.

- Я тоже думал, что отстал от тебя, Рыжик. У меня плохо получается ненавидеть. Мне вдруг стало не интересно тебя мучить.

- К чему же сегодняшнее выступление?

- Ключевое в моей фразе - «думал». Просто игнорировать твое существование, пока ты сидишь в четырех стенах. Но сегодня я осознал, что мне не нравится, когда девушка сначала целуется со мной, а потом договаривается о свидании с другим.

- Это ты меня поцеловал. И твой поцелуй... Это было не лучшее в моей жизни. Я чуть не умерла потом.

- Досадное недоразумение, которое ничего не значит. Ты запомнила мой поцелуй.

- Вовсе нет. Я запомнила холод, который чуть меня не убил.

- Врешь.

Может быть, я и врала, но это не меняло ситуацию, которую я и озвучила:

- Но твои поцелуи способны убить!

- Да, и тем интереснее, Рыжик. Ты не находишь?

- Нет! Не интереснее! Хочешь убить меня, Ранион, убивай! Но то, что ты делаешь... Нет, я на это не согласна!

- Понимаешь, ничего не изменилось, Валенси. Ровным счетом ничего. Ты по-прежнему виновата, и по-прежнему твое мнение не является важным. Просто я немного поменял правила игры. На более интересные для меня, - сказал он, приблизившись вплотную. Я снова чувствовала исходящий от него волной холод.

Но от его взгляда меня кидало в жар. Ранион был прав, я слишком хорошо помнила наш поцелуй. И самое страшное заключалось в том, что я мечтала его повторить, невзирая на возможные последствия. Как хорошо, что Ранион об этом не знал.

- Меня тянет к тебе, Рыжик, - признался он. - Это неправильная и болезненная тяга, но я не вижу смысла ей противиться, особенно в мелочах. Например, мне не нравятся посторонние мужчины рядом с тобой. Твой бывший, этот Вар, раздевающий тебя глазами... Убери их из своего круга общения, и тогда мне не будет хотеться заморозить твой кофе, стул и этот город к ледяным демонам. Неужели это так сложно?

В его глазах застыла боль, и я почувствовала, как по щекам текут слезы. Почему же все так мучительно сложно? Зачем он мучает меня и себя? Если его ко мне тянет, то лучше всего держаться друг от друга подальше.

- Если я уберу их из своей жизни, ты отстанешь от меня?

- Не уверен, что получится.

- И зачем тогда мне это делать?

- Затем, что тогда мне не захочется их убить.

После этих слов ледяной отступил, грустно улыбнулся и превратился в снежный смерч, который ускользнул в приоткрытую форточку, умудрившись не оставить на ковре ни снежинки. А мне почему-то стало холоднее, чем в его присутствии. Сердце сжалось от невозможности изменить случившееся. Я долгие восемь лет бежала от прошлого и надеялась его забыть, но не вышло.

Содеянное настигло меня отравляющим жизнь ледяным проклятьем. Я должна Раниону, только этот долг не покроешь, не отработаешь. Его можно лишь простить, но прощение мне не светит. Даже смерть не станет искуплением. Мне надоело чувствовать себя виноватой, раз за разом признавая свою вину. Может, стоило смириться с тем, что я не в силах что-либо изменить? Это не поменяет окружающую реальность, не заставит Раниона отступить и перестать меня мучить, но хотя бы в душе воцарится мир. Только вот думать об этом значительно проще, чем воплотить в жизнь.

Пёрсик недовольно мякнул, лишившись друга. Покрутился на месте и даже запрыгнул на подоконник, зачарованно провожая взглядом метель.

- И что ты в нем нашел хорошего? - недовольно буркнула я, но Пёрсик лишь раздраженно дернул хвостом. Ранион кормил его тогда, когда все остальные забыли. Видимо, пушистый это очень сильно ценил. Было обидно, но я заслужила пренебрежение. Правда, все равно раздражало, что ледяной слишком глубоко влез в мою жизнь. Даже завладел вниманием единственного существа, которое до возвращения в Сноухельм принадлежало только мне и любило только меня.

Предаваться бесполезным страданиям и дальше было совершенно не конструктивно, поэтому я пошла на кухню и заварила травяной чай с листочками мяты, душицей и еще чем-то, что отыскалось на полках. Достала мед и провела вечер, свернувшись в кресле у камина и разглядывая огонь. Ближе к ужину, когда организм начал требовать чего-то более существенного, пришлось встать и отправиться на разведку к холодильнику. Пока мы с Пёрсиком задумчиво изучали его содержимое, в дверь настойчиво постучали.

Я никого не ждала, поэтому насторожилась. Впрочем, кто мог прийти ко мне в этом городе, кроме Женевьев? Просто обычно сестра заходила без стука, но, возможно, она начала ценить мое личное пространство.

Захлопнув холодильник и едва не запнувшись о внезапно попятившегося Пёрсика, я пошла открывать дверь. Чувствовала себя тут слишком защищенной, иначе обратила бы внимание на странное поведение кота. А так радостно рванула на себя дверь и замерла, так и не закончив предложение.

- Привет, Жен...

Потому что за дверью была не Женевьев.

- Ну здравствуй, Валенси... - нехорошо улыбнулся Дилан и, отодвинув меня в сторону, нагло ворвался в мое жилище, которое тут же перестало быть оплотом уюта и защиты.

Когда моя жизнь, мои планы, мой мир оказались разрушены проклятием маленькой глупой ведьмочки, я попал в пучину отчаяния. Думал, хуже быть просто не может.

Я не знал, что в один далеко не прекрасный день эта ведьмочка вернется и взорвет мое ледяное сердце. Ее присутствие доставляло боль, заставляло страдать и разрушало стену ледяного безразличия, которую я создавал так долго. Рыжик сводила меня с ума. С одной стороны, заставляла чувствовать себя живым и почти нормальным, а с другой - именно с ней я особенно ярко осознавал свою инаковость. Хотелось сжать Вал в объятиях и целовать до умопомрачения. Только вот что случится с ней после этих поцелуев?

Я не врал, когда сказал, что у меня почти получилось ее оставить. Почти. Потому что, увидев рядом с ней другого, я понял, что способен от ярости разнести к снежным демонам весь этот проклятый городок, лишь бы никто не смел приближаться к ней, прикасаться к ее коже и забирать ее улыбки. Мне эгоистично хотелось, чтобы Валенси была только моей.

Пусть я не могу да нее дотронуться, не заморозив, все равно не хочу никого видеть рядом с ней. Она обрекла на вечное одиночество меня, и я имею моральное право поступить так же с ней. Око за око, зуб за зуб.

Именно так я утешал себя, пока возвращался домой. Мне даже не требовалось принимать облик ледяного дракона. Дракон тяжел, иногда неуклюж... Лучше раствориться в падающих с неба снежинках, повинаться ветру и в мгновение ока оказаться в своей ледяной крепости.

Этот замок за восемь лет стал моим домом. Огромные залы, ледяные потолки, морозные узоры на стенах... Вряд ли тут было уютно, но красиво - точно. Белый, светло-голубой, серебряный - вот основные цвета. Много льда, ажурное плетение, какое может оставлять только иней. Не всегда понятно, где заканчивается замороженная вода и начинается искусственный материал. На самом деле, в замке было значительно меньше льда, чем могло показаться на первый взгляд. Возможно, я никогда не терял надежды, что однажды вернусь в человеческое состояние, и тогда ледяная красота исчезнет, станет неудобной. С каждым годом вера в это таяла, а вот сейчас несбывшиеся желания начали терзать с новой силой.

- Мой господин грустит?

Из-за колонны выпорхнула изящная ледянка, так сильно напоминающая Валенси. Легкое платье из снежинок почти ничего не скрывало. Ни полную грудь, ни длинные ноги. Но сейчас ледяная красота оставляла равнодушной. Я прошел мимо, даже не обратив внимания на свое создание.

Ледянка не обиделась, а просто побежала дальше по коридору, видимо, в поисках своих подружек. Сейчас пойдут во двор петь песни, бегать вокруг фонтана, может быть, танцевать. Ледяные девы, по сути, как были, так и остались обычными снежинками. Красивыми, хрупкими, лишенными интеллекта и чувств. Их присутствие забавляло, не более. И ни одна не могла удовлетворить мое желание. Желание обладать одной, конкретной, человеческой девушкой.

- Ты что здесь делаешь? - возмутилась я, стараясь не показать, как сильно испугалась.

Дилан был взбешен, он заполнял собой все пространство моей маленькой прихожей.

- А ты как думаешь? - нехорошо усмехнулся он, пытаясь стряхнуть снежинки с шапки. Меня окатило холодными брызгами растаявшего снега.

- Уезжай из Сноухельма, - тихо произнесла я, не веря, что Дилан прислушается. Но попытаться стоило.

- Это приказ? - Он издевался. В голосе прозвучал смешок.

- Это дружеский совет, - ответила я, думая, что делать, если выпроводить Дилана мирно не получится.

- Нет уж, Валенси. Я еще не разобрался, что происходит в этом демоновом месте! Поэтому пока домой возвращаться не хочу.

- А тебе и не нужно разбираться.

- Ты кинула меня одного ночью в мороз, а сама улетела с этим идиотским снеговиком! Я очень хочу понять, что происходит.

- Дилан... - Я попыталась успокоить бывшего, который явно был настроен на скандал. - Если ты заметил, я не улетала с ним. Он забрал меня, как заберет снова, если ты попытаешься меня похитить. Он достанет меня везде. Нельзя противиться стихии. Это опасно и для тебя, и для меня. Опасно для всего города.

- Да кто он, демоны заведи?

- Ледяной маг, которого я прокляла восемь лет назад.

- Да ты же почти пустышка, в тебе и магии-то практически нет. Как ты могла кого-то проклясть? Да еще так, что аukaется всему городу!

- Так было не всегда. На проклятие моих сил, как видишь, хватило.

- И что же такое страшное он хотел с тобой сотворить, что ты превратила его в поганую ледышку?

- Он хотел жениться на моей сестре, - как можно ровнее отозвалась я. - А теперь, если я ответила на все твои вопросы, уйди, пожалуйста. А лучше - убирайся отсюда на первом экипаже. Он оставил тебе жизнь, но нет гарантии, что не передумает.

- И подарить тебя снеговик? - зло спросил Дилан. - Нет, Валенси, так не пойдет. Если не хочешь возвращаться, мы можем сыграть свадьбу тут.

- И жить ты тут будешь? - огрызнулась я.

- А может, обойдемся без свадьбы? - наступал он. - Ледышка бережет тебя для себя, но этому не бывать. Ты же помнишь, я сказал, что ты принадлежишь мне.

- Не делай глупости, Дилан. - Я попыталась, пытаюсь скрыться от явно неадекватного бывшего. Но переубедить Дилана и воззвать к его разуму было нереально сложно. - Он убьет тебя.

- Для сбежавшей невесты ты слишком беспокоишься обо мне, - ухмыльнулся он и дернул на себя, сжимая в удушающих объятиях. Полушубок был припорошен снегом, который сейчас растаял, и мокрая влага оказалась удивительно неприятной. Этот промозглый холод был намного отвратительнее, чем ледяные прикосновения Раниона.

- Отпусти меня! - закричала я, пытаюсь вырваться. - Что ты делаешь?

- То, что надо было сделать уже давно, а не ждать идиотской свадьбы. Мне хотелось, чтобы у меня была порядочная, невинная жена. Идеальная девушка. Но ведь ты не такая, Валенси. Ты связалась с этим снеговиком, и от твоей непорочности не осталось и следа. А ведь я тебя даже не попробовал. Ты не считаешь, что это нечестно?

- Не нужно, Дилан!

Я зарыдала, пытаюсь вырваться из сильной хватки, увернуться от наглых поцелуев, но остановить бывшего оказалось не под силу. Он схватил меня за волосы и впился в губы поцелуем. Я брыкалась и даже укусила его за губу, но понимала, что по сравнению с ним слаба, как котенок. И мое сопротивление его только раззадоривает.

Не собираясь сдаваться, я пиналась и брыкалась изо всех сил. Надеялась, что услышат соседи, решит вернуться ледяной... Да что угодно. Но помощь пришла оттуда, откуда я не ждала. Вот только-только меня сжимали стальные тиски объятий, а спустя миг Дилан с воплем отскочил в сторону, хватаясь рукой за голову, в которую прилетела моя чугунная сковорода.

- Ты чего творишь? - завопила показавшаяся на пороге Женевьев.

В отличие от меня, сестра не растратила свою магию на глупые проклятья. Сковорода еще раз со всего размаха опустилась на Дилана. Голову он успел прикрыть, а вот руки - нет. На костяшках его пальцев выступила кровь.

- Стерва, - прошипел мой бывший, отступая к двери. - Вы обе стервы и поплатитесь!

Женевьев даже отвечать не стала. Только щелкнула еще раз пальцами, и сковородка со всего размаха припечатала топающего к лестнице Дилана по мягкому месту. На ногах бывший от неожиданности не устоял, кубарем пролетел целый пролет и продолжил ругаться уже откуда-то снизу.

Женевьев даже слушать не стала, только прикрыла дверь.

- Он вернется.

- Не переживай, поставим защиту и нажалуемся всем. Городской страже (начальник учился со мной в параллельных группах в академии), Раниону, да хоть и мэру. Этот урод не посмеет к тебе приблизиться.

- Откуда... Как ты узнала, что мне понадобится твоя помощь? - спросила я, чувствуя, что руки все еще дрожат от пережитого.

Женевьев промолчала, но потом, опустив глаза, призналась:

- Дэвид...

- Это он выдал, где я нахожусь? - воскликнула я, чувствуя, что сейчас разрыдаюсь. От возмущения перехватило горло.

- Тихо, Вал! Он не хотел ничего плохого! Правда, думал, делает как лучше.

- То есть его не насторожило то, что Дилан увез меня силой?

- Дэвид думал, вы поругались. Обычная ссора влюбленных.

- Я просто не верю! - возмущенно пробормотала я и развернулась в сторону кухни, чтобы не начать орать. Послали же боги родственников. Впрочем, подозреваю, обо мне они думали так же.

Глава 10

Меня трясло. От злости, страха, эмоций и от всей этой дурацкой ситуации. Как же было хорошо, пока я лежала дома и никуда не выходила! Стоило немного лучше почувствовать себя физически, как меня тут же нарузили морально.

- Не злись, пожалуйста, на Дэвида, - несчастно попросила Женевьев, посмотрев на меня взглядом испуганной лани. Этот взгляд сестра отрепетировала на родителях и парнях. Работал без осечек. - Он правда хороший. Любит меня и сделает для семьи все. Иногда даже больше, чем нужно. В этом и кроется подвох. Но он не со зла. Я поговорю с ним, чтобы подобное не повторялось. Он слушает меня всегда и во всем.

- Он любит тебя. А ты его?

Сама не знаю, зачем спросила. Знала прекрасно, что лезу не в свое дело. Но Женевьев, как ни странно, была настроена поговорить и не имела ничего против личных вопросов.

Она прошла в кухню, по-хозяйски поставила на плиту чайник и достала из кармана пачку тонких дамских сигар.

- Можно? - спросила отстраненно, устроившись на высокой табуретке возле окна, за которым безмятежно сыпал снежок. Ледяной не знал, какие страсти кипели у меня, иначе на улице точно поднялась бы вьюга. Подозреваю, Дилан не добрался бы до дома, окоченел в ближайшем сугробе.

- Не знала, что ты куришь, - заметила я, стараясь не выглядеть сильно удивленной. Тут, на севере, к вредным привычкам относились проще, но восемь лет южной жизни наложили отпечаток. Там женщина с сигарой приравнивалась к распутнице.

- Конечно, не знала! - она хмыкнула. - Когда мы общались, ты была ребенком, который, застав меня за подобным, сию секунду пожаловался бы маме. Но мы выросли, а мамы больше нет. Поэтому и скрываться нет смысла.

- Я бы и сейчас пожаловалась. Было бы кому, - невесело усмехнулась я.

Женевьев закурила, не забыв повесить развеивающее заклинание, которое полностью нейтрализовало сигаретный дым.

- Я никогда не любила Дэвида как мужчину, - призналась сестра после глубокой затяжки. - Как друга, как брата - да. Но с ним не было той захватывающей с головой страсти, которая связывала нас с Раном.

- Ты до сих пор любишь его?

- Того юного, немного сумасшедшего и открытого... возможно, да, - усмехнулась она. - А того, в которого превратила его ты, - нет. Ледяной дракон меня немного пугает.

- А если бы заклятие получилось разрушить? - не отставала я. Почему-то было очень важно знать правду.

- Риторический вопрос. Но и тут - нет. Тот Ран, которого я, возможно, люблю до сих пор, живет исключительно в моих воспоминаниях. Я не смогла снять проклятье тогда, когда Рана еще можно было вернуть. А за восемь лет мы очень изменились. Не только он, но и я. Хоть меня никто и не проклинал.

- Значит, его снять нельзя?

- Что ты знаешь о проклятиях, Вал? - вопросом на вопрос ответила Женевьев. - Какова их особенность?

- Они связаны с ведьмой, которая их наслала. Раньше верили: если убить ведьму, заклятие спадет само собой. Но это мнение ошибочно.

- Все так, но заклятие все же связано с ведьмой. И я считаю, что снять неснимаемое проклятье может лишь ведьма, которая его наложила. Не обязательно получится, но шанс есть только у нее.

- То есть мне нужно растопить ледяное сердце? Это нереально.

- Все еще нереальнее, на мой взгляд. Нужно полюбить его так, как ты любила раньше. Открытой светлой любовью. И самое главное, чтобы он полюбил тебя в ответ. Вот тогда, может быть, и есть шанс. А может, и нет. Этого никто не скажет.

- Но он меня ненавидит.

- Знаю. А ты его?

- И я тоже. Иногда.

- Тогда вы еще дальше от снятия проклятия, чем мы в свое время.

- Ран обречен...

- Возможно, в данный момент он обрекает себя сам, культивируя в душе ненависть. Когда-то ты прокляла его, но поддерживается проклятье не твоей, а его ненавистью. Никто не сможет его расколдовать - ни ты, ни любовь, пока он не сделает первый шаг. Сложно растопить сердце, которое не хочет оттаивать.

Чайник вскипел, а Женевьев щелчком пальцев уничтожила остатки тонкой сигары. Чай в чашках пах корицей, апельсином и зимой. Я достала небольшие имбирные пряники с глазурью и поставила их на стол. Слова Женевьев дали пищу для размышления. Как использовать полученную информацию? Почему я раньше не догадалась поговорить с сестрой? Ведь она как никто другой заинтересована в снятии проклятия. Явно долго искала ответы, прежде чем сдалась и пришла к каким-то выводам.

- Вообще-то я пришла пригласить тебя на ужин, - меланхолично заметила сестра, пережевывая пряник.

- Спасибо, но сегодня воздержусь. Думаю, право лупить сковородкой твоего мужа принадлежит исключительно тебе и больше никому. А я не уверена, что смогу удержаться. Он сегодня чрезмерно меня раздражает.

- Ну тогда, может быть, завтра сходишь с нами на ярмарку? Она открывает праздничную неделю. Вообще, раньше праздновали конец сбора урожая, а сейчас... Сейчас это время, когда просто дубак сменяется совсем дубаком.

- Точно ведь, праздник! - вспомнила я. Те две недели, что я провалялась в постели, вылетели из головы, и я жила с небольшим запозданием. - Я подумаю по поводу ярмарки.

- О чем думать? Дэвид не любитель таких сборищ, будем только мы с Китти. А ты всегда любила погулять, накупать глупых безделушек и слопать всю уличную еду. Пойдем!

Я задумалась, но потом кивнула, осознав, что мне действительно хочется.

- Пойдем.

Остаток вечера мы провели с Женевьев, непринужденно болтая за чашкой чая. Я была благодарна сестре за то, что она осталась. За разговором ушел страх, и я успокоилась. Не думала ни о ледяном и его проклятье, ни о своем бывшем женихе.

Женевьев не обманула, и этим же вечером на двери квартиры установили новейшее заклятье. Теперь Дилан меня точно не достанет. По крайней мере, в моем же собственном доме. Чары не позволят ему даже подняться на этаж. А вот гулять в одиночестве по улицам, конечно, не следовало.

Сестра ушла поздно вечером, и я с удовольствием завалилась спать. Как ни странно, психотерапия сработала. Чай оказал свое волшебное действие, а может быть, это сделал дружеский разговор, но я отключилась почти моментально и продрыхла чуть ли не до обеда. Нужно было встать и собираться на ярмарку. До встречи с Женевьев и Китти оставалось чуть больше часа.

Прозрачные стекла без пугающих узоров, снежок за окном. Этим утром я была почти счастлива. Быстро позавтракала, собралась и выскочила на улицу. Успела вовремя. Женевьев и Китти как раз перебежали дорогу мне навстречу.

На какое-то время показалось, что я снова вернулась в детство. Город словно ожил. На улицах собрались толпы народа. Торговцы зазывали в свои лавки и кофейни. Прямо на площадях продавали леденцы, орешки и безделушки.

- Так здорово! - восхитилась я. - Совсем забыла, какие праздники бывают в Сноухельме.

- Можно подумать, у моря их нет! - хмыкнула Женевьев, остановившись возле уличного торговца, чтобы купить Китти леденец.

- Есть, конечно! - ответила я. - Просто другие. Не хуже, не лучше. Я соскучилась по здешним развлечениям. И не бей меня, но и по зиме тоже. Восемь лет не видела снега.

- Еще не нагладелась? - хмыкнула сестра. - Мне кажется, должна бы. Уже до тошноты.

Я только пожала плечами и пошла к центральной площади. В какой-то миг Китти отпустила руку матери и вцепилась в мою. Я даже удивилась, но была рада. Теперь меня тащила племянница. Пришлось передвигаться полностью в ее ритме. Останавливаться и любоваться птичками, присевшими на расчищенную дорожку, на которую кто-то накидал крошек. Изучать ветку дерева, потом бежать быстро-быстро, потому что где-то вдалеке заиграла музыка.

На площадь мы примчались немного запыхавшиеся, но счастливые. И сразу же попали в атмосферу веселья и праздника. Уличные музыканты, смешные пушистые зверюшки, артисты и много-много лавочек с милыми сердцу вещичками. Украшениями из натуральных камней, симпатичными зеркальцами, гребнями и прочим.

Я нырнула во все это великолепие и потерялась там. Смеющаяся Женевьев с Китти отошли к огромной горке, с которой катались дети, а я принялась играть в сороку.

- Валенси! - окрикнули меня, и я, развернувшись, заметила Вара.

- Привет, - осторожно поздоровалась я, помня последний разговор с ледяным. Очень не хотелось провоцировать мой личный кошмар.

- Я так рад тебя видеть! Давай составлю тебе компанию? - жизнерадостно предложил парень.

- Нет, спасибо! - отозвалась я. - Я тут с сестрой и племянницей. Прости, но надо бежать.

- Валенси, что произошло? - спросил он и ухватил меня за локоть. - Я чем-то обидел тебя? Почему ты убегаешь?

- Нет. Ничем не обидел. Просто мне нужно идти.

Покачав головой, попыталась освободить руку, но Вар хотел поговорить. Я же планировала убраться от него подальше. В конце концов, он был просто милым. Не велико преступление. Я не хотела, чтобы парень из-за этого пострадал. Да и сама страдать не собиралась. В моей жизни и так слишком много мужчин. Я бы убавила их количество на три. А если считать Дэвида, то и на четыре.

- Ну же, давай, сегодня праздник! - настаивал Вар, подавляя своей настойчивостью. - Просто поговори со мной. Неужели я тебе ни капельки не нравлюсь?

Веселый озорной напор слегка самоуверенного парня сбивал с толку. Признаться, я просто растерялась. Пользуясь этим, он попытался увлечь меня к ближайшему входу в очередную кофейню. Запах свежей выпечки будоражил обоняние даже здесь, на улице. Вырывать локоть было как-то неловко, и пока я соображала, что делать в этой ситуации, стало поздно. Ледяной следил за мной и начал действовать сам. По моему рукаву поползла ледяная корка. Вар остановился и испуганно отдернул руку, когда иней переполз на его ладонь и стал подниматься по запястью.

- Что за... - Парень сглотнул, испуганно уставившись на свою стремительно замерзающую руку.

А я лихорадочно закрутилась на месте, пытаюсь найти в толпе ледяного. Но он скрывался поземкой на земле, шевелил ветром волосы и снежинками впивался в щеки, оставаясь незаметным для меня и окружающих людей. Однако то, что он делал с Варом, переходило все разумные границы, поэтому я вышла из себя.

- Где ты?! - со злостью спросила я в снежную пустоту, прекрасно понимая, что виновник всех моих бед скрывается где-то неподалеку.

- Кто? - не понял Вар, безуспешно пытаюсь отогреть руку.

- Появись! Кому я сказала! И отпусти его! Он ничего не сделал!

На нас начали оборачиваться люди, Вар выглядел потерянным и стремительно бледнел, а ледяная корка покрыла коснувшуюся меня руку почти до локтя. Я не обращала внимания на любопытных, меня сейчас волновало не это.

- Быстро перестань! - заорала я что есть мочи, и порыв ветра со снегом стряхнул с ближайшего прилавка каменные украшения, засыпал снежинками румяные пирожки уличного торговца и, скрутившись передо мной в тугой вихрь, уплотнился, превращаясь в очень недовольного Раниона.

От нас шархнулись. Вар в числе первых, прижимая к себе руку. В городе хорошо знали про Раниона, но чаще всего он никому не показывался на глаза, и сейчас явление снежно-прекрасного ледяного в одной только легкой рубашке и штанах напугало народ.

Резко похолодало.

- Отпусти его!

- Ты слишком часто просишь меня, Валенси, - холодно отозвался он. - Не выполняешь условия и снова обращаешься ко мне с просьбой. Я же говорил тебе...

- Отпусти! - взмолилась я. - Ты же отморозишь ему руку!

- Тогда, может быть, он поймет, что не стоит ею трогать тебя.

Ранион даже не смотрел на толпу, а она проявляла удивительное любопытство. Я поежилась под настороженными взглядами. Это заставило ледяного сначала оглядеться по сторонам, а потом шепнуть одно короткое слово. И нас скрыло от любопытных глаз метелью, которая пронеслась по площади, оставляя тихим и спокойным лишь место, где мы разговаривали.

- Ненавижу тебя! - тихо и уверенно произнесла я. - Ненавижу так сильно, что начинаю считать, что то проклятье... оно было справедливым. Ты тот, кем и должен быть! - словно выплюнула я, развернулась и помчалась сквозь метель к выходу с площади. Мне было все равно, что ветер почти сбивает с ног, а снежинки больно жалют лицо. Пусть злится, мне все надоело!

Температура воздуха упала градусов на десять, а позади меня в воздух взмыл ледяной дракон, забирая с собой буран.

Только когда пространство очистилось, я увидела, что натворила на площади снежная буря. Поломанные палатки, раскиданный товар, испуганные люди, припорошенные снегом артисты и жуткий холод, который с каждой минутой становился все сильнее. А еще жители города смотрели на меня.

Всхлипнув, я позорно сбежала. Когда оказалась на почтительном расстоянии, выдохнула. Толпа осталась вдалеке и потеряла ко мне интерес. В этот момент спину царапнул чей-то взгляд. Я обернулась. Дилан. Но, к моему великому счастью, бывший только прищурился, смотря на меня. Преследовать не стал. Наверное, нужно было отыскать Женевьев и Китти, проверить, как они, но я больше не могла оставаться здесь ни на минуту.

За мной никто не последовал. Ни ошеломленные жители, ни ледяной, ни Дилан, ни Женевьев. Я примчалась домой, активировала охранное заклинание и прорыдала до вечера. А в районе ужина все же заглянула Женевьев, которая принесла в сохраняющем тепло глиняном горшочке картошку с мясом и грибами.

- Сочувствую тебе, Вал... - вздохнула сестра, протягивая бумажный пакет с едой. Я взяла машинально, потому что была не голодна, а Женевьев разулась и прошла на кухню, которая как нельзя лучше подходила для душевных бесед. С сестрой мы почему-то общались именно там.

Я не хотела никого видеть, общаться и обсуждать поведение ледяного. Но выгонять человека, который не дает мне умереть от голода, потому что постоянно приносит что-то вкусненькое, тоже не могла. Стало стыдно, так как даже к чаю у меня ничего не нашлось. Из еды дома оказалась лишь морковь и корм для Пэрсика. Последний раз мой холодильник забивала Жен. Я все съела и хотела зайти в магазин после ярмарки, но стало не до этого.

- Ты знаешь, - начала сестра, достав из ящика вилку и вложив ее в мою руку, - если раньше я иногда злилась на тебя, желала разного, к примеру, оказаться в моей ситуации, то сейчас... - она запнулась. - Вал, как бы ни был ужасен поступок, который ты совершила в детстве, ты не заслуживаешь того, что происходит с тобой сейчас. Нельзя за одно прегрешение мучить всю оставшуюся жизнь.

- Но он будет.

- Ранион не плохой. - Женевьев печально вздохнула. - Еще бы он об этом вспомнил.

- Я наговорила ему гадостей, - печально призналась я. - Думаю, это не добавило ему позитива и доброты. Со мной он не хочет быть хорошим. И, думаю, не будет.

- Свою порцию гадостей он заслужил.

- А город? Неужели город заслужил очередную волну его гнева? - хмыкнула я. - Смотри, что творится?

На улице не было ветра, метели или бури, стояла лишь неподвижная морозная тишина. Несмотря на тепловую магию и растопленный камин, теплее не становилось. А люди передвигались исключительно бегом. Мороз оседал туманной дымкой на крышах и дорогах, из-за колючей снежной взвеси тяжело было дышать.

- Город... город переживет. Восемь лет назад такое случалось постоянно, это потом Ран немного успокоился. Зато в его обидах есть и небольшой плюс.

- Какой?

Женевьев пожала плечами.

- Когда Ранион обижается, он тебя игнорирует. Так было раньше. После того, как ты его прокляла, ничего не изменилось. Так что наслаждайся свободой. Только вот, увы, из дома не выйдешь.

- А я и не стремлюсь. Все мои попытки выйти из дома заканчиваются плачевно.

Я лукавила. Все же планировала выйти завтра, выбраться на улицу из своего уютного убежища. Но почему-то не захотела говорить об этом Женевьев. Наверное, потому, что чувствовала: сестра будет меня отговаривать. Скажет, что сто раз делала это, пробовала, искала материалы, но все равно не смогла найти ответ. Но то она, а это я. Нужно наведаться в городской архив и покопаться в местных легендах. Вдруг получится найти если не ответ, то хотя бы намек на то, как снять проклятье. Пусть у других ничего из этих попыток и не вышло.

Женевьев убежала, только убедившись, что я съела всю приготовленную еду. А я осталась одна. Лишь мурчащий Пэрсик скрашивал одиночество. Я никогда не стремилась в толпу. Мне хорошо было в компании с самой собой. Но сегодня стало страшно. Ведь именно такую жизнь мне приготовил ледяной. Это сейчас, когда мне едва исполнилось двадцать, тихие вечера в одиночестве кажутся чем-то экзотичным, поэтому радуют. Но если провести так пять, десять, пятнадцать лет? Когда неизменен каждый день и в жизни меняются только коты. Это страшно. Без возможности встретить свою любовь, завести детей. Без возможности нормально работать, так как работа - это встречи с людьми, с другими мужчинами, а каждый неверный шаг может повлечь его гнев. Как быстро Ран наиграется мной? И что сделает потом? Отпустит или убьет? Женевьев он позволил завести семью, но даже сестру не выпустил из города, хотя она и не виновата в его беде. Что же ждет меня?

Не уверена, что хочу знать ответ на этот вопрос.

Глава 11

Правда, на следующий день я так и не смогла выбраться на улицу. Просто не рискнула. За ночь температура упала до критических отметок, стало так холодно, что окна покрылись белым снежным налетом. Отопление не справлялось, вода не текла из крана, так как водопровод замерз, и город погрузился в снежное пугающее безмолвие.

Единственное, что я смогла сделать, – это одеться потеплее и спуститься в булочную, что находилась на первом этаже дома. Ужин, который накануне принесла Женевьев, уже переварился, а морковь все еще не вызывала слюноотделения. Пришлось выйти за булками. От подъезда до входа в лавку было всего несколько метров, но я думала, что меня убьет мороз.

- Берите больше, – посоветовала девушка, которая куталась в необъятную шубу.

- Да мне хватит, – растерянно отозвалась я. В корзинке для покупок лежали несколько пирогов, рогастики и парочка сдобных булочек.

- Вы, наверное, у нас недавно. На улице такой холод! Неизвестно, когда отогреют водопровод, непонятно, какая погода будет завтра. Такие морозы могут парализовать жизнь даже на неделю, тогда не будет свежей сдобы. Да мы и не откроемся. Я еле добежала, так мне тут и идти всего ничего.

Об этом я и правда не подумала. Поэтому послушалась продавщицу и взяла почти недельный запас выпечки. Конечно, жить на булках я не любила, но не представляла, как можно выбраться в такую погоду хоть куда-то. И ароматно пахнущие булки – однозначно лучше, чем морковь.

Через три дня погода не улучшилась, хотя люди начали постепенно адаптироваться к новым условиям. Через сутки мощнейшими заклятиями отогрели трубы, и в домах снова появилась горячая вода. Через два дня я сходила на другую сторону улицы, потому что закончился корм для Пэрсика, заодно заглянула на обед к Женевьев и пообщалась с Китти, а через три дня поняла: от булок меня мутит, нужно идти за нормальной едой. А заодно в архив. От четырех стен я медленно начала сходить с ума.

По улице, так же, как и я, перебежками, сновали люди. Они жили. Ходили на работу, за покупками. Пытались не замерзнуть в этом проклятом месте. То тут, то там я слышала ругань. Не в сторону ледяного, а в сторону того, что его разозлило.

Люди в Сноухельме до сих пор были до ужаса суеверны. Они не проклинали высшие силы и стихию, они искали способ ее задобрить. И в их рассуждениях имелась доля правды. А мне они были неприятны лишь потому, что я знала, кто является причиной гнева ледяного. Немного пугало то, что наша стычка на площади не осталась незамеченной. Люди знали, что ледяного дракона разозлила строптивая девица. К счастью, все девицы, и строптивые, и не очень, в шубах выглядят примерно одинаково. Поэтому на улице я оставалась неузнанной.

В архиве я просидела весь день. Тут было тепло и тихо. Замечательная альтернатива дому, который порядком утомил. Только вот никаких новых сведений я так и не откопала. Оригинал легенды не сильно отличался от любимой мною сказки. Ведьма прокляла прекрасного юношу за то, что тот разбил сердце ее дочери. Юноша был обречен на существование в образе ледяного дракона, повелевающего морозом, до тех пор, пока его сердце не растопит настоящая любовь. В легенде дракон эту любовь нашел, а вот в жизни... В жизни он злился и морозил город, заставляя людей звереть все сильнее.

Через неделю аномальных морозов мэр собрал городской совет. Я снова была в архиве и не думала ни о чем плохом, но на выходе меня уже ждали. Стражники, сам мэр, нехорошо улыбающийся Дилан и несколько горожан, которых я никогда не видела.

- Мисс Валенси Стоун? – спросил один из стражников. Вопрос он задавал осторожно, даже с ноткой почтения, которая, однако, не смогла меня обмануть.

- Да... – неуверенно кивнула я. – В чем дело? Что-то случилось?

На секунду грудь сжал страх. Вдруг что-то произошло с Женевьев или Китти?

- Вам нужно отправиться вместе с нами, – последовал короткий равнодушный ответ.

Я растерялась.

- Но... Зачем? Я же ничего не сделала.

- Просто проследуйте за нами, мы все объясним.

Меня взяли под конвой, как самую жестокую преступницу современности. Два стражника за спиной, двое по бокам и двое впереди. Только Дилан умудрился пролезть поближе и шепнуть на ухо, прежде чем его оттеснили, как и остальных любопытствующих:

- Я же говорил, что со мной лучше не связываться. Я очень злопамятен. Зря ты сбежала от меня, Валенси!

Значит, мой арест - его рук дело? Тогда ничего хорошего меня не ждет. Но что вообще происходит? Такой информацией делиться никто не спешил. Меня сопроводили в серое мрачное здание, где располагалось управление, провели длинными коридорами и оставили одну в камере.

- Подобрали для вас лучшую, мисс, - словно смущаясь, отозвался один из стражников.

- Не понимаю, что вообще происходит. Кто-нибудь объяснит, что тут творится и в чем меня обвиняют?

- Да что вы! - отмахнулся стражник и смутился так явно, что стало не по себе. - Ни в чем вас не обвиняют. Вы посмотрите на камеру! Она чистенькая, даже цветочки на окне есть! И постельное белье. Тех, кого мы обвиняем, в таких не содержим. А эта, можно сказать, для дорогих гостей.

- Дорогих гостей не держат в камерах с решетками на окнах и дверях, - тихо ответила я, пытаюсь не разреветься.

- Разное в жизни происходит, разное, - вздохнул стражник и вышел, закрыв дверь на замок.

А я осталась одна. Испуганная и растерянная. Да что вообще творится в этом городе!

Я пробыла в камере до вечера. Наблюдала за тем, как медленно темнеет за зарешеченным окошком небо, и пыталась найти объяснение происходящему. Сначала хотела кричать и лупить в дверь, но это было глупо и нелогично. К тому же, я подозревала, не даст никакого результата. Вряд ли стражников удивит истериками заключенных. Тут, наверное, каждый второй орал и требовал выпустить. Поэтому я сидела и ждала. Неужели никто не обеспокоится моим отсутствием? Не попытается выяснить, что со мной произошло?

«Нет», - шепнул внутренний голос.

Единственный человек, которому не все равно, это Женеьев. Но и она не следит за мной круглосуточно. Мы виделись вчера. Быть может, сестра решит заглянуть завтра. Не раньше. А ледяной обижается. Наверное, он никогда не придет мне на помощь. Да и спасти меня не от чего. Сажу себе в камеру, делаю вид, что верю, будто я дорогая гостья, а сама боюсь до состояния нервного мандража. И самое главное, в голове ни одной мысли по поводу того, что меня ждет. Зачем меня сюда посадили? Почему не предъявили никаких обвинений, если считают, что я в чем-то виновата?

Когда за окном стало совсем темно, захотелось есть. Я сегодня только завтракала, пусть весьма плотно. И сейчас проголодалась. Даже желудок свело.

Когда терпение было уже на пределе, за мной пришли. Снова стражник. На сей раз - другой. Но такой же потерянный. Будто их заставляли делать какую-то совершенно непривычную для них работу.

- Пойдемте, - сухо скомандовал он и открыл дверь.

- Куда? - осторожно поинтересовалась я, не спеша двигаться на выход. Только просидев неподвижно несколько часов, я поняла - мышцы буквально одеревенели. Ноги не желали слушаться. Впрочем, возможно, в этом был виноват страх.

- Вас покормят. Ужин с мэром. Не все устаиваются такой чести.

- Зачем мэр хочет меня видеть?

- Вам все объяснят.

И снова это «Вам все объяснят!». Как же меня достало! Когда же я и правда услышу те самые объяснения? Ужин, как я поняла, должен был проходить не в управлении. Мне принесли верхнюю одежду и снова под конвоем вывели из здания. Усадили в экипаж и куда-то повезли. Так же в окружении нескольких охранников. Непонятно, то ли меня охраняли от кого-то, то ли город от меня, то ли боялись, что я сбегу.

Сначала мы заехали в модный торговый дом, который всегда славился лучшими свадебными нарядами.

- Не понимаю, зачем это? - встревожилась я, когда меня провели в зал и расторопные продавщицы начали приносить платье за платьем. - Я не собираюсь ни за кого выходить замуж!

Некстати вспомнился Дилан. Но чтобы принудить меня выйти за него замуж, не нужно подключать стражников. Без стражников я бы, конечно, не согласилась. Но и они не стали бы помогать. По крайней мере, я не могла представить ситуацию, в которой меня под конвоем ведут к венцу с Диланом. Даже в своем южном городе он не обладал такой властью. А в Сноухельме вообще был никем.

- Не переживайте, мисс, - отозвался охранник. - Вас ждет не свадьба.

- А тогда что меня ждет? - Не могу сказать, что объяснение успокоило. Скорее, еще больше все запутало. - Объясните же нормально.

- Сейчас вас ждет примерка, потом макияж и прическа, а потом - ужин с мэром.

- В свадебном платье?

- Согласитесь, они бесподобны, - с восторгом вздохнула продавщица, которая прикатила на специальном манекене невероятной красоты свадебное платье. Не воздушное и легкое, как это принято на юге, но не менее прекрасное. Тяжелый белоснежный материал, по которому, словно морозные узоры, вилось серебряное шитье. Мельчайшие камушки поблескивали на узком корсете, словно ледяные кристаллики. Длинные рукава, подол с тяжелыми складками и магия, призванная удерживать тепло. Платье было великолепно. Наверное, если бы я захотела выйти замуж в Сноухельме, непременно выбрала бы такое. Проблема заключалась в том, что замуж я не собиралась ни тут, ни еще где бы то ни было. Ввиду отсутствия кандидата.

Меня захихнули в платье, затянули потуже корсет и принесли невесомую белоснежную шубку и тонкие перчатки.

- Идеально, - восхищенно пробормотала продавщица, отступив на шаг и окинув меня восторженным взглядом.

- А мое мнение никто не хочет узнать? - огрызнулась я, с каждым мигмом ощущая себя все более напуганной и растерянной.

- Зеркало скажет само за себя. Но чуть позже, когда будут готовы макияж и прическа.

- Зачем все это? - еще раз спросила я, чувствуя, что сейчас меня накроет самая настоящая истерика. - Объясните!

- Немного терпения, мисс. Осталось совсем чуть-чуть.

И снова, не сказав ни слова, меня проводили в другой зал. Опять люди, суета. Одна девушка занялась моей прической, другая - макияжем, а потом меня подвели к зеркалу, и я обомлела. Сейчас я походила на ледяного. Такая же красивая, недоступная и словно созданная самой снежной стихией. Только волосы были рыжими. Но их побрызгали чем-то напоминающим осевший на локоны иней. Белоснежная кожа, бледные губы, серебристый блеск на щеках и невероятно красивое, сидящее как влитое платье. Я словно олицетворяла собой женское воплощение ледяной стихии.

- А вот теперь можно и на ужин к мэру, - хрипло пробормотал охранник, предлагая мне локоть. Видимо, мой образ произвел впечатление и на него.

Интуиция вопила о том, что меня ничего хорошего не ждет. Надо бежать. Но куда бежать в насквозь замороженном маленьком городке, где все знают друг друга? Мою одежду забрали, а эта, несмотря на магию, была намного холоднее. Шубка короткая, без капюшона... Я окоченела, пока дошла от ворот торгового дома до кареты. Не стоит даже мечтать о том, чтобы улизнуть и добраться до дома или до Женевьев. Если меня не схватят по дороге, то я окоченею в ближайшем сугробе.

- Вы готовы, Валенси? Мэр уже ждет вас, - поинтересовался охранник.

- Знать бы еще - к чему, - поежившись, мрачно заметила я. От холода и страха начала бить дрожь.

- Пока - к ужину.

- А потом?

- А потом вам все расскажут.

- Я уже слышала это. И не раз.

- Понимаю ваше любопытство. Поверьте, скоро оно будет удовлетворено.

Ресторан «Кристалльный дворец» на самом деле напоминал дворец и был кристалльным. Его стены украшали отражающие пластины, сейчас покрытые инеем, поэтому здание казалось ледяным.

Самое пафосное и дорогое здание города. Понятно, что мэр мог пригласить меня только сюда. Открытым оставался лишь вопрос «Зачем?». К чему весь этот маскарад? Мне не нравилась охрана и торжественность. Ничего хорошего меня не ждало.

Под конвоем меня сопроводили по широкой мраморной лестнице и помогли снять шубу на входе в просторный и совершенно пустой обеденный зал.

Мэр ждал за единственным накрытым столиком, к которому меня пригласил официант. Стражники двинулись следом. Двое остались у дверей, еще двое подошли к ближайшему окну (боялись, что я туда сигану?), а оставшиеся подвинули мне стул и остались стоять за спиной.

- Меня зовут мистер Вайс Пэрриот, - представился мэр. - Рад с тобой познакомиться.

Я очень хотела быть вежливой девочкой, такой, как меня учили родители, но не смогла. Потому что сильно боялась.

- Не могу сказать то же самое, - сдержанно отозвалась я вместо ответной любезности. - Потому что представления не имею, зачем я здесь. И, признаться, меня снедает любопытство.

- Попробуйте утку с яблоками. Она тут удивительно нежная, - как ни в чем не бывало отозвался мэр и сделал знак официанту, чтобы тот разлил вино по бокалам.

- Я не пью.

- Ну я же вам не самогон предлагаю, - отечески усмехнулся мэр, и усы встопорчились, сделав его похожим на моржа. - Хотя помню, мой покойный тесть делал отменнейший напиток. Крепкий. По венам тепло расходилось лучше, чем от любой согревающей магии. Незаменимая в наших краях вещь. Оценили наши морозы?

- Я родилась и до двенадцати лет жила здесь.

- Ну, до ваших двенадцати лет тут не было таких морозов. Как раз тогда, мне думается, в наших горах и поселился ледяной дракон. Говорят, раньше он был обычным магом-стихийником. А вот жизнь как к нему повернулась... - Мэр сокрушенно покачал головой. - Врагу не пожелаешь. И парня жалко, и город.

- Да, жалко, - послушно повторила я и все же сделала глоток вина. Мне совершенно не нравилось, в какую сторону поворачивает разговор.

- А вы, Валенси, слышали легенду о ледяном драконе? Это ведь не первое появление такого существа в наших краях, - поинтересовался мэр, с удовольствием поглощая утку, к которой я пока даже не притронулась. Аппетит пропал.

- Да, конечно, - осторожно отозвалась я.

- Да вы кушайте, кушайте, Валенси. А то я чувствую себя неловко. Но после рабочего дня аппетит невероятный.

Я отрезала себе нежнейшее мясо и захлебнулась слюной. Оно действительно было невероятно вкусным, голод напомнил о себе. Какое-то время мы ели молча, а когда моя тарелка опустела, мэр посмотрел на меня долгим и внимательным взглядом и сказал:

- Вы ведь помните, что раньше дракону всегда приносили жертву - невинную девушку?

- Это было давно, и, согласно легенде, дракону не требовались жертвы, - отозвалась я, стараясь не показывать страх.

- Но именно одна из жертв растопила его ледяное сердце, и погода в долине нормализовалась. А вас с ледяным явно что-то связывает.

- Что вы задумали? - потрясенно пробормотала я, понимая, что даже удивиться как следует не могу. Подсознательно ждала чего-то подобного.

- Мне кажется, справедливо, если вы достанетесь ему.

- Вы хотите принести меня в жертву? - поперхнулась я. - Как в какие-то древние времена?

- Ну, тогда же это сработало? - пожал плечами мэр, промокнул губы салфеткой и поднялся.

Я попыталась что-то сказать, подняться следом за ним, но вместо этого почувствовала, что сползаю по стулу. Да чем, демоны их задери, меня опоили?

Вечер перестал быть томным, когда Женевьев собралась дойти до Валенси. Она подозревала, что младшая сестра снова голодает. То ли ее организм не требовал пищи, то ли готовить мелкая была не обучена... Женевьев же готовила с удовольствием, и ей было совершенно несложно поставить в духовку дополнительный горшочек с мясом.

- Думаю, идти туда не имеет смысла, - осторожно сообщил Дэвид, прислонившись плечом к косяку.

- И с чего бы это?

Дальнейший рассказ заставил шевелиться волосы на голове и дрожать - руки. Женевьев просто не могла поверить, что эта информация - не дурацкий розыгрыш. Ей казалось, она попала в какую-то дикую средневековую историю. Как та, которую в детстве любила перечитывать Валенси.

- Что ты сказал? - потрясенно пробормотала Женевьев, уставившись на мужа. На ее лице читалось изумление. - Какое, к демонам, жертвоприношение!

- Жен, ну ты понимаешь, так будет лучше для всех.

- Для кого - для «всех»? - угрожающе прошипела она, сделав шаг вперед. - Уж кто-кто, а ты не должен был участвовать в этих идиотских бреднях! Ты понимаешь, что вы натворили? Мою сестру хотят убить!

- Не убить, а принести в жертву ледяному дракону.

- Я и говорю, мою сестру хотят убить! А я узнаю об этом только сейчас! Мой муж у меня за спиной проворачивал эту аферу, а я оказалась даже не в курсе!

- Идея пришла в голову не мне, и формально я ни в чем не принимал участия, - тут же откестился Дэвид. - Все организовал Дилан. Он нашел легенду, а я только свел его с мэром. Если бы не помог я, помог бы кто-то другой.

- Дэвид! Ты сделал все, чтобы мою сестру принесли в жертву. Я ненавижу тебя.

- Жен, успокойся. А что, если легенды не врут? Что, если это жертвоприношение - искупление для них обоих и именно оно все расставит на свои места?

- А что же ты несколько лет назад не предложил сделать это со мной? - взорвалась Женевьев. - Ладно, этот мерзкий женишок Валенси, он хочет отомстить и ей, и мне. А почему в этом участвовал ты?! Вот этого я никогда не пойму.

- Говорю же, я не участвовал. Да и Дилан не такой уж и плохой.

- Не такой плохой? Он хотел изнасиловать Вал! Повезло, что я находилась рядом. Но он был зол и обещал отомстить и ей, и мне. А ты ему помог.

- Я помог не ему, - уперся Дэвид. - Я защищал свою семью, тебя и Китти. Если Раниону нужна Валенси, пусть забирает ее и оставит город в покое.

- Если бы Ранион хотел забрать Валенси, он бы ее забрал и без этого дурацкого жертвоприношения. Почему ты не хочешь это понять!

Женевьев бросилась к выходу, на ходу сорвав с вешалки шубу.

- Ты куда?! - кинулся ей наперерез Дэвид. - Неужели думаешь, что сможешь это остановить?

- Я? - Она развернулась и с вызовом посмотрела на мужа. - Не я, Дэвид, и ты прекрасно это знаешь.

- Опять бежишь к нему.

- Потому что он единственный, кто сможет спасти мою сестру.

- А ты не думаешь, что ему понравится такой исход? Или всерьез считаешь, будто он не в курсе происходящего? Он же контролирует все, что происходит в городе. Но сейчас... даже мороз немного спал. Ему нравится то, что мы делаем. Иначе он бы вмешался. Твоя сестра сама должна заплатить за свои ошибки. Мы за них расплачиваемся восемь лет.

- А ты не думал, Дэвид, что я вышла за тебя только благодаря этой ошибке? Вот лично ты точно не

пострадал от действий Вал! - выплюнула Женевьев и выскочила на улицу.

Уже почти стемнело. В полночь Валенси прикуют к столбу на вершине горы, недалеко от замка. Осталось не так много времени, чтобы остановить безумие.

Глава 12

Злость отступала медленно. На смену ей приходило опустошение. Задний двор замка покрыли скульптуры – изящные ледянки, которых я не собирался оживлять, сказочные деревья, невероятные цветы, ледяные решетки с шипами. Каждый день я создавал что-то новое и почти дошел до того состояния, когда начну уничтожать собственные творения просто потому, что очередные фантазии девать некуда.

Вчера в порыве гнева я разрушил похожую на Валенси ледянку, так как она была лишь ее жалким подобием. А следом развеял и других ледянок, что скрашивали мой унылый досуг. Потом немного пожалел, так как прислуживать в замке снова стали бесформенные духи зимы, которые совершенно не улаждали взор.

В ушах до сих пор звенели обидные слова Валенси. Пусть они и выкрикнуты в порыве злости, но в них была правда. Обидная, жгучая правда. С которой я безуспешно пытался смириться уже несколько дней. Даже аномальные морозы впервые за последние годы не были моей мезьей городу. Они являлись олицетворением моей боли и моего душевного состояния. Даже если бы я захотел, то не смог бы избавиться от них долину.

Приходу Женевьев я даже не удивился.

- Что тебе надо? Тебе не кажется, что ты сюда зачастила? Дэвид будет ревновать.

- Это его проблемы, – отмахнулась Жен. – Ты вообще в курсе, что происходит?

- Если ты про нелепое и пафосное жертвоприношение, то сложно не заметить все эти торжественные приготовления. Уже давным-давно вокруг моего замка не моталось столько людей. Знаешь, как сильно они меня раздражают?

- И ты не собираешься ничего предпринять?

- Люди в своем азарте слепы. Что я могу предпринять? Прийти и сказать «Мне эта жертва не нужна. Заберите ее к снежным демонам»?

- Именно так.

Жен воинственно выставила подбородок.

- Не думаю, что они послушают. Все уже решено. Столб вкопан, программа объявлена. Мэр не откажется от этого развлекательного мероприятия.

- К демонам! Пригрози, что заморозишь все, если они не остановятся. Ран, ты же можешь?

- Жен, вопрос не в том, что я могу, а в том, чего хочу, – устало отозвался я, раздражаясь уже оттого, что приходится поддерживать этот нелепый разговор. Я давно все для себя решил. Зачем она пришла ковырять мне мозг? Мы не были вместе восемь лет, а некоторые вещи так и остались неизменными.

- Ты хочешь убить мою сестру? – дрожащим голосом спросила Женевьев. Она действительно этого боялась, поэтому следовало ответить максимально честно. Просто в память о нашей былой любви.

- Не знаю. Я хотел ее убить. Жил этой мыслью. Но потом... потом все изменилось. Я просто не сумел. Так, может быть, другие справятся с этим лучше, чем я?

- Ты с ума сошел! Ран, ты должен спасти Вал.

- Чтобы потом продолжить мучить и себя, и ее? Ты уверена, что этот исход и правда лучше?

- Пожалуйста! – заплакала Женевьев.

- Слезы на морозе опасны, – отозвался я. – Возвращайся к мужу.

- Ты позволишь ей умереть? Ран я ведь не остановлюсь! Я пойду к мэру или этому ее идиоту-жениху!

- Ты не успеешь, Женевьев. Они уже в пути.

Она не хотела уходить. Но я умел быть холодно-отстраненным. А Жен пора уже привыкнуть, что исполняется не каждый ее каприз. И действительно нет смысла отговаривать людей от желания совершить глупость.

Поэтому я просто наблюдал за процессией издали и вычислял тех, кому в голову пришла эта

светлая идея. Хотя что вычислять? Конечно же, зачинщиком был Дилан. Ошибка природы, которая выжила только потому, что две рыжие сестрички привыкли, что их желание – закон. Что удивительно, в происходящем оказался замешан и Дэвид. И если с Диланом все было ясно: и его мотивы, и его дальнейшая судьба, – то вот за Дэвидом, пожалуй, нужно понаблюдать повнимательнее.

А жертва... что же, это в какой-то степени даже забавно. Мне еще никогда и никого не приносили в жертву. Почему бы не принять этот щедрый дар? В огромном замке слишком пустынно и холодно. Интересно, Валенси тут понравится? Вряд ли. Кому понравится жить среди льда?

Впрочем, а кого волнует ее мнение?

Неужели все это происходит со мной? Просто не укладывалось в голове. Как моя жизнь превратилась в лютый кошмар? Я пришла в себя в карете, но сознание до сих пор путалось. Я помнила разговор с мэром, была в курсе того, что планируется жертвоприношение, но до сих пор ощущала себя так, словно все происходило не со мной, а с кем-то другим. Реальность напоминала бредовый кошмар, из которого не вырваться.

Открыв глаза, попыталась сесть. Это получилось, но с трудом. Чувствовала себя, словно беспомощный и сонный котенок. Тело почти не слушалось, а в голове был туман.

Я почти не удивилась, увидев в карете Дилана. Последний человек, которого я хотела бы видеть перед смертью.

– Как ты себя чувствуешь, Валенси? – спросил он. – Не ожидала меня увидеть так скоро?

– Что ты тут делаешь? – пробормотала я с великим трудом. Язык практически не слушался и плохо помещался во рту.

– Сопровождаю тебя. И заодно слежу, чтобы ты не наделала глупостей.

– А никого другого не нашлось?

У тумана в голове был один большой неоспоримый плюс: он мешал мне бояться, и только благодаря ему я не впала в истерику. Ранион так и не появился. Я почти на сто процентов была уверена, что он проигнорирует меня и не станет спасать. Так проще. Я – болезненная зависимость ледяного дракона, а с зависимостью проще бороться чужими руками. Меня убьют, и он, возможно, успокоится.

– Я вызвался добровольцем, – произнес Дилан с явным удовольствием. – Помнишь, я говорил, что если ты не достанешься мне, то не достанешься никому? Я всегда держу свои обещания. Зря ты сбежала.

– Нет, не зря. Ты вел себя как скотина. И продолжаешь так себя вести. Я очень рада, что увидела твою суть до свадьбы и успела сделать правильный выбор.

– Будь ты умнее, осталась бы жива.

– Если ты еще не заметил, я и так до сих пор жива.

– Но ты же понимаешь, что это всего лишь пока? Или надеешься, что тебя спасет твой снеговик? Нет, Валенси, он не спасет. Ледяное сердце не способно любить.

– Зато оно способно ненавидеть, – прошипела я. – И если бы Ран хотел ненавидеть меня мертвой, убил бы сам! Он не простит это жертвоприношение.

– Он ведь в курсе всего, что происходит в долине. Если бы хотел – вмешался бы. Но его нет, а значит, твоя смерть – это то, чего ждут все. Сейчас тебя выведут из кареты, привяжут к столбу, а потом уйдут. Ты просто замерзнешь, и довольно быстро. Он прекрасно это знает. Хотел бы спасти – просто не допустил бы этого. Думаю, ему нравится то, что тебя уничтожат, а самому не придется марать руки.

– Думаю, это нравится тебе, – отозвалась я. Говорить с бывшим не хотелось. И зачем его посадили вместе со мной? Неужели больше желающих не нашлось?

К счастью, Дилан, видимо, сказал мне все, что хотел, поэтому замолчал. А я отвернулась к окну, за которым шел легкий снежок. Снежинки выделялись на черном небе. Ни завывающей бури, ни ветра. Видимо, Ранион и правда доволен происходящим, раз аномальные морозы отступили, освободив место самой обычной зиме.

Мы ехали довольно долго, и это особенно раздражало. Не то чтобы я торопилась на тот свет, вовсе нет. Но общество Дилана тяготило, а я до сих пор чувствовала себя странно. Словно сознание

находилось отдельно от тела, которое было вялым и послушным, как у куклы. Зелье, которым меня опоили, не лишало воли, но делало меня практически безучастной к происходящему. Даже Дилан просто раздражал. Не хотелось рыдать, биться в истерике или пытаться убить своего бывшего, хотя в данной ситуации все это было бы уместно.

Я даже руку Дилана приняла, когда он помог мне выйти из кареты. Послушно отдала стражнику и почти негреющую белую шубку, тут же сжавшись от пронизывающего холода. Он немного отрезвил, но не настолько, чтобы попытаться избежать уготовленной участи. Да и что я могла противопоставить нескольким вооруженным мужчинам? Слезы? Сильно сомневаюсь, что они разжалобят охранников.

Меня сопровождали несколько стражей и Дилан. Никаких торжественных проводов. Сдается мне, Дилан приплатил за это узаконенное убийство. Стражники держались настороженно. И явно не были в восторге от происходящего.

- Может, хоть шубу ей оставим? - спросил один, с жалостью посмотрев на то, как я обхватываю себя руками.

- И что изменится? - хмыкнул Дилан. - Она проживет на полчаса дольше. Ты искренне считаешь это снисхождением?

Стражник зло взглянул на него и все же накинул мне на плечи белоснежный мех.

- Спасибо, - пробормотала я.

- Не боишься возмездия ледяного дракона? - спросил мой бывший.

- Это тебе стоит бояться.

- Мне он скажет спасибо.

- Очень сильно сомневаюсь.

К самому столбу Дилан с нами не пошел, лишь издевательски помахал издалека. А я не могла понять: неужели он действительно верит в то, что останется безнаказанным? Или Раниону и правда на меня наплевать? Я же прокляла его, он меня ненавидит. Может быть, Дилан не так и не прав.

Холод пробирал до костей, руки моментально окоченели, как и ноги в остроносых тонких сапожках. Колени свело. Мне было холодно, как никогда. Запястий коснулся ледяной металл, и я вскрикнула, когда он буквально примерз к коже. Стражники действовали осторожно, но сути это не меняло. Меня оставили прикованной на вершине горы под порывами пронизывающего ветра. И даже пожертвованные одним из мужчин рукавицы не спасали.

- Не оставляйте меня здесь, - взмолилась я, чувствуя замерзающие на щеках слезы.

- Если бы мы только могли... - отозвался один из них и отступил.

А я по-настоящему разрыдалась, признавая, что Дилан прав: никто меня не спасет. Всем нет до меня дела. Переживать будет разве что Женевьев, но ее возможностей не хватит на то, чтобы прекратить это безобразие.

Отходили стражники под сбивающими порывами ветра. Начала подниматься буря, и я задрала голову навстречу усиливающемуся снегу. Я знала, кого жду. Пыталась уловить его силуэт в расходящейся буре и почти закричала от облегчения, когда в небе мелькнул полупрозрачный контур ледяного дракона.

Он спикировал вниз. Оковы на руках на миг стали такими холодными, что прижгли запястья, а потом осыпались к ногам, и меня подхватил ледяной дракон. Скрыл от людей ворохом снежинок и взмыл в воздух.

Я потянулась к его шее, чтобы обнять и притянуть к себе, ведь сейчас прозрачная чешуя уже не казалась ледяной. Но руки не двинулись. Испугавшись, я дернулась еще раз. И еще. Но мне будто что-то мешало. Отрезвил лязг металла о металл. Чувство полета исчезло, и я медленно открыла глаза, чтобы понять: по-прежнему прикована к столбу на вершине горы, а вокруг завывает метель. Стражники и Дилан уже исчезли, а в небе среди кружащихся в причудливом танце снежинок так и не нарисовался силуэт ледяного дракона.

Он не пришел за мной. Оставил умирать тут среди бури. Видимо, справедливость в его глазах выглядела именно так. Вина ли я его? Как бы мне ни было жалко себя... но нет. С того момента, как Ранион оставил послание мне на стекле в номере отеля, я знала: он меня убьет. Сейчас или потом - не так важно. Как и способ убийства. Это единственный закономерный итог наших

болезненных отношений. Моей любви, которая превратилась в его ненависть.

После того промораживающего до костей поцелуя я видела, что Раниону сложно. Думаю, это жертвоприношение станет для него избавлением. Не нужно мारать руки самому, не нужно решаться, не нужно смотреть в глаза... Необходимо просто сделать вид, будто не в курсе, что происходит. Я чудовищно виновата перед ним. И эта смерть... просто точка в нашей печальной истории, которая длилась долгих восемь лет.

Только грустно оттого, что я не успела попрощаться с Женевьев. Что не сказала Раниону, как мне жаль. Что не устроила судьбу Пэрсика. Придет ли к нему Ранион после моей смерти? Вспомнит ли про несчастного кота Женевьев, однажды уже оставившая его умирать одного в пустой квартире?

Пожалуй, Пэрсик был моей самой большой болью и моим самым большим сожалением. Я знала, что умру, а вот он... Он не обязан следовать за мной лишь потому, что я не успела попросить кого-то позаботиться о нем. Кот единственный, кто не сможет без меня существовать. И если для себя я уже ничего не могу сделать, то вот попытаюсь спасти его пока еще в моих силах. Я верила, ледяной где-то здесь. Незримо, но он присутствует и обязательно услышит. Даже если не откликнется сейчас, то, возможно, исполнит мою просьбу после того, как я умру.

- Ранион! - крикнула я из последних сил в снежное небо. - Ранион! Пожалуйста! Я не ради себя прошу! Пожалуйста! Забери Пэрсика! Китти его любит, Жен сможет позаботиться о нем в память обо мне! Пожалуйста, Ранион.

- А может быть, мне самому нравится твой кот? - раздался спокойный голос откуда-то сбоку. Я резко развернулась, вскрикнув от боли в запястьях, хотя и думала, что они совсем потеряли чувствительность.

- Ты позаботишься о нем? - рыдая, спросила немеющими губами.

- Если хочешь, чтобы сейчас я помчался менять пушистому лоток, не вопрос. Но думаю, в данный момент ты больше нуждаешься в моей помощи. А котик немного поголодает. Ему полезно. А то отъелся.

- Думала, ты не придешь... - тихо прошептала я, все еще не веря в его слова и свое спасение. Боялась, что происходящее - очередной бред моего сознания.

- Нет, Валенси, я обязан был прийти, - холодно улыбнулся он. - Если тебя кто и убьет, это буду только я. Никому не позволю портить то, что принадлежит мне, - заключил Ранион и снял с меня металлические браслеты.

- Почему же ты так долго шел? - прошептала я.

- Меня не было всего десять минут! Я должен был позволить испытать минуту триумфа твоему подленькому жениху. Да и тебе следовало осознать, насколько близко ты находишься к краю.

- Ненавижу тебя, - прошептала я.

- Знаю, Рыжик, - улыбнулся он и подхватил меня на руки.

Я отключилась, едва мы взмыли в воздух. Возможно, просто почувствовала себя в относительной безопасности, и поэтому организм отправил меня в беспамятство. Наверное, так было проще нам обоим.

Ранион не пытался привести меня в сознание, поэтому очнулась я сама. И не поверила собственным ощущениям. Мне было тепло и уютно. Совершенно нелогично после всего случившегося. Я даже глаза не сразу рискнула открыть. А когда наконец открыла, тут же зажмурилась от ослепительной белизны.

Все еще не в силах поверить в происходящее, снова медленно осмотрелась.

Укутанная мягким меховым покрывалом, я лежала на широченной кровати в просторной спальне, которая, казалось, была сделана из льда. Пол напоминал залитый в городском парке каток, по белоснежным стенам полз морозный рисунок, а на потолке переливалась люстра. И не поймешь, из хрусталя или льда. На прикроватной тумбочке стояло несколько пузырьков с зельями - рубиново-красным и ядовито-зеленым. Я принимала такие, когда болела. Интересно, откуда Ранион узнал и как догадался их поставить? Неужели беспокоился обо мне?

Я выпила зелье и поглубже закопалась в плед. Мне было хорошо и уютно. И совсем не хотелось думать о том, что ждет дальше.

Ледяной спас меня, а значит, убивать точно не будет. Почему же принес сюда, а не вернул домой?

За окном брезжил рассвет, значит, я проспала не так уж и долго. Интересно где сам Ранион? Надо бы поискать его. Объяснить, что раз уж спас, то нужно отпустить меня домой к Пэрсику. Бедный котейка ел лишь вчера утром. Перед тем как я ушла в архив. Но вот решиться выбраться из уютного тепла было мучительно сложно.

Впрочем, лежать быстро наскучило. Я относительно сносно себя чувствовала, только щеки горели с мороза. Так всегда бывает, когда слишком много времени проведешь на улице.

На мне все еще было шикарное подвенечное платье, которое ужасно хотелось стащить. Останавливало только отсутствие другой одежды. Моя короткая шубка висела на спинке стула, рядом стояли сапожки.

Я спустила ноги с кровати и тут же с визгом убрала их назад. Пол не только казался ледяным, он и был ледяным. Сверкающим и жутко холодным. Пришлось изогнуться, чтобы дотянуться до обуви и надеть ее, сидя на кровати. Не очень удобно.

Я накинула на плечи шубку и приступила к осмотру места, где очнулась. Первым делом подошла к окну и вгляделась в завывающую за стеклом метель. Она клубилась и вверху, и внизу. На миг даже закружилась голова, потому что я просто потерялась в пространстве. И лишь потом поняла: в легендах замок ледяного дракона находится на краю высокой скалы. Даже если захочу сбежать – не получится. Если раньше я была заключена в Сноухельме, то сейчас ситуация стала еще хуже. Теперь я пленница Раниона.

Внутреннее чутье подсказывало, что он меня никуда не отпустит. Иначе не притащил бы в свою обитель.

- Не реви.

Жен вздрогнула, обняла себя за плечи и вскинула полные слез глаза.

За окном медленно занимался рассвет. Лишь сизая полоска появилась у горизонта, но крошечная тьма отступила, и в сумеречной предутренней дымке все было хорошо видно. Я уже минут пять сидела на подоконнике и наблюдал за ней, а она даже холода не почувствовала.

- Я спас твою сестру. Она жива, и ей ничего не угрожает.

- Спасибо! – Женевьев подскочила с кресла и кинулась ко мне, намереваясь задушить в объятиях, но, видимо, вовремя вспомнила, что я ледяной и обнимать меня – весьма сомнительное удовольствие.

- Я сделал это не для тебя. И даже не для нее.

- А для кого?

- Для себя. Наверное.

Я пожал плечами, потому что и правда не знал, зачем спас Валенси, когда она почти получила то, что заслужила.

- Где она? – встрепелась Жен. – Ты отправил ее домой?

- Нет. Забрал себе. И мне понравилось, как она смотрится в моем замке.

- Там же адский холод, – поморщилась Женевьев.

- Я что-нибудь придумаю. И потом... Не холоднее, чем там, куда Вал отправили твой муженек и ее женишок.

- Бывший муженек, – поджала губы Жен и зло прищурилась. – Я его выгнала.

- Именно поэтому ты переживала, не отнес ли я Валенси в квартиру? Она ведь принадлежит Дэвиду.

- Да.

- И ты оставила пушистого питомца Вал со своим идиотом-мужем? – возмутился я.

- Ну... – Женевьев выглядела растерянной. Взрослая, замужняя женщина... а ответственности и сознательности в ней ровно столько же, сколько было восемь лет назад.

- Я сейчас сбегаю и заберу. Сегодня Дэвид точно не поедет туда ночевать. Сначала напьется с друзьями, потом завалится плакаться маме, а затем постарается вернуться сюда. И только когда

поймет, что это не дало желаемого результата, смирится с неизбежным.

- Ты же понимаешь, что мне хочется его убить? - поинтересовался я, вглядываясь в лицо Жен. Не мелькнет ли на нем паника? Но бывшая осталась безучастной и совершенно спокойной.

- Я понимаю, что ты не станешь этого делать.

- И почему же? - Меня кольнул тот факт, что она до сих пор неплохо меня знает.

- Не знаю. Внутреннее чутье?

Как бы ни было противно признавать, Жен была права. Я не убью Дэвида. По крайней мере, сейчас. Но внутреннее чутье или ностальгия здесь ни при чем. Просто очень хочется понять, какую игру он ведет. В историю про то, что бывший друг просто защищал семью и переусердствовал, я не верил. Дэвид всегда четко понимал, что и зачем делает. Я слишком хорошо его знал раньше и не думаю, что сейчас мотивы поведения кардинально изменились.

- Так Пэрсика забрать? - осторожно поинтересовалась Жен. - Он вроде Китти нравится.

- Мне он тоже нравится. Я его заберу сам. Только потом принесу к тебе. Ненадолго. На пару часов.

- Зачем? - подозрительно поинтересовалась Женевьев.

- У меня еще есть дела в городе.

- Ран, я серьезно. Не забывай, что Дэвид - мой муж и твой друг.

- Ты же сама сказала, что выгнала его? А моим другом он перестал быть тогда, когда решил, что моя трагедия - это очень хороший шанс для него. Но нет. Сегодня Дэвиду ничего не угрожает. Не переживай. Пока я не разобрался в его целях, ему ничего не угрожает. Иначе меня замучает любопытство.

- Не делай глупости, Ранион, пожалуйста, - попросила Женевьев.

- И не собираюсь. Жди кота.

- Как скажешь, - вздохнула она, завернувшись в плед и послушно уселась в кресло.

Очень хотелось верить, что Жен права и Дэвид где-то мирно бухает или отсыпается после пьянки у своей матери, потому что я был зол. Очень зол и жаждал отмщения. Отмщение ждало чуть позже, но я совершенно не был уверен, что сумею сдержаться, если бывший друг с комплексом бога попадется у меня на пути.

Собственно, именно поэтому я решил забрать Пэрсика сейчас, а не после того, как закончу дела в городе. Сейчас меньше вероятность встретиться с Дэвидом.

Я зашел через окно, как обычно, да и Пэрсика застал на его коронном месте возле миски. Кот задумчиво мочил лапу в емкости с водой, потом высовывал ее, смотрел, как с шерсти падают капли, облизывал и окунал снова. На то, что дадут еду, Пэрсик, видимо, уже не рассчитывал.

- Привет, пушистый, - улыбнувшись, сказал я. Рыжая скотинка вызывала исключительно умиление. Чувство, которое, думал, покинуло меня давным-давно.

Услышав человеческую речь, кот тут же встрепенулся, подобрался и, развернувшись, выдал самый жалобный мявк, на который была способна его пушистая тушка.

Похоже, я четко ассоциировался у Пэрсика с едой. Кот терся о мои ноги, пока я отыскивал в шкафах Валенси вяленые кусочки мяса. Сожрав угощение, пушистый потерял ко мне всякий интерес, а после того, как я раскрыл переноску, и вовсе ретировался под диван. Из темноты светились два янтарных недовольных глаза.

- Кыс-кыс, - позвал я, заглядывая в темноту и стараясь не думать о том, как смотрятся на четвереньках гроза всей долины, ледяной дракон, пытающийся выманить привередливую хитрую тварюшку из укрытия.

- Пэрсюшка, иди сюда, наглая рыжая тварь!

Кот и не думал выходить. Он попятился дальше, сгребая на пушистый мех всю поддиванную пыль и паутину, а мне пришлось пойти ва-банк.

Я протянул руку под диван, и с моих пальцев слетели снежинки. Они упали на пол, и ледяная корка побежала Пэрсика под лапы. Кот подпрыгнул, врезался в нижнюю крышку дивана, обиженно

потряс лапой и переместился с ледяного пяточка на обычный пол. Но я не был намерен сдаваться, и скоро у пушистого осталось не так много места для маневра. С каждой минутой он все ближе и ближе перемещался по мне, и скоро сам запрыгнул в теплую и уютную переноску. Правда, наградив меня ненавидящим взглядом. Я даже почувствовал себя предателем.

- Зато ты не будешь жить в одном доме с отвратительным человеком по имени Дэвид, - оправдался я. - Сдается, он не станет тебя кормить и любить.

Пэрсик, понятное дело, ничего не ответил. Просто в переноске развернулся ко мне пушистым задом, демонстрируя высшую степень презрения.

Я отнес кошачка Женевьев, вручил ей переноску, а сам, ощущая приятную дрожь предвкушения, отправился вершить ледяную справедливость.

В дверях я обернулся.

- И, Жен...

- Что?

- Когда я вернусь за Пэрсиком, лучше, чтобы Дэвида здесь не было.

- Я же сказала, что выгнала его. И не меняю свои решения. Ты же меня знаешь.

- Ну, вдруг он не захочет так просто уходить?

- Конечно, не захочет. Но в наших отношениях всегда имело значение только то, чего хочу я.

- Во всех твоих отношениях было так, - беззлобно заметил я и рассыпался снежинками, пока моя бывшая не нашла что возразить.

Глава 13

Мэр Сноухельма жил в особняке на центральной улице. Как и любой уважающий себя горожанин, мэр пекся о собственной безопасности. Охранные заклинания на воротах и дверях, несколько гвардейцев по периметру и спущенные на ночь волкодавы – наша, северная порода, которая могла существовать в суровых условиях заснеженной долины.

Наверное, поэтому, когда я ворохом снежинок проник в его окно, даже не удосужившись открыть форточку, мэр продолжил сладко спать на огромной кровати, трепетно прижав к себе непозволительно молодую жену. Он чувствовал себя в полной безопасности. Даже будить их было жалко.

Я устроился в кресле у окна так, чтобы мягкое предрассветное освещение лишь обрисовывало мой силуэт, и спустил с пальцев ледяную магию. Она послушно поползла по паркету, поднялась по ножкам кровати, покрыла хрустящей ледяной коркой накрахмаленные простыни и лизнула голый палец на ноге мэра. Вайс Пэрриот только раздраженно дернулся во сне, а мороз пополз дальше.

Первой заорала и подпрыгнула на кровати блондинка-жена. Она уставилась на меня, испуганно прижимая к груди пуховое одеяло. Тут же подскочил мэр, а в коридоре раздался топот ног охраны. Мне не хотелось разбираться с большим количеством людей, поэтому я сделал то же, что и с комнатой Валенси. Лед пополз по полу и стенам, намертво замуровывая дверь. А то ведь и поговорить спокойно не дадут.

– Тепло ли вам, мистер? – издевательски поинтересовался я, запуская вихрь из снежинок летать по комнате. Печально зазвенели керамические вазочки на камине, затренькали хрустальные висюльки на люстре, всколыхнулись шторы.

– Как ты смеешь? – взвизгнул мэр. Казаться солидным чиновником, в руках которого находится судьба всего Сноухельма, сложно, если ты сидишь в пижаме. – Что тут делаешь?

– Я? Разговариваю с вами. Причем вежливо. Между прочим, даже не тыкаю, как изволите вы. Итак, повторяю вопрос: тепло ли вам?

Лед все больше заполнял комнату. У мэра и его супруги остался лишь крошечный незамерзший пяточок кровати, где они трогательно прижались друг к другу, словно воробьи на морозе.

– С ума сошел?! Как может быть тепло? Тут же все во льду! Что ты творишь?

– Вот и я хотел задать тот же вопрос. Что вы творите? Я кого-то убил? Или постоянно наношу вам визиты с требованием умерщвлять мне в угоду девственниц?

– Не-ет... – пробормотал мэр, похоже, все еще не понимая, в какую сторону я клоню.

– А почему через восемь лет нашего сосуществования вы вдруг решили, что я прощу убийство ни в чем не повинной девушки, совершенное якобы мне в угоду?

– Но...

– Давайте я вам помогу. – Я уже злился, и температура в комнате падала без моего участия. – За это жертвоприношение вам просто заплатили, и вы решили: а почему бы и нет? Кого интересует судьба одной девчонки, которая и в городе-то постоянно не живет.

– Но вы ругались! – попытался мэр мяукнуть в свое оправдание.

– Ну и мы с вами сейчас ругаемся. Тоже будем в жертву приносить? Или, может быть, просто прямо тут вас заморозить? Без изысков? И ходить далеко не нужно. Найдут с утра ваш замороженный труп, а супруга ваша расскажет, как все было. Не справится с заданием – тогда я приду и за ней.

Блондинка тонко взвыла, но за душу это меня не тронуло. Кого-кого, а ее мне было не жалко. Вообще никого было не жалко, кроме, пожалуй, Пэрсика.

– Не-ет... Не нужно меня морозить.

– А раз нет, то сделайте вот что. Вы допустили ошибку. Очень грубую и недальновидную. Не знаю, сколько вам дали денег за попытку устроить в городе это мракобесие, но такая ошибка...

– Я ее исправлю!

– И как?

– Причислю убиенную к лику святых.

- Да ладно? И она не убиенная, просто напуганная. А вот мэ́р из вас паршивый. Поэтому или вы уходите, уступая место кому-то более честному и менее глупому, или наши встречи будут проходить на регулярной основе. У меня много времени. Посмотрим, насколько долго вы протянете в вечной мерзлоте.

- Я не могу уйти с поста.

- Вы не просто уйдете, вы еще очень четко обозначите почему. Вы поддались на чужие убеждения, проявили слабость и теперь раскаиваетесь в своем поступке. Потому что поступок этот глуп и недальновиден. Вы попросите прощения у города и семьи Валенси. Если решение примете быстро, то я даже деньги Дилана у вас не заберу. Если же решите, что и дальше сможете воевать со стихией... Что же, вы лишитесь всего. Имени, денег и, возможно, жизни. Ледяная стихия коварна. Думаю, вы должны были это понимать, когда приказывали приковать на морозе молодую девушку и оставить ее умирать. Надеюсь, я выразился достаточно ясно?

Оправдания я слушать не стал, как и церемониться. Ветром выбил окно и вылетел в него бурей, уже во дворе приняв облик ледяного дракона, чтобы ни у кого не возникло подозрения касаясь того, кто же навестил мэра. Слишком долго я делал вид, будто меня нет в долине.

Сейчас было важно, чтобы каждый в Сноухельме знал: я не оценил щедрый шаг с жертвоприношением.

Разговор с мэром был просто необходим для того, чтобы четко обозначить свою позицию. Надо убедиться, что моим именем не станут прикрываться, чтобы уничтожать неугодных девушек. А вот к следующему участнику минувших событий я направлялся в предвкушении. Встречи с ним я жаждал, как и справедливого возмездия.

Надо было добить гниду при нашей первой встрече. Он не понравился мне уже тогда, но почему-то проснулось человеколюбие. Я послушался Валенси, и в итоге она чуть не погибла. Правду говорят, не делай добра - и не получишь зла. Но сегодня я не повторяю эту ошибку.

Найти Дилана оказалось несложно. С упорством бегущей в колесе морской свинки он пробирался в сторону припаркованного у обочины кэба. Заказного, удобного, комфортабельного, с впряженными лошадьми. Такими же, как те, которых увели мои снежные лядянки. Словно эти предосторожности могли его спасти.

В предрассветный час на улице было пустынно. Наверное, у экипажа имелись кучера, но меня слабо волновали свидетели. Даже если они что-то увидят и расскажут, это только укрепит город во мнении, что со мной не стоит связываться. Пусть лучше считают меня ледяной беспощадной сволочью, чем устраивают жертвоприношения. Я не могу следить за всеми девицами в этом месте. За состоянием Валенси я пристально наблюдал, контролировал каждый этап, но в следующий раз, со следующей жертвой, меня может не оказаться рядом. Поэтому так важно не допустить, чтобы этого следующего раза не было.

Дилан не замечал ничего вокруг. Ни вмиг потемневшего неба, которое почти моментально превратило день в ночь, ни налетевшего ветра. Первым предупреждением стала ударившая Дилана под колени поземка. Он проигнорировал ее и ускорил шаг, только я не планировал позволять ему дойти до экипажа. Следом за поземкой налетела метель, которая отрезала пути к отступлению, и Дилан замер, наконец заподозрив что-то неладное. Он бросил чемодан и заметался на пятачке заметенной снегом брусчатки, где было относительно спокойно. Понял, что я рядом, и испугался. Я чувствовал его ядовитый страх, липкий и вязкий. Дилан увяз в нем, словно муха. Именно ужас, а не я не давал ему связно соображать.

Ощущать панику того, кого сам назначил на роль жертвы, было упоительно.

- Что тебе нужно? - завопил он пока еще в воздух. - Я же отдал ее тебе! Ты должен меня отпустить. Я знаю все, потому что раскопал историю! Это она сделала тебя таким! Ты должен быть мне благодарен!

- За что же это? - тихо спросил я, специально появившись у него за спиной.

- Я отдал ее тебе! Отомстил за тебя! - Глаза Дилана фанатично горели. Казалось, он искренне верит в то, о чем говорит. Только вот от него буквально смердело страхом и ложью. Он готов был врать и выкручиваться, лишь бы сохранить в безопасности свою шкуру. Вопрос, почему же он не подумал о ее сохранности, когда все это затевал.

- И с чего ты решил, что я сам не могу взять то, что хочу? И когда хочу? - поинтересовался я с усмешкой, делая шаг вперед и наблюдая за тем, как ресницы и брови Дилана покрывает иней. - Кто ты такой, чтобы мстить за меня? Может, я сам желаю насладиться мстью? Ты же просто хотел потешить свое эго и лишить меня удовольствия.

- Я думал, так будет лучше!

- Верю. Лучше для тебя. А сейчас будет так, как хочу я... Как хотел, едва тебя увидел.

- И как же? - Дилан сглотнул и дернулся, пытаясь разорвать дистанцию, но я не позволил, последовав за ним.

- Ты ведь сам знаешь, - сказал я и коснулся его руки, которая тут же начала покрываться ледяной коркой.

- Нет! - закричал Дилан и шарахнулся в сторону. - Нет!

Он затряс рукой. В глазах мелькнул панический ужас, но избавиться от моего заклятья было нереально. Как и сбежать сквозь завывающую вокруг нас метель.

- А пока ты еще можешь двигаться и говорить, поведай-ка о том, кто рассказал тебе историю моего проклятья и подал идею с жертвоприношением. Это ведь Дэвид, да?

- Да. Этот парень болтлив и заложил наивную дурочку Валенси!

Не знаю, с чего Дилан вдруг осмелел. Думал, информация меня заденет? Но это было не так. Я давно понял, что представляет собой Дэвид. Меня занимало лишь то, что он методично пытался избавиться от Валенси. Зачем? Это не давало покоя. Она ему не мешала. Почему же бывший приятель так разнервничался, когда девушка вернулась в Сноухельм? Ведь он давно получил желаемое: Женевьев.

Я не трогал их, все было хорошо. А после неудавшегося жертвоприношения Женевьев не пустит его и на порог. Желая убрать Вал, Дэвид сам разрушил то, к чему так долго шел. Не мог же он не предвидеть реакции своей жены? А значит, уничтожить Валенси было важнее. И я очень хотел разобраться - почему.

- Наивный дурачок здесь ты, потому что все остальные участники этой истории, включая Валенси, живы. А вот ты...

- Я тоже жив! - запальчиво выкрикнул он, старательно игнорируя очевидные факты. Все еще не мог признать, что смерть может случиться и с ним.

- Это пока, - улыбнулся я, и ничего не понимающий Дилан опустил взгляд ниже. Он уже почти не чувствовал холода. Мороз действовал коварно. Заморачивая, притупляя чувствительность. Но ноги и нижняя часть жениха Вал уже превратились в ледяную статую.

- Ты не можешь это сделать! - истерично заорал он. - Почему?!

- Дэвид рассказал тебе историю, - послушно пояснил я. - Мэр поддержал. Но вот доводил до ума, планировал и организовывал все ты. Ты без раздумий обрек на мучительную смерть свою невесту.

- Она меня бросила ради тебя!

- Сомневаюсь, что ради меня.

- Это неважно!

- Ты прав, это неважно. Важно то, что подобной смерти не заслуживает никто. Разве что тот... кто желал ее другому.

Решение пришло внезапно. Изначально я просто планировал его прибить прямо тут и не замораживаться, но сейчас мне показалось символичным отнести Дилана на вершину горы. Туда, где, по его задумке, должна была умереть Валенси.

Взмахом руки я разбил лед, который сковывал ноги Дилана, и мужчина бросился бежать. Но я не позволил. Кинулся на него, превращаясь в ледяного дракона, и схватил лапами, разрывая плотную овчину тулупа. Впиваясь острыми когтями в теплую плоть.

Дилан завизжал. Наверное, ему казалось, что бок вспарывает ледяное лезвие.

Волна удовлетворения прокатилась в душе, и я взмыл в воздух. Мне не было жалко бывшего Валенси. Он заслужил все страдания, которые я для него приготовил.

На вершине горы даже без меня завывал ветер. Тут никогда не было спокойно и тихо. Я спланировал на плоскую, еще не заметенную до конца площадку с возвышающимся в центре столбом. Когти разжал заранее, чтобы жертва рухнула вниз, в снег.

Видимо, пока Дилан болтался в моих когтях и ловил физиономией колючие снежинки, он успел подумать о жизни и пришел к выводу, что эта жизнь очень ему дорога. Едва очутившись на земле, он тут же вскочил, нелепо зашатался, метнул в меня одно из своих заклятий и кинулся бежать.

Заклятье я развеял по ветру мелким черным бисером, а вот побегать ему позволил. Только ветер усилил, чтобы швырял в лицо снег и закручивал поземку у ног Дилана. Он увязал в сугробах, падал, но упорно полз вперед. Я даже восхитился его упорством. Наверное, в иной ситуации я бы вознаграждал такое похвальное стремление выжить, но сейчас не мог. Оставлять Дилана в живых – это подвергать Валенси опасности. А глядя на прикованную к столбу девушку, я осознал одну простую вещь: не хочу, чтобы кто-то причинял ей боль. Единственный, кому позволено ее мучить, – это я.

Значит, от Дилана следовало избавиться. Хлесткий удар ветра настиг его и повалил в ближайший сугроб, припорошил снегом. Мне осталось только достать оттуда безуспешно сопротивляющегося мужика. Наверное, где-то и когда-то он считался сильным магом. Да и человеком. Но что его силы в сравнении с мощью стихии? Разве он способен совладать с метелью, с порывами ветра, сорвавшими с головы шапку, с жалящими щеки снежинками? Стихию нельзя победить, обмануть или подкупить.

Впервые за восемь лет я подумал о том, что проклятье Валенси можно воспринимать иначе. Не как зло, а как дар. Я не могу дарить тепло, зато могу – справедливость.

Мне не требовались наручники, чтобы приковать орущего и вырывающегося Дилана к столбу. Их роль очень хорошо сыграл лед, плотно обхвативший его запястья. А потом я просто взял руку мужчины и посмотрел в глаза, пуская по венам испуганного пленника мороз.

– Ты же понимаешь, что я поступаю с тобой в высшей степени милосердно? – тихо спросил я, заглядывая в еще живые, но уже покрывающиеся коркой льда глаза Дилана. – Ты чувствуешь только холод и страх. Твое сердце замрет очень скоро, как только до него доберется лед. А Валенси умирала бы мучительно. Когда холод становится нестерпимым, он превращается в боль, равную боли от ожога. Вот на что ты ее обрек. Даже я – ледяное чудовище с замерзшим сердцем – оказался на такое не способен, хотя ты и заслужил подобную кару. А ты оставил умирать ту, которую хотел сделать своей женой. И люди после этого считают монстром меня?

Ответить он уже не мог. Я оставался рядом до тех пор, пока из него не ушла жизнь. И последнее, что Дилан видел, – это мои безразличные ледяные глаза. Мне не было стыдно, потому что для некоторых смерть – слишком легкое наказание.

Откат наступил позже, вместе с осознанием, что жизнь навсегда покинула тело Дилана, и это полностью моя вина. Какие бы прегрешения он ни совершил, их, казалось, можно было исправить. А вот убийство – нет. Но только я не жалел о своем поступке. Если бы передо мной опять стоял выбор: убить его или сохранить жизнь, я снова поступил бы так же. Просто холод в душе стал сильнее. Он тугим комком сжался в животе, когда я отступал с площадки. Единственным спасением было снова рассыпаться завывающей вьюгой.

Когда тело разлетелось на тысячи микроскопических ледяных кристалликов, боль отступила. Я стал стихией, а стихии не присущи никакие эмоции. Несколько кругов над городом, снегопад над крышей мэрии, заметенные пути на въезде в Сноухельм... И возле дома Женевьев я появился спокойным и безразличным. А то, что ледяная корка на сердце стала чуть толще... Что ж, это побочное явление. За силу приходится платить.

– Киска будет жить тут, – заявила с порога Китти, тащившая в охапке Пэрсика. Женевьев только пожала плечами и отступила, пропуская меня в холл.

Не знаю почему, но сейчас мне показалось правильным зайти через дверь.

– Тут... – еще раз повторила мелкая и воинственно выставила подбородок. Судя по несчастной морде Пэрсика, сам он жить тут не очень-то хотел, но понимал, что вырваться из лап человеческого детеныша чревато. Поэтому висел, словно жирная пушистая сарделька, и только раздраженно подергивал пушистым хвостом.

– Пэрсик любит свою хозяйку, – сказал я. – Он будет без нее скучать. Ты же будешь скучать без мамы, если у тебя ее заберут?

– Я скучаю без папы. Я бы хотела, чтобы мне его вернули, – вздохнула Китти и разжала руки.

Ошалев от неожиданного счастья, Пэрсик кинулся ко мне, проскользил лапами по паркету и с размаха запрыгнул на руки. Пришлось его ловить и прижимать к себе. Я предчувствовал кошачью истерику и демонстративное потряхивание лапами, но Пэрсик прижался всем своим дрожащим телом и, казалось, не собирался никуда уходить. Хотя просто не мог не почувствовать мой лед.

Даже когда сестра Вал принесла переноску, Пэрсик крайне неохотно слез с рук.

Женевьев ничего не сказала в ответ на такое необычное поведение животного, но посмотрела на меня странно. А я просто поспешил ретироваться подальше. Точнее, поближе к Валенси. Скорее всего, она проснулась и сейчас исследует мой замок. И вряд ли ей нравится холодное жилище ледяного духа.

Я недолго любовалась метелью за окном. Стало банально скучно, да и любопытство взяло верх, поэтому я отправилась на разведку. В просторных коридорах замка шумел ветер, а по пятам следовали снежинки, словно Ранион подглядывал за мной из-за угла. Может, так и есть? Может быть, он где-то здесь, просто по какой-то причине не хочет показываться на глаза?

Комната, в которой я очнулась, оказалась на третьем этаже огромного, кажется, полностью ледяного замка. Сначала я спустилась на первый этаж, осторожно ступая по широкой блестящей лестнице. За перила взяться не решилась, они были покрыты инеем. Не хотелось бы отморозить руки. К удивлению, несмотря на снежные и ледяные интерьеры, в самих помещениях не было холодно. Не жарко, но и не улица. При этом морозное великолепие не таяло.

Как Раниону живется здесь? В тишине и одиночестве? Я начала экскурсию с холла замка. Медленно поднимаясь по этажам, заглядывала в каждую пустую комнату. Прогуливалась по просторным бальным залам и не видела никого. Ни слуг, ни экономок... Только лед и звенящая тишина. Неужели он именно так провел последние восемь лет? Но ведь кто-то же должен тут убираться?

То, что Ранион все же существует не в абсолютном снежном вакууме, я осознала, только когда забрела в противоположное от моей комнаты крыло третьего этажа. На пороге тут же уплотнились снежинки, преобразовываясь в стражника. Сначала я подумала, что все же решил показаться Ран, но, уставившись на грубые, словно вырубленные топором черты снежного двухметрового гиганта, поняла, что обозналась. Раном тут и не пахло.

- В это крыло нельзя... - заявил охранник.

А я и не стремилась, уже несясь вниз по лестнице. Естественно, на последней ступеньке поскользнулась и выставила вперед руки, чтобы смягчить падение, но вместо этого врезалась в холодную мощную фигуру. Зато не упала.

- Эй! Вал! - услышала я, ощущая на предплечьях ледяные руки, которые удержали меня от падения. - С тобой все нормально?

- Да... да, - побормотала я и отстранилась. - Просто напугалась.

- Кого? - удивился Ранион. - Отражения в ледяном зеркале? - В голосе мелькнула едкая ирония.

- Этого... снежного и большого, - отозвалась я и отстранилась.

Как ни странно, сейчас я испытывала скорее смущение, нежели пробирающий до костей холод. Может быть, после бесконечно длинных минут у жертвенного столба я стала менее чувствительной к проявлениям ледяной стихии?

- Тебя испугал мой охранник? Значит, ты оказалась очень любопытной девочкой и ходила там, где нельзя.

- Тебя не было. А я не знала, где можно, а где нельзя.

Я поежилась и обняла себя за плечи. В присутствии Рана было неудобно. Кажется, он прекрасно это понимал, потому что тоже отступил от меня на шаг.

- Не переживай, я тебе расскажу. А пока выпускай своего хвостатого любимца.

- Ты принес Пэрсика! - обрадовалась я, только заметив переноску, которую Ранион поставил на пол. Неприятное осознание пришло чуть позже. - То есть я остаюсь в твоём замке?

- Да. Тут пытаться тебя убить буду только я. Ну и потом, твоё жилище занято.

- И кем же?

- Женевьев выгнала Дэвида.

- Ты знаешь... - осторожно заметила я, - кроме Пэрсика, вообще-то, у меня были ещё вещи...

- Вот демоны! - ругнулся ледяной и посмотрел на меня с ненавистью, как будто я это специально подстроила. - Будут тебе твои вещи. До завтра потерпишь?

Глава 14

Пэрсика мы решили выпустить прямо в холле, чтобы он мог исследовать свой новый дом. Это звучало так странно, что мне становилось не по себе. Почему я не могу жить, например, с Жен? Или просто найти себе квартиру в Сноухельме.

Впрочем, спорить с Ранионом было себе дороже, и я решила отложить разговор на вечер. Подозреваю, ответ будет или «я так решил» или «мне так нравится». Ни один из вариантов меня не устраивал.

Выпустить Пэрсика оказалось не так просто. Пушистый высунул из переноски нос, потом поставил одну лапу на ледяной пол, затряс ею и снова забрался в свой «домик», хотя обычно выбегал из заточения пулей, невзирая на то, что его окружает. Лишь бы выбраться из замкнутого пространства на свободу.

- Ну, пушистый, - обратился к нему Ранион, - так не пойдет! Давай вытаскивай свою лохматую задницу! Хватит там прятаться.

Пэрсик, как и все представители семейства кошачьих, оказался на удивление упрямым и уговорам не поддавался. Только забился поглубже в переноску и свернулся там в злобно зыркающий зелеными глазами мохнатый клубок. Тогда Ранион, разозлившись, извлек его из переноски и устроил у себя на руках. Наглый пушистый предатель тут же начал громко мурлыкать, показывая, что именно об этом и мечтал.

- То есть? - удивилась я. - У тебя на руках ему не холодно, а на полу очень? Где логика?

- Ты ждешь логики от Пэрсика? Просто у тебя удивительно капризная скотина, Вал, - заметил ледяной и с котом на руках начал подниматься вверх по лестнице.

Я последовала за ним, все еще размышляя над странным поведением своего любимца. Почему он не мерз, когда сидел у Раниона?

Ледяной уверенно дотащил кота до моей комнаты и ссадил его на кровать. Пэрсик недоверчиво потоптался, тоскливо посмотрел на меня и на Раниона и все же улегся на пушистый плед.

- Ты же понимаешь, что это не решит проблему? - спросила я. - Если Пэрсик не хочет ходить по полу, он не будет.

- Ну и пусть тогда живет так. Пару денечков посидит на кровати и спустится сам.

- Ага, сейчас! Помечтай! Я еще не встречала более упрямого существа. К тому же я не очень хочу, чтобы кот жил так. Ему будет плохо, да и мне тоже. Может, отпустишь нас? А? Скажем, к Женевьев.

- Нет, - резко ответил Ранион, заставив меня вздрогнуть. И чуть мягче добавил: - Знаешь, чья идея была принести тебя в жертву?

- Да, Дилана. Он не мог смириться с тем, что я ушла.

- Нет, Валенси, - Ранион мрачно покачал головой. - Дилан радостно ухватился за эту идею, но за всем стоял Дэвид. Идея принадлежала ему. Это он рассказал Дилану легенду, он рассказал историю про нас и натолкнул твоего бывшего на idiotскую мысль. Не подскажешь, чем ты могла его так задеть?

- Представления не имею. По сути, мы с ним и не общались. Он просто был твоим другом и другом Жен. Если ты со мной хотя бы здоровался и улыбался, то Дэвид смотрел на меня как на пустое место.

- Ей-богу, его тактика была куда более правильной, нежели моя, - раздраженно отозвался Ран, и я поникла. Прошлое все еще стояло между нами. - Дэвид почему-то очень хочет от тебя избавиться. И пока я не выясню почему, ты живешь тут. Все понятно? И эта пушистая мохнатая задница тоже.

- Тогда нужно как-то решить вопрос с полом.

- Я подумаю, что с этим можно сделать. А пока таскай его на руках. Через полчаса жду тебя на втором этаже в столовой.

- Мне идти прямо в этом платье? - Я показала на изрядно мятый наряд невесты.

- А у тебя есть какое-то другое? - уточнил он.

Получив в ответ мой ненавидящий взгляд, хмыкнул и развернулся. Все же Ран стал совершенно

невозможен. Упрямая черствая ледышка!

Мы с Пэрсиком остались одни в ледяной неуютной комнате, где даже столы и подоконники покрывал иней. Все здесь дышало морозом. Неужели Раниону нравится жить так? Или ему все равно? А может, это его присутствие делает дом таким – замороженным до основания?

Я присела на пушистый плед рядом с растерянным Пэрсиком, которому совсем не нравилось место, где он оказался, и потрепала кота по теплой пушистой шкурке.

- Какой лохматенький! Ты замерзнешь позже, чем я, – резюмировала с грустью.

Кот посмотрел на меня с презрением, словно я была виновата во всех его бедах. Возможно, так оно и есть. Это же я его привезла в Сноухельм с теплого юга.

Полчаса до встречи с Ранионом тянулись удивительно долго. В непривычной обстановке даже заняться было нечем. Можно было просто сидеть, смотреть на метель за окном да гладить Пэрсика, единственное теплое существо в этом царстве мороза. Интересно, тут хоть душ есть?

Эта мысль заставила меня подняться с дивана и внимательнее изучить свою комнату. До этого меня больше интересовал сам замок. Пэрсик протестующе мякнул, когда я поднялась, но за мной не последовал. Ледяной пол его раздражал значительно больше, нежели мое отсутствие.

Душ оказался в наличии, была даже массивная бронзовая ванна. Правда, тоже покрытая инеем. Я повернула кран, немного подождала и с облегчением выдохнула, когда магия заурчала в трубах и полилась горячая вода. Она растопит иней на бронзовой ванне, и я смогу согреться. Пусть не прямо сейчас, но вечером. Какое счастье!

Это открытие улучшило мое настроение. Подхватив Пэрсика, я пошла искать столовую, про которую говорил Ранион.

Выйдя из комнаты, я застыла в изумлении, потому что коридоры оказались полностью застелены коврами. Мягкими и с виду теплыми. Пэрсик радостно спрыгнул с рук и потопал вперед, блаженно шурясь. Значит, для кота Ранион постарался.

Интересно, если я попрошу постелить в комнате ковер, мне его тоже дадут? Или еще и плед к кровати приморозят? Похоже, второй вариант реальнее. Вряд ли то, что Ранион спас меня от смерти, означает, что он перестал меня ненавидеть. Скорее, просто решил растянуть удовольствие и убить меня позже. Все равно наше взаимодействие ни к чему другому привести не может. Однажды он просто заморозит меня насмерть. Может быть, специально, а может, случайно. И это, если честно, еще печальнее.

Кот, казалось, точно знал, куда идет, поэтому я просто следовала за ним. Даже по сторонам особо не смотрела, погруженная в свои мысли.

На пороге у приоткрытой двери Пэрсик замер и снова выразительно сказал «мя-я-я». Ковры, по всей видимости, закончились. Я приготовилась подставить руки, но не успела: у входа возник Ранион, и Пэрсик без раздумий запрыгнул ему на плечо и примостил там свой теплолюбивый мохнатый зад. И ведь даже лапами не стал трясти, поганец. Чем Ранион лучше ледяного пола, я понять не могла. Но у Пэрсика, видимо, было свое мнение на этот счет.

- Теперь уже официально добро пожаловать, Валенси, в мой дом, – улыбнулся Ранион, а у меня вспыхнули щеки.

Все же он непередаваемо красив. А умильно сидящий на его плече Пэрсик придавал ледяному очарования. Лишь иней на ресницах да неестественно бледная кожа напоминали о том, кто находится передо мной. Жестокий дух стихии, ледяной дракон, который рано или поздно меня убьет.

Поэтому ужинали мы в тишине. Я лишь изредка ловила на себе задумчивый взгляд Раниона, но тут же утыкалась в свою тарелку. Не знаю почему, но первая совместная трапеза вызывала ужасную неловкость. Ледяной не задирал меня, но я не могла заговорить с ним даже как со старым знакомым, поэтому быстро запихала в себя холодное мясо и сыр, запила вином, прожевала несколько виноградин и поднялась, намереваясь сбежать.

Но ледяной возник прямо передо мной и преградил путь.

- Знаешь, как тяжело сдержаться, когда ты тут? Такая теплая, живая, напуганная...

Он подошел ближе, и я поежилась от холода. Иней на его ресницах даже не думал таять, а в нереальных голубых глазах мелькнула боль, которую я даже не хотела пытаться разгадать. Дракон не прикасался ко мне, не удерживал, но, загнипнотизированная его взглядом, я замерла как

вкопанная, не в силах пошевелиться или отстраниться. Ран притягивал меня как магнит. И пугал. Потому что в его ледяных прикосновениях пряталась моя погибель.

- Так отпусти. Или убей. Так будет проще для всех, - наверное, в сотый раз со дня нашей встречи попросила я. И почти поверила в свои слова. Эту связь, которая чувствовалась между нами, нужно разорвать, пока она не убила одного из нас. Точнее, пока она не убила меня.

- А если меня не устраивает ни первый, ни второй вариант? - хрипло шепнул он и провел большим пальцем по моей нижней губе, заставив задрожать от холода. - Когда я целовал тебя в прошлый раз, знаешь, что я почувствовал?

- Что? - Я сглотнула, не в состоянии отступить или отвести взгляд.

- Впервые за восемь лет я ощутил настоящее тепло. И это чувство... хочу испытать его еще раз, - шепнул дракон и начал медленно наклоняться.

Мне стало страшно и холодно. Когда его губы почти коснулись моих, я отпрянула, прошептав:

- А я после твоего поцелуя две недели провалялась в бреду, потому что заболела! Нет, Ран, я не буду с тобой целоваться по собственной воле. Хочешь убить? Убивай, но не жди взаимности! Я не готова стать твоей добровольной жертвой. Говоришь, что почувствовал тепло? А вот меня сковал такой ледяной кошмар, которого я не испытывала, даже когда была прикована к столбу на вершине горы.

Выпалив это, я развернулась и умчалась в свою комнату, надеясь, что ледяной не последует за мной.

- Не спеши зарекаться, Валенси! И не думай, что я отступлю только потому, что ты так решила.

Я не отреагировала. Только ускорила. А еще я не могла понять, как мне может быть одновременно жарко и холодно! Только в комнате заметила, что не забрала Пэрсика. Ну и пусть! Если этот лохматый предатель захочет, сам найдет дорогу! Благо теперь в коридорах есть все условия для его нежных теплолюбивых лапок.

Остановилась, только захлопнув дверь. Прислонилась спиной к ледяной стене и отдышалась, прикрыв глаза. Холод не проникал через мех короткой шубки. Точнее, проникал медленно, позволяя мне не примерзнуть, а просто прийти в себя. Сердце колотилось как бешеное, щеки горели, а руки и ноги, наоборот, были ледяными.

Я простояла так несколько минут, восстанавливая дыхание, а потом на негнущихся ногах отправилась в ванную комнату.

Спать в таком состоянии все равно не могла, заняться было совершенно нечем, а горячая ванна должна помочь прийти в себя и окончательно успокоиться. Жаль, нет уютного домашнего платья и вязаных гольф, в которых можно чувствовать себя как дома. Придется снова влезать в ненавистное платье или заматываться в простыню.

Зато в ванной имелись полотенца. И даже не замороженные до состояния деревяшки. На полочках я отыскала пену для ванн, соль и еще всякие милые сердцу радости. Значит, не все человеческое чуждо ледяному.

Я открыла горячую воду и сначала смотрела, как она мощной струей с паром падает в ванну, отогревая ее. Когда с бортиков пропал иней, а сам металл стал теплым, заткнула пробку и присела на край, наблюдая за тем, как вода взбивает ароматную пену.

Здесь стало совсем тепло. Как дома, а не как в ледяном замке. Правда, на стенах все равно остался иней. А еще нужно было придумать, как потом выскочить из воды, не ступая на холодный пол. Идеальным выходом оказалось кинуть на лед полотенце. Только сделать это надо непосредственно перед тем, как выбираться из ванны. А то пока я буду мокнуть, оно замерзнет.

К таким сложностям жизнь меня не готовила. Как бы я хотела оказаться в той маленькой квартирке, которую привыкла считать домом! Согласна была даже простить Дэвида, лишь бы Жен его пустила обратно к себе, а ледяной разрешил мне вернуться к привычной жизни. Но моим мечтам не суждено сбыться, и я об этом прекрасно знала. Жен редко принимает невзвешенные решения. Не в ее правилах так быстро менять гнев на милость. Да и Ран, похоже, планирует оставить меня себе.

Меня саму очень сильно к нему тянуло. Только вот я знала, зачем нужно сопротивляться этим противоречивым чувствам, а он? Он не планировал отказывать себе. Для него это всего лишь новый способ игры. Поменялись условия и правила, но не сама суть.

Наблюдая за бурлящей пенкой, я все же немного успокоилась и даже отогрелась, поэтому в воду залезала без содрогания. Весьма забавное ощущение, будто находишься в горячем источнике. В ванной тепло, мягкая пена ласкает кожу, а на потолке лед, и на зеркале по краям – морозные узоры.

Я погрузилась в пену так, что на поверхности осталось только лицо, закрыла глаза и отрешилась от всего, позволяя себе эту маленькую и такую приятную слабость. Даже забыла, что водные процедуры – лучшее лекарство от стресса. Конечно, еще можно было выпить, но, увы, компания в этом замке не располагала. Выпить с ледяным грозило путешествием на тот свет. Вдруг я пьяная сама полезла к нему с поцелуями. А он? Интересно, он может опьянеть?

И откуда только в моей голове такие мысли...

Какое-то время я просто наслаждалась тем, как из головы улетучиваются все ненужные мысли. Мне было тепло и хорошо. Глаза я открыла, когда почувствовала, что начал мерзнуть кончик носа. Демоны бы побрали Рана! По полу ванной комнаты гуляли снежинки, да и тот, чье появление они предвещали, не заставил себя ждать.

Осознав, что происходит, я ойкнула и поглубже нырнула в пену. Как хорошо, что я плеснула ее щедрой рукой, и сейчас она скрывала меня лучше любого одеяла! О том, что сижу тут совершенно голая, я старалась не думать. И так щеки горели от смущения.

Ранион материализовался из пробежавшей по помещению вьюги и без тени смущения уставился на меня. Он уже переделался в светлые брюки и серебристую рубашку, расстегнутую на груди. Длинные волосы были заплетены в замысловатую косу. Неужели сам научился плести? Хотя за восемь лет одиночества и не такое освоишь.

– Ты вообще обнаглел, да? – возмутилась я, жалея, что не умею дышать под водой и поэтому не могу с головой спрятаться под ненадежной защитой пенки. Ледяной – последний, кого я хотела бы видеть, принимая ванну. Точнее, я вообще предпочла бы остаться в одиночестве!

– Вообще-то, я привел твоего кота! – как ни в чем не бывало возразил Ран, словно мы встретились в библиотеке и на мне не пенка, а благопристойное платье.

– Во-первых, кота я тут не вижу. А во-вторых, оставил бы себе. Похоже, вы с ним спелись.

– Ну, он хотел домой. И оставил я его на твоей кровати.

– А ты откуда знаешь, чего именно хотел этот мохнатый?

От удивления я даже забыла, что дико смущена ситуацией. Может, я еще что-то не знаю о способностях ледяных драконов?

Но все оказалось намного проще.

– Морда у него была несчастная, – сообщил Ран.

– Несчастливая морда может значить что угодно. От «я хочу жрать» до «возьми на ручки, меня давно не жалели», – возразила я.

– Видишь ли, Валенси, – тихо произнес Ранион с такими мурлыкающими интонациями, что я поняла: его общение с Пэрсиком прошло не зря. – Меня тоже давно не жалели.

Я сглотнула, не зная, что ответить на это двусмысленное заявление, но, к счастью, Ран в ответе и не нуждался.

– А еще я подумал, что ты захочешь вот это...

Он показал объемный голубой халат, с виду мягкий и теплый. Ледяной действительно сжимал его в руке, когда появился. Но я просто не обратила внимания. Меня занимали немного другие вещи.

– Спасибо, – сказала я. – Халат действительно кстати. А теперь ты уйдешь и оставишь меня?

– Не угадала, – с хитрой улыбкой отозвался он и приблизился. – Но чем мы займемся, решать тебе...

– В смысле?

– Могу принести бутылку вина, которую мы не допили, и ты составишь мне компанию. Или, – он выдержал паузу, – могу снова попробовать тебя поцеловать. И очень сильно сомневаюсь, что сейчас ты попытаешься от меня сбежать. Впрочем, если все же решишься, это будет неплохой альтернативой поцелую. Но предупреждаю: я тебя непременно поймаю.

- Неси вино, - тут же отреагировала я. - Сейчас выйду и присоединюсь к тебе.

- Нет, - отозвался он. - Это лишнее. Тут интереснее.

- Не мне... - шепнула я в разлетающиеся по помещению снежинки. Сам Ранион уже растворился. Вот на что я в очередной раз подписалась? Оправдывало меня лишь полное отсутствие выбора. Но интуиция подсказывала: сидеть голой в ванной и пить вино в компании ледяного дракона - не самое правильное решение в моей жизни.

Я застонала и сделала единственное, что могла, - плеснула полфлакона пенки и посильнее открыла воду, чтобы пузырьков стало как можно больше. Если повезет, к возвращению Раниона у меня из пены будет торчать один нос.

Чем дольше я ждала Раниона, тем сильнее чувствовала себя неприлично голой, беззащитной и очень сильно смущенной. Сейчас я была одна, но даже мысль о том, что с минуты на минуту это одиночество закончится, заставляла меня нервничать.

Наверное, я бы пожертвовала халатом и залезла в ванну прямо в нем, но меня останавливали два момента. Первый - халат был один. Если я его намочу, другой ледяной мне не выдаст из вредности. Ну а второй - я панически боялась, что, как только вылезу из ванны, просто по закону подлости зайвится Ранион. И все, что я так упорно пыталась скрыть, будет представлено во всей красе. Поэтому сидела в пене и дергалась, не понимая, зачем он вообще затеял все это.

Сейчас ледяной изволил прийти как нормальный человек, через дверь, которую я не закрыла на задвижку. А надо было. Хотя что этот факт изменит?

Он материализовался из метели. В одной руке была бутылка вина и два бокала, в другой - тарелка с разными видами сыра и виноград. И как только он все это не уронил? Вместо столика Ранион притащил табуретку, покрытую тонкой коркой льда. А сам устроился на краешке моей ванны, чем заставил нервничать еще сильнее.

- Ну что, попробуем еще раз? - тихо спросил он, взглянув на меня из-под опущенных ресниц. И я поняла, что ледяной взгляд буквально обжигает и заставляет краснеть.

- Не уверена, что это хорошая идея, - надулась я, снова чувствуя себя беззащитной. Рядом с ним всегда было прохладно, а ноздри щекотал запах морозного солнечного утра.

- Валенси, неужели ты просто не можешь выпить со мной вина? Я же не прошу о многом.

- С тобой не получается «просто», Ран, - заметила я, но тем не менее послушно вытащила из пены руку и приняла холодный запотевший бокал.

- Ты сама все усложнила. Не забывай.

- Поверь, помню об этом каждый миг. И понимаю, все это, - я обвела рукой с бокалом ванную комнату, морозные узоры на зеркале и мыльную пену, прикрывающую меня, - лишь очередной способ отомстить за то, что я сделала. Любое твоё действие направлено на то, чтобы отомстить. Я не забываю ни на секунду.

- И даже спасение? - зло прищурился он.

- Ты спас меня, чтобы продолжить и дальше мучить. Все просто. Если бы я умерла, мстить было бы некому.

- Знаешь, Вал, все немного не так, - серьезно отозвался он, изучая меня с жадной обреченностью. - Сегодня и сейчас все это лишь потому, что мне хочется пить вино в компании обнаженной девушки. Я не делал этого восемь лет и соскучился. Лдянки, безжизненные снежные духи, не в счет.

Я сглотнула и поглубже спряталась в пену. Стало еще более неловко, чем было до этого. А Ранион отпил из бокала и прикрыл глаза. Тени от серебристых ресниц упали на щеки, и я невольно залюбовалась скульптурной красотой его лица. Хотел он того или нет, в общении с ним каждый миг был упоительной, медленной пыткой. Видеть его и бояться прикоснуться - это страшно.

Интересно, он испытывает те же чувства? Или они есть лишь у меня? Оставалось только гадать и пить вино, оно немного снимало внутреннюю дрожь. А напиться одной бутылкой на двоих вряд ли получится, можно не переживать.

- Ран, чего ты добиваешься? - спросила я после недолгого молчания, которое, однако, тяготило. Я не смогла себя убедить, что сидеть голой в ванне и пить вино с мужчиной, который до недавнего времени хотел тебя убить, это нормально.

- А разве обязательно чего-то добиваться, Вал? - с усмешкой спросил он. - Восемь лет я ждал, когда

ты вернешься, чтобы отомстить. А когда ты вновь появилась в городе, я понял одну вещь...

- Какую? - тихонечко уточнила я.

- Ничего не изменилось. Ровным счетом ничего. Даже если я убью тебя, все равно не изменится. А значит, нужно как-то смириться с существующими обстоятельствами.

- И так ты смиряешься? - Я отсалютовала ему бокалом с вином.

- Так я пытаюсь почувствовать вкус к новой жизни. Признаться, - он бросил на меня задумчивый взгляд, - вполне возможно, у меня это получается. Это не менее интересно, чем заставлять тебя страдать.

- А почему ты решил почувствовать вкус к жизни именно со мной?

Намек на страдания я предпочла проигнорировать. Это все еще была очень скользкая и неприятная тема. Причем, предполагаю, для нас обоих.

- А тебе не кажется, Валенси, - он наклонился ко мне и пристально посмотрел в глаза, - что некоторые вещи предопределены судьбой? Ты приехала в город, в который не хотела возвращаться. Я спас тебя, хотя поклялся убить при первой возможности. Мы оказались в одном замке... Вино и беседа - вполне логичное продолжение этой череды обстоятельств. Мы должны были встретиться. И, возможно, ты тоже должна исправить то, что сделала восемь лет назад.

- Но я не знаю как!

- Ну, хотя бы позволить почувствовать мне вкус к жизни, согласившись вот на такое логичное продолжение.

Возможно, мне показалось, но в уголках губ ледяного мелькнула усмешка.

- А что еще в твоём понимании «вполне логичное продолжение»? - прошептала я, не в силах оторвать взгляд от резко очерченных соблазнительных губ, от которых веяло холодом и первым снегом.

До сих пор не могла привыкнуть к общению с ожившей ледяной статуей. В некоторые минуты мне казалось, что Ранион живой и теплый, как обычный человек. А потом что-то незначительно менялось - интонация его голоса, а иногда и просто освещение, - и передо мной снова сидела идеальная ледяная скульптура.

В теплой воде мне было хорошо, даже жарко, и я потеряла страх, который обычно сковывал меня рядом с драконом. Дыхание перехватило, но бороться с собой было невероятно сложно, и я сдалась. Вынула руку из воды и очень осторожно провела влажными пальцами по холодной щеке, чувствуя, как на подушечках пальцев тонкий слой воды превращается в хрусткий лед.

Нет! Ранион по-прежнему опасен. Глупо считать, будто что-то изменится только потому, что мне этого невероятно хочется. Он ледяной дракон, который способен заморозить одним лишь прикосновением! С ним опасно находиться в одной комнате, и тем более нельзя к нему прикасаться и мечтать о поцелуях! Это самоубийство!

Я резко отдернула руку и попыталась спрятать ее в воде, но ледяной не позволил и уверенным движением поймал меня за запястье. Его глаза горели неестественным синим светом, лед на дне радужки превратился в холодный, заставляющий дышать чаще, огонь. Руке было холодно, но я не чувствовала обморожения или чего-то подобного. Просто холод как предупреждение о том, что совершила очередную глупость.

Ранион медленно нагнулся, нависая сверху, заставляя меня вжаться в спинку ванны и замереть от страха и предвкушения. Холодные губы коснулись уголка рта, и я вздохнула, потому что поцелуй не обжег морозом.

Ран чуть отстранился и хрипло шепнул:

- Ты ведь понимаешь, Рыжик, что сегодня я непременно тебя поцелую? Даже если этот поцелуй убьет тебя.

- И тебе не будет жаль? - Голос дрожал, но я не боялась смерти. Почему-то не сейчас. И не с ним.

- Мне будет жаль, если я не попробую этого сделать, - признался он и склонился к моим губам.

Я слишком хорошо помнила те срывающие крышу и убивающие меня ощущения, но в этот раз все было иначе.

Ледяные губы, коснувшиеся моих, не хотели отомстить. Ранион целовал меня нежно, не касаясь руками, словно проверял грань дозволенного. В этот раз он не хотел меня сломать, просто испытывал на прочность.

Я мечтала почувствовать его объятия, пусть и замораживающие, но понимала, насколько это опасно. Этот невероятный эксперимент может стоить мне если не жизни, то здоровья. Медленные тягучие прикосновения, вкус вина на языке и холод. Сначала почти нестерпимый, а потом отступающий, сменяющийся волшебными эмоциями, которые дарили его губы. Этот поцелуй был похож на прогулку зимним солнечным утром, когда мороз щиплет щеки, когда мерзнут пальцы в варежках, но ты все равно не можешь надышаться этой кристально чистой свежестью.

Наслаждение от губ спускалось ниже. Сладко заняло внизу живота, и я была готова молить о большем, несмотря на остывшие руки, мурашки на плечах и замерзающий нос. Но Ранион очнулся первым, отпрянул, рассыпаясь снежинками, и исчез. А я только после этого заметила, что замерзаю не столько из-за поцелуя, сколько потому, что сижу в ванне, наполненной холодной водой, по поверхности которой ползет ледяная корка.

- Демоны тебя заведи, Ранион! - выругалась я и пулей выскочила из холодной воды, чувствуя, что снова дико замерзла.

Зуб не попадал на зуб, и я не знала, во что бы такое закутаться, чтобы наконец согреться. Халат пришелся как нельзя кстати, хоть и волочился за мной по полу. Зато в него можно было завернуться три раза, а потом забраться на кровать, завернуться еще в плед и прижаться к себе Пэррика.

Глава 15

Я притянула к себе протестующе мякнувшего Пэрсика и засунула его под уютный и пушистый плед, закуталась в него сама поверх махрового халата и только после того, как полежала минут пять, начала согреваться.

Все же, что бы ни говорил ледяной, он явно задумал меня убить! Зачем он творит это со мной? И как оказывает такое странное влияние? Видимо, моя детская глупая влюбленность не прошла бесследно. Иначе чем объяснить, что рядом со снежным красавцем я просто теряю голову и готова превратиться в ледышку в его объятиях, лишь бы он никогда меня не отпускал и продолжал целовать дальше? Это ведь невероятно глупо! Нельзя рисковать собственной жизнью и здоровьем лишь затем, чтобы получить немного эмоций. Так почему же у меня отключается голова, когда я его вижу? Почему же мне так хочется забыть обо всем, когда он рядом? И почему я верю, будто именно мое тепло сможет отогреть его ледяное сердце?

Что творится в моей жизни и что с этим делать? Этот вопрос не давал уснуть до середины ночи. Я не могла понять, куда приведут эти взаимоотношения с ледяным. Чего он хочет от меня и как далеко готов зайти? А еще очень волновал вопрос, какой из этапов окажется для меня смертельным? Нельзя терять голову в объятиях того, кто способен заморозить целый город лишь своим плохим настроением. Что же станет с одной маленькой рыжей ведьмой, почти полностью лишенной сил?

Мне казалось, ничего хорошего.

От Раниона нужно было держаться подальше, но я не знала, как это сделать. Он находил меня сам и действовал словно магнит. Я тянулась к его ледяной красоте и сама отвечала взаимностью. Он чувствовал это. Даже в ванной. Ведь я сама спровоцировала поцелуй! Он увидел желание в моих глазах! Если бы я испытывала только страх и отвращение, Ранион ни за что не стал бы меня целовать. Его заводила моя ответная реакция. А я не могла себя контролировать.

Скоро я совсем согрелась. Пэрсик с протестующим мявком выбрался из моих удушающих объятий, немного повозился под пледом и вылез наружу, устроившись у меня в ногах. А я еще долго смотрела на морозные узоры на окне и думала о том, что делать дальше.

Сегодня кристаллики льда на стекле не несли никакой смысловой нагрузки. Они просто образовывали причудливые рисунки – красивые и совершенно естественные. Это не работа Раниона. Он больше не писал мне угрозы на стеклах, что внушало некоторую надежду.

Рыжая зараза, словно стеклянный осколок, засела в ледяном сердце. Отравляла изнутри, будто яд. Нужно было выкинуть ее из головы, забыть и, наверное, отпустить, раз не получилось убить, но я с каким-то особенным извращенным мазохизмом не делал этого и держал Валенси при себе. Исключительно для того, чтобы погреться около ее тепла, сорвать поцелуй с губ, пусть даже понимая, что могу ее запросто убить.

Таким, как я, не место рядом с человеческими женщинами. Мне нужно не приближаться к ней, запретить себе испытывать то, что испытываю, когда вижу. Но как это сделать? Если только рядом с ней мне становится хоть чуточку теплее. Если ее губы сводят с ума и заставляют сердце биться сильнее, разгоняя по венам ледяную кровь.

Вчера, когда я целовал ее, на миг мне стало даже жарко. Такое забытое, непривычное ощущение! Я даже не успел его распробовать, потому что заморозил воду в ее ванне и позорно сбежал, словно глупый подросток, а не ледяной дракон. Валенси делала меня уязвимым, слабым и живым. И самое отвратительное, мне это нравилось.

В таком смятении я не находился очень давно. Наверное. Поэтому и ушел из дома рано утром, пока она еще спала и не спустилась к завтраку. Кстати, с завтраками, да и обедами, нужно что-то придумать. Интересно, кто-нибудь из обслуживающего персонала согласится работать у меня? Надо будет обсудить вопрос с Жен. Бывшая осталась моим единственным проводником в человеческий мир.

Сейчас следовало забрать вещи Валенси из квартиры Дэвида, а я, признаться, не совсем был к этому готов. Слишком много накопилось вопросов к давнему другу. Сложно гарантировать даже себе, что я не захочу вытрясти из Дэвида правду. После такого разговора он может не выжить. А этого мне не хотелось бы. Я не имел права отнимать у Жен мужа, а у Китти – отца. По крайней мере, без веских оснований.

Наверное, начать заниматься самоконтролем стоило с попытки не вламываться к людям через окна. Поэтому я материализовался на тротуаре у подъезда и какое-то время задумчиво смотрел на входную дверь. Что же, Дэвид, очень надеюсь, тебя не будет дома. Тогда мне придется взломать замок, но это же лучше, чем свернуть тебе шею?

Я как последний псих разговаривал у себя в голове с другом, который даже не был в курсе этой беседы.

Но приблизиться к подъезду мне не дали.

- Эй! - возмутилась у меня за спиной сестра Валенси. - Ты куда это собрался? И самое главное, зачем?

Я нервно развернулся и заметил простоволосую Женевьев в наспех накинутой шубе и тапочках на босу ногу.

- Ты что творишь? Замерзнешь же!

- Ну прости, у меня не было времени одеться! - фыркнула она. - Увидела тебя и, признаться, напугалась.

- Боишься, что я его убью?

- А что, нет повода для опасений?

- Вообще, Валенси послала меня за вещами. Но, если честно, я тоже боюсь убить Дэвида. Так что страхи у нас одни. Но ты можешь посодействовать.

- И как же?

- Забери вещи сестры сама. Только сначала оденься.

- То есть, - Жен пристально посмотрела на меня, - у вас с Вал все серьезно?

- Что может быть у человеческой девушки серьезного с таким, как я?

- У девушки - ничего, - жестко ответила Женевьев. - Но меня больше интересует, что у тебя с ней?

- Просто забери ее вещи, и я уйду. Хорошо?

- Хорошо. Но я с тобой.

- Что? - удивился я.

- Что слышал! - Жен отмахнулась и, повернувшись ко мне спиной, скомандовала: - Пошли в дом, я переоденусь. Заберу ее вещи, и отправимся в твой замок.

- Но ты же понимаешь, что я не планирую трястись в экипаже? - вкрадчиво поинтересовался я, втайне надеясь, что Жен испугается. Хотя это я, видимо, думал о какой-то другой представительнице прекрасного пола. Жен никогда не пасовала перед трудностями.

- Ничего, я тоже как-нибудь переживу путешествие на ледяном драконе! - подтвердила она мои мысли. - Или топай за вещами сам. Но если убьешь Дэвида, я тебя возненавижу.

- Ты же его выгнала?

- Ну и что? Он все равно продолжает заботиться о Китти. Да и обо мне, так как рассчитывает вернуться. Зря, конечно, но он этого пока не понимает. В любом случае я бы не хотела его смерти.

- Мне бы тоже этого не хотелось, - признался я и спросил: - Жен, зачем ты хочешь пойти со мной?

- А что, непонятно? - удивилась она. - Затем, что я хочу увидеть Валенси, посмотреть, как она себя чувствует. И хорошо ли ты с ней общаешься!

- А как же Китти? Не боишься оставить ее с Дэвидом?

- Китти я оставлю с няней, она уже пришла и занимается с моей дочкой на втором этаже. Не надейся, Ранион. У тебя нет никаких отмазок.

- Ты ведь всегда добиваешься своего? - устало вздохнул я.

- А ты уже успел это забыть?

- Нет, Жен, я никогда это не забуду.

- Вот и замечательно. Жди тут! Я быстро. - Она кивнула в сторону дивана в гостиной, скинула шубу и умчалась наверх.

Жен и правда вернулась быстро. Быстрее, чем я ожидал. Она собралась для прогулки со мной. Теплое платье с воротом, длинная, до пят, шуба, меховые сапоги, шарф и пушистая шапка.

- Я готова. Пошли!

Я пожал плечами и последовал за ней. Энергии Жен можно было позавидовать и раньше. Проще было покориться, чем пытаться противостоять и отстаивать собственное мнение. Иногда я задумывался: если бы наша жизнь сложилась иначе, смог бы я по-прежнему любить ее? А она меня? Сейчас, пройдя сквозь ледяной ад, я не мог представить рядом с собой такую активную спутницу, которая привыкла все делать по-своему.

У Дэвида Женевьев надолго не задержалась. Появилась буквально через десять минут с двумя огромными пакетами, которые тут же сунула мне в руки.

- Держи!

Сама она выглядела недовольной и бледной.

- Он что-то пытался сделать? Угрожал? - насторожился я.

- Кто? - фыркнула Женевьев. - Дэвид? Не смей меня!

Правда, потом помрачнела, сжала губы и сказала:

- Ну хорошо. Да, он был зол. Кричал, качал права и хотел вернуться. Но я сказала, что внизу ждешь ты, и он тут же успокоился. Ты пугаешь его, как самый лютей кошмар.

- Ты знаешь, - задумчиво отозвался я, испытывая раздражение из-за того, что кто-то смел угрожать Женевьев, - иногда мне кажется, что для этого иррационального страха есть какие-то причины. Никогда я не злился на Дэвида настолько сильно, чтобы причинить вред. Даже когда вы собрались пожениться. Он не виноват в том, что наши отношения распались. Так откуда же такой страх?

- Представления не имею, - отмахнулась Женевьев. - У меня нет настроения разбираться в паранойках и страхах Дэвида. Да и не было никогда. У него их много. Давай лучше покажи, как передвигаешься по городу. Всегда хотелось побыть частью метели!

- Почему же ни разу не попросила? - удивился я, взглянув на нее по-другому. И на секунду увидел ту беззаботную и невероятно красивую Жен, которую любил восемь лет назад.

Она пожала плечами.

- Не знала, как ты воспримешь. Долгое время мне казалось, что самым правильным будет держаться от тебя подальше и не бередить раны. А потом появился Дэвид, родилась Китти, и стало не до этого.

- А я скучал, Жен... Не только по тебе, но и вообще по людям.

- Прошлое не изменишь, - отозвалась она и отвернулась, пряча слезы. А когда снова посмотрела на меня, глаза были сухими, на лице играла озорная улыбка. - Ну что, полетели?

- Полетели, - кивнул я и подхватил ее на руки. Когда мы взмыли в воздух, Женевьев заливисто хохотала. Не ожидал, что буря может кому-то прийти по душе.

Замок без Раниона был особенно холодным и безжизненным. Я чувствовала себя пленницей ледяной башни, куталась в безразмерный халат и смотрела в окно, наблюдая за бурей.

Я уже пробежалась по этажам и пришла к выводу: ледяного тут просто нет. Хотелось верить, что он помнит о моей просьбе и отправился добывать одежду. Подвенечное платье совсем утратило товарный вид, да и носить то, в чем меня планировали принести в жертву, не хотелось. Оно было неудобным и навевало неприятные воспоминания, а халат был хорош исключительно для того, чтобы дойти от ванной до дивана. Ну и попить кофе, уютно устроившись на подоконнике.

К слову, кофе мне дали. В холле я встретила одного из снежных духов, и он оказался весьма учтив. Уже через пятнадцать минут в комнате материализовался поднос с печеньем и чашка с дымящимся кофе. Ароматных, с хрустящей корочкой, булочек хотелось, конечно, сильнее. Но я поняла, что у Раниона были проблемы с готовкой. Печально. Помочь тут я ничем не могла, мои кулинарные навыки были далеки от идеала, поэтому приходилось довольствоваться тем, что есть. В конечном счете, лучше печенье, чем вообще ничего.

За окном завывала вьюга и летали снежинки, а я не отрываясь смотрела на них и ждала, когда же среди снежной круговерти мелькнет силуэт ледяного дракона. Но Ранион решил появиться иначе. Я поняла это, потому что буря за окном усилилась, уплотнилась, сворачиваясь в тугую смерч в

центре двора, и в этой снежной вакханалии появился силуэт мужчины с длинными светлыми волосами и девушки в серебристой шубе. Ветер сорвал с ее головы капюшон, и из-под пушистой шапки полыхнуло рыжее пламя волос. Таких же, как и у меня. Женеьев?

Сестра обнимала Раниона за шею, и даже отсюда я видела, что она хохочет. Казалось, ей нипочем треплющий волосы ветер, который швыряет в лицо снег.

Не знаю почему, но в душе поднялась злость. Нет, я была рада видеть Женеьев, я скучала, но то, как она появилась в замке, вызывало очень противоречивые эмоции. Почему меня задевает то, что Ранион принес ее сюда?

Сначала я даже не хотела их встречать, но потом подумала, что мое поведение отдает детским капризом, поэтому направилась к двери. Заметив это, Пэрсик встрепенулся, спрыгнул с дивана и, задрвав хвост трубой, потрусил впереди меня по недавно расстеленному ковру.

После того, как лапки перестали мерзнуть, кошка чувствовал себя полноправным хозяином замка и передвигался с гордо поднятой головой.

Смех я услышала, еще спускаясь с лестницы. Женеьев отряхивала снег с шубы и шапки, а Ранион смотрел на нее абсолютно безмятежным счастливым взглядом и улыбался. Пэрсик уже мчался к нему, чтобы со всего размаха запрыгнуть на плечо, а я чувствовала себя обидно чужой на этом празднике жизни. Этакая никому не нужная замарашка в безразмерном халате.

- Вал! - обернулась ко мне Жен. Улыбка стала еще шире, и сестра кинулась ко мне, намереваясь придушить в холодных, мокрых объятиях. - Я так скучала!

- Я тоже, - просипела я, - но, может, отпустишь? А то я задохнусь и буду вся мокрая.

- Не переживай, не задохнешься. И переоденешься. Мы привезли твои вещи. Пойдем, я посмотрю, как ты тут устроилась!

Сказав это, Женеьев деловито ухватила меня под локоток и потащила за собой на второй этаж. Я успела лишь бросить на Раниона растерянный взгляд. Ледяной только пожал плечами, всем видом показывая, что спорить с Женеьев не рискнет.

Сестра уехала от нас поздним вечером. Зато мы обзавелись кухаркой, которую она вызвала с помощью магической весточки, и это было просто отлично. А еще Жен убедила Раниона убрать наледь с мебели. И вообще построила всех, включая снежных духов и Пэрсика. Сестра удивительно гармонично смотрелась в этом месте и с Раном.

Угрызения совести за разрушенное счастье напали с новой силой. Если бы не мое проклятье, они были бы счастливы вместе. И сейчас Ран явно предпочел бы моему обществу ее. Вот только морозить Женеьев, в отличие от меня, жалко. Я - лишь бледная замена сестры. И придется смириться с этим фактом.

Не знаю, почему мне стало так больно от этих мыслей. Я даже ужинать с ним не стала, попросила принести все к себе в комнату. Потом планировала лечь спать, но обнаружила, что не хочу. Размышляя, чем заняться, подумала о том, что, наверное, в замке должна быть библиотека. Ну, теоретически? Даже если Ранион не страстный поклонник чтения, жил же тут кто-то и до него.

Комната без обледеневших стен выглядела не так загадочно, зато стала на порядок уютнее. Да и вешать одежду в незаледеневший шкаф было намного приятнее. Я переоделась в теплое домашнее платье и высокие меховые угги. Пэрсик решил спуститься на пол и теперь изучал наше с ним место жительства. Правда, по-моему, кот считал, что лично он живет везде. Он удивительно быстро освоился в ледяном замке и мог исчезнуть на час, а то и больше, а потом так же неожиданно объявиться. Иногда с пушистого хвоста и усов свисала паутина, и можно было только догадываться, где его мурчачество изволило лазить.

Замок, как всегда, пугал давящей на уши тишиной. В длинных и мрачных коридорах было промозгло, и я порадовалась, что захватила теплую вязаную шаль, которую положила Женеьев. Если живешь с ледяным драконом, не помешает утеплиться. Никогда не знаешь, в какой момент настигнет вьюга.

Казалось, по полу гуляет ветер, а вместе с ним летают снежинки. Возможно, Ранион был где-то недалеко. Или это его прислужники - снежные духи. Они предпочитали быть невидимыми и неслышимыми, поэтому когда появлялись, неизменно пугали меня.

Найти в огромном пустом замке библиотеку оказалось не таким простым делом. Я знала, что покои на третьем этаже занимал Ранион, на втором располагались гостевые комнаты, в одной из которых жила я. Стоило предположить, что кабинет и библиотека, как и гостиная, находятся на первом.

Единственным способом найти ее было последовательно открывать каждую дверь. И наконец мои усилия увенчались успехом. Я попала в уютную комнату с диваном, камином и стеллажами книг. И только одно в ней оказалось для меня неожиданным: восседающий в кресле ледяной, на коленях которого уютным клубком свернулся Пэрсик (и как мохнатая зараза успела быстрее меня?). В руках Ранион держал открытую книгу. – Ты же собиралась спать, Валенси? – прищурившись, спросил он, а я пробормотала «ой» и попыталась сбежать. Похоже, спокойный вечер за книжкой отменялся.

– Нет уж, раз явилась сама, заходи.

Ранион был непреклонен, и холодный лед в его глазах говорил, что лучше не спорить. Я снова попалась. Маленькая любопытная мышка, которая сама вылезла из норки. Впрочем, попытаться сбежать я все же обязана.

– Не хотела тебя беспокоить. Просто спать еще рано, а делать нечего. Решила, что библиотека – лучшее решение проблемы.

– Добро пожаловать в мою жизнь, – фыркнул он, кажется, вполне миролюбиво. – Выбирай, что нравится, – Ранион указал рукой на стеллажи. – И присаживайся.

– Да нет... пожалуй, я пойду. Зайду с утра.

Вся ситуация казалась настолько неловкой... Слова Раниона прозвучали наигранно, я смутилась, а в воздухе комом повисло тяжелое ощущение взаимного неудобства. Такое чувствуется в экипаже рядом с незнакомыми людьми, с которыми предстоит ехать целые сутки.

Пока я мялась на входе, Ранион сделал едва заметное движение. Мигом угадав намерения, Пэрсик спрыгнул с его коленей, а ледяной переместился и внезапно оказался прямо передо мной. Я пискнула и попыталась ретироваться, но дракон усмехнулся, и дверь за моей спиной гулко захлопнулась. А я оказалась зажата между моим ледяным кошмаром и стеной.

Его рука упиралась в дверь за моей спиной где-то на уровне моего уха. Я чувствовала исходящий от ледяного холод и поэтому невольно дрожала. Он был так близко, такой холодный, красивый и пугающий, что перехватывало дух. По радужке разливалась магия, окрашивая ее в неестественно голубой цвет, а ресницы из-за инея казались серебряными. Он был совершенным – мой ледяной кошмар. И именно поэтому стоило держаться от него подальше. От колдовских глаз, от сильных рук и холодных губ.

– Когда я смотрю на тебя, – начал Ранион низким хриплым голосом, не отрывая взгляд от моих губ, – то не знаю, чего мне хочется больше: убить тебя или поцеловать. Ты такая живая, теплая и красивая...

– А может, отпустить и напоить чаем? – без особой надежды спросила я, но, как ни странно, это возымело действие. Ранион хмыкнул и отступил, опустив руки. – Чай так чай...

Наваждение схлынуло. Ползущий мурашками по спине холод отступил, получилось выровнять сбившееся дыхание. Снежный вихрь уже закрутился в центре комнаты, являя не имеющего формы помощника Раниона, а когда дух исчез, на столике возле дивана уже стояли чайник, чайная пара и маленькие вазочки с вареньями и медом.

– Быстро... – кивнула я и присела, стараясь оказаться как можно дальше от ледяного. Он все прекрасно понимал, но не стал настаивать. Просто буравил меня пронзительным взглядом холодных глаз.

– Что читаешь? – попыталась я разрядить неловкую ситуацию и впилась взглядом в книгу.

– Так...

Он поднял книгу, чтобы была видна обложка. Та самая, знакомая. Книга, с помощью которой я его прокляла.

– У меня есть такая же... – холодея, прошептала я. Мне виделся в этом какой-то сакральный смысл, не зря же Ранион ее достал. Но ледяной в ответ на мой явный испуг только пожал плечами.

– Популярное издание. Когда-то она лежала на каждом прилавке. Эту мне подарил Дэвид сто лет назад. – Ранион улыбнулся. – Вот, попалась на глаза. Я и забыл, что она у меня есть.

– Я любила в детстве эту сказку, – отозвалась задумчиво, не в силах оторвать взгляд от обложки.

– Ну спасибо... – фыркнул ледяной. – Не могла любить какую-то другую историю? Возможно, и проклятья тогда не было бы.

– Возможно. – Я не стала спорить, предпочитая не уточнять: если ведьма решила проклясть,

сгодится любая история. В то время я любила и сказки про хомяков-оборотней. Понимала, что выросла из примитивных историй, но ничего не могла с собой поделаться. Так что Ранион должен быть благодарен. Мог бы стать не ледяным кошмаром, а хомяком-оборотнем. Вряд ли это лучше.

Ранион открыл первую, белую страницу, и осторожно провел по ней рукой. Раз, другой... А потом с раздражением захлопнул.

- Что ты делаешь? - спросила я, наткнувшись на злой взгляд.

- Иди сюда, - скомандовал он.

- Зачем?

- Иди же! Покажу одну вещь.

Я немного подумала, но потом послушно повиновалась. Ранион дернул меня за рукав и, словно Пэрсика, усадил к себе на колени.

- А если я отморожу... - начала я, но он отмахнулся.

- Ну, твоему же коту все нравится!

- Сдается мне, мы с ним несколько иначе чувствуем твои колени. Я словно в сугроб села! И если простужусь, это будет твоя вина!

- Конечно, Вал, - не стал спорить он. - Что бы сейчас с тобой ни произошло, это моя вина. А теперь дай руку и будь послушной девочкой. Чем дольше ты упрямисься, тем дольше морозишь свой зад. Лично мне все нравится, поверь. Даже более чем нравится. Так что можешь покапризничать еще.

Я протянула руку, все еще не понимая, что он хочет сделать, но когда он провел моей ладонью над белым листком, там начали проступать буквы.

«Для лучшего друга. Пусть твоя жизнь превратится в сказку».

- Что это? - удивилась я. - И почему у тебя не сработало?

- Потому что реагирует на температуру тела. Раньше мы так прятали подписи. Иногда писали записки на парах. Дэвид вот подписал книгу. Видимо, чтобы не портить разворот.

Я замерла с поднятой рукой. Что-то царапнуло сознание, а я не могла понять, что именно. Наверное, я бы зацепилась за убегающую мысль, но Ранион неожиданно обнял меня за талию ледяными руками и заставил вздрогнуть. Я действительно начала замерзать, сидя у него на руках, но, похоже, он не собирался меня отпускать. Только посмотрел в глаза и неожиданно попросил:

- Поцелуй меня, Валенси.

- Нет! - Я дернулась, но сбежать ледяной не позволил, удержав у себя на коленях. - Однозначно нет! Я не буду целовать тебя, Ран! У меня нет суицидальных наклонностей!

- Ну же, Валенси! Если поцелуешь меня, то сможешь держать ситуацию под контролем. Когда-то я думал, что вообще не смогу прикоснуться к живой девушке, не убив ее. А потом появилась ты...

- И меня стало не жалко? - скептически хмыкнула я. - Ты умеешь приободрить.

- Сначала да, не жалко. А потом интересно. Мне нравится касаться тебя, Валенси. И целовать тоже нравится. А еще сейчас я не хочу делать тебе больно. Поэтому поцелуй меня сама, иначе это сделаю я. И тогда не уверен, что смогу вовремя остановиться.

- Если я тебя поцелую... - Я невольно облизнула нижнюю губу и тут же почувствовала, что ледяные пальцы сильнее сжались на моей талии. - Ты меня отпустишь?

- Сегодня да... - тихо сказал он и чуть откинулся на спинку кресла, предоставляя свободу действий.

А я все медлила, осознавая одну вещь. Раньше возле него мороз пробирал меня до костей, даже если Ранион просто находился рядом. Сейчас в объятиях дракона мне, конечно, стало холодно, но зад еще не примерз к его коленям, и это было странно.

Решиться и поцеловать его оказалось невероятно сложно. Я изучала жесткую линию рта, серебряные ресницы, припорошенные инеем, неестественно бледную кожу. Смотрела на губы, которые тоже покрывал едва заметный, белесый слой инея. Я наклонилась и медленно слизнула его языком, пытаюсь отогреть ледяную статую и понимая, что это невозможно. Мне не стало холоднее, и я немного осмелела, накрыв его ледяные губы теплыми своими.

Ранион не двигался, позволял мне действовать самостоятельно. Несмотря на то, что его губы были холодными, они совсем не походили на часть безжизненной статуи – мягкие, охотно отвечающие. С каждым движением я все больше и больше ускользала из реальности. Сильные руки, сжимающие талию, уже не заставляли замерзать, а поцелуй сносил крышу.

Когда холодный язык коснулся моего, от невероятного взрыва ощущений закружилась голова. Под моим нежным напором его губы отогревались. Руки скользнули по спине, и я тихо застонала, полностью сдаваясь и теряя голову. Это было так необычно и страшно, но вместе с тем так упоительно, что я растерялась. Одновременно обжигающая страсть и тающий лед – вот что я чувствовала, когда целовала Раниона.

Поняв, что скоро совершенно потеряю контроль над своими действиями и мыслями, я просто выскользнула из его объятий и позорно сбежала. Он не стал меня преследовать, только тихо рассмеялся в спину. Тихо и подозрительно довольно.

Глава 16

Ночью я долго ворочалась без сна. И виной тому не только поцелуй с Ранионом, но и мысли, не дающие покоя. К тому моменту, как я забылась в поверхностном беспокойном сне, я поняла одну вещь: мне жизненно необходимо вернуться в Сноухельм. Потому что если я этого не сделаю, то просто не смогу спокойно спать и завтра. Вообще не смогу. Надо выяснить все раз и навсегда. Конечно, знание ничего не изменит, но объяснит многие спорные моменты.

А еще я смогу позволить себе мечтать хотя бы о том, что когда-нибудь Ранион простит меня. И наши снежные поцелуи перестанут быть игрой на выживание. Я обязана сделать это ради него. Нет. Обязана это сделать ради нас.

Проснулась я именно с этой светлой мыслью. Завтрак уже стоял на небольшом столике. Видимо, его принесли, пока я спала. Магия поддерживала тепло ароматного кофе и свежей выпечки. Все же моя сестра могла быть ужасно назойливой и вездесущей, но в умении создавать уют (пусть и дистанционно) равных ей не было. Кухарка работала отлично.

Я поела, оделась потеплее и вышла во двор. Раниона увидела издали и замерла, любуясь. Здесь была его мастерская. Ледяной находился довольно далеко, да и стоял спиной, поэтому не видел меня. А может, просто настолько погрузился в работу, что не замечал ничего вокруг. И именно эта его погруженность в процесс завораживала.

Когда-то давно, восемь лет назад, Ранион был подающим надежды молодым скульптором. Его магия позволяла работать с разными материалами, в том числе такими хрупкими и капризными, как лед. Он умел удерживать его форму даже при плюсовой температуре.

Видимо, творческая искра никуда не пропала, и ледяной по-прежнему творил. Лед в его руках был податливым и послушным. Он принимал форму, которую хотел Ранион. Сейчас из ледяной глыбы краем уха и одним хитрым глазом выглядывал очень реалистичный, только полупрозрачный и однотонный Пэрсик.

Ранион работал так сосредоточенно и увлеченно, что я не захотела его отвлекать. Просто наблюдала издали, затаив дыхание. Он был без рубашки. Видимо, так удобнее работать, а холод теперь его не смущал. Не нужно кутаться в тулупы и согревать пальцы магическими перчатками. Ледяной просто полностью отдавался процессу, не отвлекаясь на погодные условия и прочие мешающие сосредоточиться мелочи. Серебристые волосы заплетены в небрежную косу, на сильной, с ямочкой по позвоночнику спине при каждом движении перекачивались мышцы.

Дракон одновременно работал и магией, и стамеской. Из-под металла то и дело вырывались синие искры. С каждым движением скульптура становилась все более цельной и реалистичной. Только вот ледяной Пэрсик был раз в пять больше обычного. И, судя по внушительным клыкам, не такой безобидный, как оригинал. Но в то же время бесконечно родной, пушистый, с необыкновенными совиными глазами и кисточками на ушах.

Наверное, стоило подойти к Рану и обсудить мой отъезд. Но я просто не захотела разрушать момент, вновь испытывать неловкость, сбивать его творческое настроение, да и еще боги знают что! Наверное, понимала: разговор будет нелегким и обязательно разобьет волшебство момента и для меня, и для Раниона.

Поэтому я отступила и совершила очередную глупость – ушла.

Если повезет, то Ран меня даже не хватится. Я просто смотаюсь в город и обратно. На его крыльях, безусловно, было бы удобнее и быстрее, пешком холодно, далеко и снежно. Но, с другой стороны, в детстве этот путь мы преодолевали не раз. А обратно можно нанять экипаж. Если все сложится удачно, уже к обеду я вернусь.

Сбежать оказалось очень просто. Никто меня не стерег, погода благоволила. Сразу было понятно, что ледяной дракон находится в спокойном и благодушном настроении.

Все изменилось в один миг. Я поняла, что он заметил мою пропажу, тогда, когда небо затянули сизые тучи и первый порыв ветра едва не сбил меня с ног.

Какая же я идиотка! Надо было хоть записку оставить. Хоть как-то намекнуть, что я ушла не насовсем. Что он мог подумать? Что я кинула его и пытаюсь улизнуть? Но ведь это совсем не так!

Бежать было бесполезно, поэтому я остановилась, озираясь по сторонам и пытаюсь отыскать ледяного в бушующей метели. Но он злился и не спешил показаться мне на глаза.

– Ран! – закричала я, пытаюсь отгородиться от царапающих кожу снежинок. – Ран! Я не думала уходить! Правда! Ну, перестань уже!

Но непогода усиливалась. На мои вопли никто не отзывался. Не осталось ничего кроме как повернуть назад. Порыв ветра толкнул меня в спину. Я едва удержала равновесие и медленно побрела по сугробам в сторону замка.

Идти туда было проще, но едва я пыталась развернуться, как снежинки закручивались в вихри, холодало и непогода сбивала меня с ног. Вот ведь мерзавец! Как мог, намекал на то, что уходить от него не стоит. Но и вернуться не помогал.

К тому времени, как я добралась до замка по сугробам, утопая по колено там, где совсем недавно была вполне приличная тропинка, совсем выбилась из сил. Я готова была свалиться на ступеньки и умереть прямо там, но все же шла, ведомая лишь гордостью и злостью.

С нехорошей улыбкой на ледяных губах Ранион ждал меня у входа в замок. Он выглядел безупречно, как всегда. Длинные серебристые волосы, иней на ресницах, холодный взгляд и алебастровое тело – поджарое, стройное, с мышцами, которые можно было без труда разглядеть через тонкий шелк рубашки. Его волосы не лезли в лицо, не слиплись в некрасивые сосульки, не было таких же красных, как у меня, щек. И его не шатало.

– Ну что? – отстраненно сказал он, разглядывая меня с изрядной долей брезгливости. – Нагулялась?

– Да пошел ты! – рыкнула на него я и направилась вверх по ступеням. Думала, дракон попытается меня поймать, остановить, но нет. Ледяной остался стоять неподвижно. Зато дорогу попытался перегородить снежный кот, который был увеличенной версией моего Пэрсика. Он угрожающе шагнул ко мне, но я была слишком зла, чтобы идти на поводу у всяких там ледяных комков пуха. Пусть они и доходили мне до середины бедра, и верю, были смертоносными. Я только взглянула в его сторону и буркнула:

– А ну-ка брысь!

Кот тут же присел на лапы, став мигом похожим на гигантскую снежную гусеницу, прижал уши и попятился. Не знаю, как Ранион это сделал, но повадки у этого снежка-переростка были такие же, как у Пэрсика. Ну и моего грозного «брысь» он испугался не меньше.

А я гордо задрала подбородок и, чувствуя себя победительницей, пошла к своим покоям. Не знаю, что там себе думал Ранион, но я на него злилась. Подозреваю, и он на меня тоже, а значит, наше короткое перемирие снова было нарушено.

К себе я прошла, словно маленькая, демонстративно и громко топая ногами по ледяным ступеням. Скинула шубу на пол и забралась с ногами на диван. Пэсик протестующе мякнул, когда я сгребла его в охапку, но, чувствуя мое настроение, вырваться не стал.

Я была расстроена и зла на себя за то, что сделала глупость. Наивно было рассчитывать, что Ранион не заметит моего ухода. Злилась и на него, потому что не попытался разобраться. И на весь белый свет, потому что – вот. Последний аргумент был самым весомым.

Ранион не заставил себя ждать. Оставить незамеченным мой уход он, конечно же, не смог. Тоже злился. Я отсюда слышала, как завывает на улице ветер. За внешним ледяным спокойствием скрывалась буря эмоций, из-за которой снова заметет все дороги.

– Вот почему, как только мне начинает казаться, что ты не так плоха, как я себе вбиваю в голову, ты обязательно все портишь очередной выходкой?! – без предисловия начал он, полыхнув синевой глаз.

– А почему, едва я начинаю думать, что с тобой можно сосуществовать, ты меня пытаешься убить?! – не осталась в долгу я, соскочила с кровати и замерла перед ним, стараясь не отвести взгляд. Сейчас мне было наплевать, насколько он холодный, наплевать на подчиняющуюся ему стихию. Я просто хотела кинуть в Раниона Пэрсиком, потому что ничего другого под руками не было.

Не знаю, как пушистый разгадал мои намерения, но из рук вывернулся весьма бодро и свалил под кровать. Чуйка у него была развита отлично. Он точно знал, когда стоит спрятаться и не отсвечивать. Мы с ледяным замерли, сверля друг друга гневными взглядами. Казалось, воздух буквально дрожит от бурлящего в нас напряжения, которое рано или поздно должно выплеснуться наружу. Другого способа избавиться от него просто нет.

– Неужели ты не поняла, Валенси, что бесполезно бежать, если я не хочу тебя отпускать? – уточнил Ранион, усиливая напряжение, заставляя меня буквально искрить. Воздух сгущался, становилось тяжело дышать. Хотелось сорваться на крик, ударить его или, может быть, все же поцеловать?

– Неужели ты не понял, что я не идиотка? – прошипела, сохраняя спокойствие из последних сил. – Я не собиралась сбежать! Мне просто нужно было съездить к Жен. Надоело чувствовать себя пленницей!

- Ты успела так быстро соскучиться по своей сестре? - Кажется, Ранион не поверил. - Она вчера развлекала нас целый день. Тебе мало? Хочешь позвать снова?

- Не совсем по ней, - призналась, выдыхая. - Нужно было кое-что проверить.

- А почему не сказала мне?

Я смущенно пожала плечами.

- Ты был занят. Делал ледяного Пэрсика. Я не стала тебя отвлекать, не хотела сбивать настрой, не хотела ругаться... Не знаю, короче! - совсем стушевалась я, а он внимательно посмотрел на меня и нерешительно шагнул вперед.

- То есть ты не собиралась сбежать? Ты беспокоилась обо мне?

Кажется, в его словах прозвучала издевка, поэтому отвечать я не стала. Просто пожала плечами.

- И зачем же тебе потребовалось к Жен?

- Именно поэтому я тебе ничего не сказала. Знала, что не сможешь отпустить, не устроив допрос.

- А ты не хочешь отвечать?

- Я не хочу отвечать. Все верно.

- И почему же, Валенси?.. - поинтересовался он, сокращая разделяющее нас расстояние до минимума.

Но я была так зла, что сейчас даже не ощущала исходящий от него холод, словно рядом со мной стоял совершенно обычный человек.

- Потому что не знаю, что сказать. Потому что в голове появилась одна бредовая мысль, и я хочу проверить степень ее бредовости. Это не значит, что я не расскажу тебе об этом после. Просто... - Я сглотнула. - Возможно, и рассказывать не о чем. Так какой смысл обсуждать это сейчас? Думала выяснить одну вещь и вернуться. Не понимаю, зачем делать из этого проблему вселенского масштаба?

- Это связано со мной и проклятьем? Так ведь? Не бери в голову, Валенси. То, что сделано, изменить нельзя. Неужели не понимаешь, я такой, как есть. Холодный. - Он коснулся пальцем линии моих губ, а потом провел по щеке, заставив меня вздрогнуть. - Почти неживой.

- Сейчас ты не кажешься мне холодным, - призналась я, вставая на цыпочки и потянувшись за его рукой. - И думаю, что ты живее многих, - добавила нерешительно и зачем-то прильнула ближе, обнимая руками за шею.

А вот поцеловал меня он сам.

Лед и пламя, пробегающий по коже мороз и загорающийся внутри огонь - именно так я чувствовала сводящий с ума поцелуй Раниона на своих губах. Я невольно льнула к ледяному всем телом и отвечала, захлебываясь в невероятных ощущениях. Таких необычных, сводящих с ума.

Сильные руки медленно расстегнули молнию и коснулись обнаженной кожи между лопаток. Словно кубик льда скользнул по разгоряченной спине. Я вздрогнула, но только прижалась сильнее, понимая, что с каждым моментом то ли я остываю и перестаю чувствовать его холод, то ли он нагревается.

Я не хотела думать о том, что мы творим и как это скажется на нашей дальнейшей жизни. Просто целовала его в ответ, исследовала руками сильные плечи, чувствовала, как под ладонями напрягаются мускулы, и теряла разум рядом с ним.

Платье упало к ногам, и я неосознанно прильнула к Раниону в поисках тепла, забывая о том, что его прикосновение способно заморозить. Нет, он не оттаял, но, возможно, замерзла я, потому что его прикосновения сейчас дарили только наслаждение. Он не был холодным. Обычный желанный, сводящий с ума мужчина, на ресницах которого никогда не тает иней.

Ранион подхватил меня на руки и шагнул к дивану, аккуратно опуская меня на пушистый плед. Навис надо мной, отрываясь на секунду, давая возможность передумать. Но я боялась этой передышки, боялась начать анализировать, боялась, что схлынет адреналин и я снова стану замерзать рядом с ним. Мне так нравилось ощущать его объятия, целовать и прикасаться к его коже, которая была такой упругой и теплой, что становилось страшно от мысли, что наваждение развеется, как сон. Я не могла этого допустить. Даже если это мне кажется, даже если это я сама замерзаю - неважно. Я готова отдать за этот миг все на свете. Думаю, и он тоже.

Дыхание Раниона сбивалось, рубашка полетела на пол, за ней последовали и штаны. А я обхватила ногами его бедра, теряясь в ласковых руках, в дурманящих поцелуях и одном на двоих дыхании.

Он действовал осторожно, подстраиваясь под меня, стараясь не сделать больно, но по сбивающемуся дыханию было видно, что дракон с трудом сдерживает себя. И мне тоже не нужна была сейчас нежность, не в этот момент. Хотелось быть с ним до конца, до рушащегося на голову неба, до вьюги за окнами.

Я подалась ему навстречу, потянула на себя, заставляя сделать самое важное движение.

- Что ты творишь со мной, Валенси? - хрипло выдохнул он, сдаваясь, глубоко проникая в меня, заставив на секунду замереть и вскрикнуть, а потом поймать его ритм и раствориться в самом лучшем, в моем неповторимом ледяном кошмаре, который сейчас отогревался только для меня.

Я доверчиво прижалась к его плечу, а он запутался пальцами в моих волосах. Глаза открывать не хотелось. Боялась, что волшебство момента будет полностью разрушено. Ранион молчал. Я тоже, не желая спугнуть словами хрупкое ощущение счастья. Неужели это все и проклятья больше нет?

- Ты ведь не думаешь, что все так просто? - очень тихо спросил он, словно угадал мысли.

Я открыла глаза и повернулась, поймав колдовской синий взгляд из-под припорошенных инеем ресниц.

- В твоей книжке проклятье снималось именно так, - пояснил он тихим голосом.

- А оно и снялось. - Я блаженно потерлась о теплую кожу на его груди.

- Посмотри на меня, Вал, - велел он. - Разве я оттаял? Я все еще чувствую лед, который растекается по венам. Мне только рядом с тобой становится теплее. Я так и остался ледяным чудовищем.

- Не для меня.

Ледяной тихонько засмеялся и поцеловал меня в макушку.

- Знаешь, зачем я вчера делал ледяного Пэрсика? - сменил он тему, а я приподнялась на локте, чтобы видеть его лицо. - Понял, что должен тебя отпустить. А когда ты уйдешь, у меня не останется ничего. Тогда я создал себе снежного Пэрсика. Это, конечно, не оригинал, но подходит мне гораздо больше. Он останется со мной. Как спутник и единственное воспоминание о том времени, когда мне было чуточку теплее.

- А если я не хочу уходить? Если мне хорошо и так? Да и Пэрсика тоже.

- Рано или поздно тебе опротивеет жить в вечной мерзлоте. Даже если сейчас на какой-то миг ты решила иначе. Еще пару дней назад ты мечтала сбежать.

- Пару дней назад ты ненавидел меня, Ран. И я хотела сбежать не от тебя, а от твоей ненависти.

- Я пытался ненавидеть тебя, но это очень сложно. И я просто выплескивал боль оттого, что прекрасно понимал: проклятье разрушить нельзя. Но сейчас, когда я могу касаться тебя и при этом не бояться, что ты замерзнешь, пожалуй, я готов с ним смириться. Но вот готова ли ты? Не уверен.

- Ради тебя я готова на все. Ты оттаял для меня и, похоже, для Пэрсика. Не зря же он уже давно облюбывал твои колени. Все остальное неважно.

- Сейчас неважно, - грустно отозвался Ранион и притянул меня, укладывая мою голову на свое плечо. Так мы и уснули.

Проснулась оттого, что что-то щекотало мой нос. Открыла глаза и обнаружила перед глазами лохматое ухо Пэрсика. Кот вытянулся между мной и Ранионом, раскинул толстые лапки, разложил хвост вдоль моей ноги и с наслаждением дрых, прижимаясь к Раниону пушистым боком. Это было так волшебно и хорошо, что я не могла поверить в свое счастье. Неужели мой ледяной кошмар сменился снежной сказкой? А такое вообще бывает? Не верилось, что у мироздания нашлось немного счастья для меня и моего ледяного дракона.

- Ты ведь отпустишь меня к Жен? - попросила я, едва Ранион открыл глаза.

- Не-а... - сонно пробормотал он.

- Но... - возмутилась я.

- Сам отвезу, - перебил мои возмущения он. - У меня дела в городе. Или ты думаешь, что я исключительно навожу кошмары на жителей долины и больше ничем не занимаюсь?

- Вообще-то... да, - неловко призналась я.

- Ага. И питаюсь я не иначе как святым духом и снежками.

- А чем ты занимаешься? - удивилась я, понимая, что об этом даже не задумывалась.

- Тем же, чем и планировал раньше, когда был обычным стихийником. Скульптурами из льда. Неожиданная профессия для ледяного кошмара, не так ли?

- Удивил, - призналась я.

- Мои работы пользуются спросом. Они не тают, пока я не захочу. Можно заказать вечную, но очень дорого. Обычно заказывают скульптуры, которые сохраняют форму месяц-два. Причем неважно, в каких условиях. Можно везти их хоть на юг, хоть куда угодно. Не нужно специальных холодильников или амулетов, постоянно поддерживающих температуру. У меня много постоянных клиентов.

- И они...

- Да, они знают, что я сам заморожен насквозь, но относятся к этому философски. Поверь, я не самая странная фигура в мире искусства. Мои заказчики и не такое видели. Им важно качество и мои неординарные способности.

- Тогда я - собираться?

- Подожди, - попросил он, притягивая меня к себе. - Полежи еще немного со мной? Хорошо? Никуда Женевьев не сбежит, а мне почему-то очень важно продлить подольше это утро. Наверное, я боюсь, что оно может просто больше не повториться.

- А твои заказчики подождут? - встревожилась я.

- Даже не переживай на этот счет, - хмыкнул Ранион, повернулся ко мне и, игнорируя Пэрсика, поцеловал, пытаясь прижаться всем телом. Кот между нами возмущенно завозился и сбежал, а мы снова выпали из времени и пространства, потому что поцелуи были такими крышесносными, что прекратить их не хватало решимости ни у него, ни у меня.

В сторону Сноухельма мы выдвинулись, а точнее, вылетели ближе к обеду. Ранион оставил меня в вихре снежинок у входа в дом Женевьев и отправился по своим делам.

- Вал? - удивилась Женевьев, застыв на пороге с ключами. За руку она держала Китти, которая была одета в симпатичную розовую шубку и розовую шапку с огромным помпоном.

- А мы пошли учиться рисовать! А потом меня оттуда заберет тетя Мэри! На целую ночь! - радостно поделилась со мной малышка.

- Мы и правда уже опаздываем! Поэтому возьми ключи и поставь чайник! Я скоро вернусь, только отведу Китти! - напутствовала меня Женевьев.

- Жен, - остановила сестру я. - Скажи, а ты забрала у Дэвида мою книгу?

- Историю про ледяного дракона?

Сестра ни минуты не колебалась. Н-да... вот такой я любитель читать. Ни для кого не секрет, какая у меня любимая книга, потому что она одна.

- Именно.

- Она у Китти в комнате, ей очень понравились картинки. Главное, не забудь про чайник!

- Поставить или выключить? - хмыкнула я.

- И то и другое! - крикнула Жен уже с улицы, а я прошла в дом.

Оставила одежду на входе, поставила чайник и поднялась на второй этаж. Книжка лежала на кровати Китти, раскрытая на рисунке красивого ледяного дракона. Но рисунки меня не интересовали. Нужно было проверить нечто другое.

Перевернув страницы, уставилась на чистый форзац. Еще давным-давно мне было интересно, кто подарил эту книгу. Я нашла ее среди подарков под елкой. В тот год, когда Ранион и Женевьев начали встречаться. Тогда он отмечал Новый год с нами, и долгое время я думала, что книга - это подарок от Рана. Тогда он вручил мне красивую куклу, но почему-то и книгу я ассоциировала с ним.

В тот год у нас собралось много гостей. Дядюшки, тетушки, которых я больше никогда не видела, кузены. Книгу мог подарить кто угодно, но после разговора в библиотеке с Ранионом я вспомнила еще одного гостя. Женевьев позвала на праздник Дэвида. Он уехал очень быстро. Видимо, рассчитывал, что за приглашением Жен кроется что-то большее, нежели дружба, но увидел ее с Ранионом и все понял. В блеске того праздника о нем забыли.

Я провела рукой над белоснежным листом, осознавая, что именно должна там увидеть. Какая-то часть меня считала, что все это глупости, но нет. На пустой странице проявилась очень знакомая подпись, сделанная той же ручкой и тем же почерком, что и в книге Рана. Эту историю мне, как и ему, подарил Дэвид.

После того как я проявила подпись, она так и осталась на форзаце. А вот я попятилась от книги, словно от прокаженной. Значило ли это что-то? Я не знала и не могла соображать. Но понимала одно: я обязана сказать об этом Раниону. Мелькнула мысль поделиться догадками с Женевьев, но я ее отменяла.

Жен и так злилась на Дэвида. С сестры станется, она тут же помчится со сковородкой наперевес выбивать правду из бывшего мужа, а я не была уверена в том, что это хорошая идея. В голове, словно осколки разбитой вазы, звенели воспоминания, ничего не значащие по отдельности. Нужно было собрать их воедино и понять, что именно произошло даже не восемь лет назад, а раньше. Дэвид умел быть незаметным. Казалось, он почти не появлялся в тот год у нас дома, но нет. Воспоминания о нем просто затмил яркий и харизматичный Ран, но сам Дэвид никуда не делся и незримо присутствовал в нашей жизни. И общался со мной. Я начала вспоминать незначительные намеки и фразы.

«Ранион всегда любил рыжих, – делился Дэвид со мной, пока я пила какао в столовой, а он ждал Женевьев и Ран. – Правда, ему всегда больше нравились нежные и беззащитные, как ты. А не ураган, который приставляет собой твоя сестра».

Или: «Ты любишь снежные легенды, Рыжик?»

Раньше я не придавала этому значения, но моментов было так много, что требовалось все осмыслить. Я выбежала в коридор и начала поспешно одеваться, когда на пороге появилась Жен.

– Валенси, ты куда? – удивилась она.

– Прости, Жен, мне срочно нужно уйти! Это правда важно!

– Куда? Зачем?

– Все потом! – отмахнулась я.

– Ну ладно... – Она растерянно пожала плечами и прошла на кухню. – Ну, Вал! – заорала уже оттуда. – Я же просила не забыть про чайник!

– Извини! – буркнула я и умчалась прочь.

Глава 17

Женевьев задумчиво посмотрела вслед Валенси. Потом вздохнула, взглянув на закопченный чайник, и направилась к раковине, чтобы его отмыть. Но замерла на полпути, бросила кухонное полотенце на край стула и рванула на второй этаж. Вал не просто так сбежала, она что-то увидела, и это что-то заставило ее переживать. Вопрос, что именно?! Что сестра могла обнаружить в той злополучной книжке, которая стала началом кошмара, длящегося восемь лет?

Книга небрежно лежала на кровати, открытая на первой, совершенно пустой странице. Ни символов, ни подписей. Ничего. Что нашла Валенси? Женевьев взяла ее, повертела в руках и, догадавшись, замерла. А потом сделала то, что раньше не приходило в голову: провела ладонью над пустым листом и удивленно уставилась на знакомую подпись.

- Дэвид? - потрясенно пробормотала она, схватила книгу под мышку и спустилась в гостиную. Положила ее на стол и уставилась, словно на диковинного зверя.

Руки жили своей жизнью, как и голова. Жен сто лет не практиковалась в настоящей магии, но знания, полученные в академии, еще остались, и заклинание получилось легко. Сизая дымка окутала книгу и потом растворилась, а на обложке осталось огромное черное пятно. Оно как червоточина отпечаталось на всех листах.

- Что же ты натворил, мерзавец! - прошипела Женевьев, схватила книгу двумя пальцами и кинула в камин. Она шепнула пару слов, поленья и бумага вспыхнули. «И эта дрянь была в доме столько лет! - возмущалась про себя Женевьев. - Ею играла Китти! Как он мог допустить подобное?!»

Жен даже не стала дожидаться, когда в камине осядет пепел. Она накинула шубу и без раздумий вышла на улицу. Бывшего мужа ждал очень серьезный и очень неприятный разговор.

- Жен? - Дэвид неосмотрительно обрадовался, когда увидел ее на пороге. - Какими судьбами? Ты одумалась?

- Нет, Дэвид! - Женевьев решительно вошла в дом и, не разуваясь, двинулась в комнату. - Я просто узнала, что ты натворил! Как ты мог?

- О чем ты? - нахмурился он, пытаясь разобраться в такой бурной реакции.

- О твоей любви к проклятиям. Это ведь не Валенси... - разгневанно прошипела Женевьев. - Ты просто использовал ее силу! Какой же ты мерзавец!

- Не понимаю, о чем ты говоришь, - начал Дэвид, отступая. Но глазки бегали, а Женевьев слишком хорошо его знала и понимала, что это значит.

- Ты ведь очень давно все спланировал. Я уничтожила книгу. Зачем ты ее оставил?

- Ну... - Дэвид замялся, что-то нашаривая у себя за спиной. - Это была моя лучшая работа. Стало жалко.

- Думал, пригодится еще раз? Скажи, зачем?

- Я любил тебя, - всхлипнул он. - Понимаешь, Жен, любил. А тут ты познакомилась с Раном. Рядом с ним я всегда становился невидимкой. Но отпустить тебя я был не готов, поэтому и подарил Валенси книгу, в которую поместил проклятье. Мощное и черное. Осталось только подождать, когда она активирует его невольной мыслью или случайно вырвавшимся словом.

- Зачем было впутывать мою сестру?

- Так было проще. Я же говорю, Ран обладал природным обаянием. Он не мог не понравиться Валенси, особенно если направить ее мысли в нужное русло. Это было несложно. В итоге ей требовалось просто разозлиться и неосторожным желанием активировать проклятие. Это должно было произойти намного раньше, но Валенси добрая и стойкая девочка. Думал уже, что ничего не выйдет. Но тут вы... со своим объявлением о помолвке. Мы с Валенси страдали на пару, только вы не замечали этого.

- Какой же ты мерзавец, Дэвид! Ты ведь понимаешь, что это конец! Я расскажу Раниону все. Он не должен злиться на Вал. Сестра ни в чем не виновата! Но она винила себя все эти восемь лет!

- А вот это вряд ли, - неожиданно жестко сказал Дэвид и достал из-за спины нож, лезвие которого было покрыто инеем.

- Ты сбрендил? - удивилась Женевьев. - Меня убить хочешь? - хмыкнула она. - А как же любовь до гроба?

- Ранион не должен знать то, что узнала ты. Этот нож хранит остатки того самого проклятья. Никто не поймет, как ты погибла. Все будут считать, что ты пала жертвой ревности своего полоумного жениха.

- Спустя восемь лет? - Женевьев все еще не верила, что Дэвид серьезно планирует ее убить, но страх уже поселился липким комком в груди.

- Ну кто его, больного на голову, поймет.

- Дэвид, это бред. Валенси видела надпись. Она знает, что книгу подарил ты.

- Ну и что? Это не преступление.

- Ты же говорил, что любишь меня! - всхлинула Жен, безуспешно пытаясь придумать, чем себя защитить.

- А я и любил. Женевьев, а вот ты хоть немного любила? Прячешь глаза? Ты никогда не любила меня, я был лишь неравноценной заменой ему.

Я примерно представляла, как найти Раниона. Он оговорился, в каком месте будет проходить встреча. Это было не так уж и далеко, всего в паре кварталов от дома Женевьев. И неслась я туда без раздумий. Необходимо рассказать ему все, и как можно быстрее. Такая незначительная деталь, как подпись в книге, запустила маховик воспоминаний. И мне совсем не нравилось то, что всплывало в памяти. У меня не было доказательств. Не исключено, что все это лишь мои домыслы. Но я должна рассказать о них Раниону. Вместе мы пойдем, что делать с этими догадками, и выясним, что случилось восемь лет назад.

Ранион встречался с заказчиком в одной из кофеен на центральной улице Сноухельма. Я нерешительно замерла в дверях. Стало неловко отвлекать. Вдруг помешаю? Но он заметил меня сам и помахал. Здесь, в помещении, где все были без верхней одежды, ледяной смотрелся вполне гармонично. Нечеловеческое в нем выдавали только неестественно светлая кожа и не тающие льдинки в волосах.

- Проходи, - улыбнулся он и указал на место рядом с собой. - Присаживайся. Подожди немного, я скоро освобожусь.

Его заказчик, уже немолодой господин, лишь бросил на меня равнодушный взгляд и поздоровался. Мужчины вернулись к обсуждению, а я присела рядом с Раном. Незаметно коснулась рукой его локтя и выдохнула, не почувствовав обжигающего холода. Волшебство прошлой ночи не разрушилось и никуда не исчезло. Все было правдой.

Ледяной бросил на меня хитрый взгляд и улыбнулся уголками губ. Понял, что я сделала.

Официант принес кофе со взбитыми сливками и коричной палочкой, но даже он меня не обрадовал. Я дергалась, и неясное волнение нарастало с каждым мигмом. Видимо, Ранион почувствовал это, потому что свернул разговор со своим собеседником и вежливо попрощался. А едва тот встал из-за стола и ушел, дракон повернулся ко мне.

- Ты встревожена. Что произошло? Или узнала то, что заставляет тебя переживать? Ты сама не своя.

- Кое-что узнала, - уклончиво ответила я. - Кое-что вспомнила. И мне это очень и очень не нравится.

Я поспешно рассказала то, что удалось выяснить, и замолкла, ожидая его вердикта.

- Жен знает? - нахмурившись, спросил он, а я отрицательно помотала головой.

- Она же сумасшедшая! Помчится выяснять! А мне страшно за нее. Если Дэвид способен на что-то подобное, мне страшно оставлять с ним сестру, хоть она и умеет за себя постоять. Но она видела, как я убежала. И поняла, что я встревожена.

- То есть может догадаться?

- Не знаю, - я пожала плечами. - Это же Жен, от нее всего можно ожидать. Интуиция у нее всегда была развита хорошо.

- Тогда пошли быстрее. - Ранион решительно поднялся.

- Куда? - удивилась я.

- Говорить все Жен и выводить Дэвида на чистую воду. В этой истории нужно поставить точку. И

так слишком много лжи, недосказанности и боли. Хватит. Я потерял восемь лет жизни и не хочу потерять еще.

Он схватил меня за руку и потащил к выходу, а я зажмурилась от удовольствия. Ладонь была приятно прохладной, прикосновение не доставляло дискомфорта. Интересно, когда Жен смеялась в его объятиях после ледяного полета, она тоже не чувствовала обжигающего, выворачивающего наизнанку холода?

Почему-то мысль об этом заставила поморщиться. Я примитивно ревновала. Хотелось, чтобы Ранион был теплым только для меня, и ни для кого больше. Пусть это и проявление эгоизма в самой отвратительной форме. Но было приятно думать, что любая, кто попробует к нему приблизиться, рискует превратиться в ледышку!

Дома Жен не оказалось, это расстроило и выбило меня из колеи. Запертая дверь и тишина.

- И что делать? - несчастно спросила я Раниона.

Он пожал плечами.

- Гулять? Пить кофе, бродить по набережной. Как тебе эта идея? Никуда Жен не денется. Вернется домой, и обговорим все с ней.

Я нерешительно кивнула. Идея была хороша, и в любой другой ситуации я осталась бы от нее в восторге, но сейчас мне было не по себе. Бросив взгляд на другую сторону улицы, я нашла глазами окна квартиры Дэвида. Неясный мелькнувший силуэт заставил сердце сжаться. Рука с занесенным ножом. Может, бред, может, глюк, но я не могла его проигнорировать. Крикнула Раниону короткое «там» и бросилась в подъезд. За мной последовала метель из тысячи снежинок.

Дверь была открыта, и я залетела в знакомую прихожую без стука, уже на ходу крича:

- Жен!

Она в позе изломанной куклы лежала на полу. Бледная кожа, синеватые губы, распахнутая шуба и рассеченное пониже ребер платье. Рана оказалась глубокой и ужасной, только крови почему-то не было. Лишь примороженные края, словно тут приложил руки Ранион. Но он был со мной! А значит, к этому причастен Дэвид!

Мои догадки были верны, и Жен сумела сложить два и два. А может, знала чуть больше, чем я. Например, о магических талантах Дэвида. Она, моя сестренка, умела делать выводы. Только вот действовала иногда поспешно. Почему не дождалась меня? Почему кинулась первым делом к своему мужу, а не к Раниону, который сумел бы ее защитить, как защищал меня, даже тогда, когда считал, что ненавидит? Никогда не воспринимала Дэвида всерьез? Или думала, что его любовь настолько слепа, что он не сможет причинить ей вред? Как же ты могла быть так наивна, Жен?

- Зря ты пришла, Валенси, - холодно произнес Дэвид из угла комнаты. Он сидел в кресле, поэтому я не сразу его заметила. Бледный, с дрожащими руками, в которых он сжимал нож, словно сделанный из льда. - И зря сделала это одна.

- А кто сказал, что я одна? - спросила я, падая на колени перед сестрой и чувствуя, как метель сзади меня сгущается, но не принимает человеческую форму.

Дэвид все понял и кинулся бежать, но дверь была перекрыта пургой, поэтому бывший Жен ринулся к окну. Но нельзя сбежать от стихии. Жаль, что он, похоже, еще этого не осознал.

Только упав на колени возле сестры, я поняла, что Женевьев все еще жива.

- Жен... - прошептала я, чувствуя, что глаза наполняются слезами. Ее ладонь была холодной, и кажется, продолжала стремительно остывать. - Открой глаза, Жен! Пожалуйста!

- Вал? - слабо прошептала Жен и дернулась, видимо, пытаюсь встать. - Дэвид... он...

- Лежи, тебе нельзя вставать! - Я мягко нажала на ее плечи, заставляя снова лечь и расслабиться. - Не переживай, тут Ранион! Мы знаем про Дэвида. Не все, конечно, но я догадалась, что проклятье - не только моих рук дело. Все завязано на той книге.

Я подвинулась, позволяя сестре разглядеть, что происходит в комнате. А Жен почти не смотрела. Ей было все равно. Сестра начала рассказывать историю, постоянно сбиваясь и задыхаясь. Она словно боялась, что не успеет пролить свет на все.

- Ранион, я все объясню! - завопил Дэвид. Ему было несложно перекричать слабый голос едва живой жены. - Это Женевьев, это все она!

Вихрь из снежинок приобрел очертания человека. Ранион не выдержал. Его глаза сейчас сверкали синим, а волосы развевались за спиной, словно хищные ледяные змеи.

- Дэвид, ты убил ту, которую я очень любил. Ту, которую ты забрал у меня. Это ведь ты ее забрал. Думал, я не догадаюсь? - прищурился ледяной, и в комнате стало холодно, будто мы оказались на улице в сильный мороз.

- Это все придумала она! - снова заистерил Дэвид без зазрения совести, показывая пальцем на Женевьев.

- Он врёт, - очень тихо простонала Жен, и в ее глазах мелькнул ужас. Только я могла в полной мере понять, что именно он значит. Жен боялась, что умрет и не сможет ничего сказать в свою защиту. Что мы поверим Дэvidу и никогда не узнаем правду.

- Тихо, - всхлинула я. - Успокойся. Я знаю, что ты не подставила бы меня и никогда не предала бы Раниона. Это он врёт! Очевидно. Я верю тебе без сомнений. Абсолютно верю. Правда.

- Дэвид, вот в этом весь ты. Нагадить исподтишка и свалить вину на другого, - с презрением припечатал Ранион. - Ты был таким даже в детстве, сейчас ничего не изменилось. Я долго спускал тебе с рук и то, что ты занял мое место, едва появилась такая возможность, и то, что притащил в город этого двинутого Дилана, и то, что по твоей милости едва не убили Валенси. Но это... Жен... Жен была последней каплей.

- Ей все равно не выжить! - всхлинул Дэвид. - Я не хотел, чтобы ты знал! Просто надеялся сохранить нашу дружбу.

- Нет, Дэвид, единственное, чего ты хотел, - сохранить свою шкуру. Ах да, еще получить что-то, принадлежащее мне. Но ты же в курсе, я всегда все узнаю. Рано или поздно. Что ты с ней сделал? Что ты сделал с Женевьев?

Дэвид дрожащей рукой вынул из-за спины нож, который сжимал побелевшими от напряжения пальцами.

- Это ты мне его показываешь или угрожаешь? - не понял Ран, но на всякий случай одним выверенным движением выбил оружие из руки Дэвида.

- На стали остатки проклятия... - признался маг и покорно прислонился к стене. Я смотрела в его потерянное лицо. Именно так выглядело смирение. Дэвид знал: ему не простят то, что он натворил. И был готов к расплате.

Ранион простил ему меня, но не простит Женевьев...

Боль ударила прямо в сердце так неожиданно, что я едва не задохнулась. Оказывается, осознавать, что ты лишь жалкая замена, - это так мучительно... Наверное, Дэвид чувствовал такую боль неоднократно и многие годы. Но вряд ли это его оправдывало. И тогда, и сейчас.

Я наблюдала за ним без жалости. Рядом из последних сил сжала мою руку Женевьев. Наверное, ей было страшно смотреть, как умирает отец ее ребенка.

- Позаботься о Китти, - попросила сестра. - У нее никого не останется.

- Ты будешь жить, - упрямо возразила я, не давая воли слезам. Сказала это с такой уверенностью, будто и правда ее испытывала. - Ты будешь жить!

Дэвид не пытался сопротивляться, когда по его ногам поползла ледяная корка. Он лишь тихо поскуливал, прикрыв глаза. Наверное, он это заслужил, я не вправе такое решать. Ранион даже не стал дожидаться, когда бывший друг превратится в ледяную статую. Он оттеснил меня на полу и бросился к Жен. Она тут же встрепенулась и отыскала глазами его лицо.

- Я ведь действительно любила тебя, Ран, - призналась сестра едва слышно. - Всем сердцем. Ты был моим миром... Зачем Дэвид его разрушил? Он убил меня, не задумываясь. Значит, ему была нужна не я?

- Просто себя он всегда любил больше, чем всех остальных, - грустно отозвался Ранион, сжимая ее руку.

Женевьев даже не поморщилась от прикосновения, а значит, или оно не было ледяным, или моя сестра просто уже ничего не чувствовала. И от первого, и от второго сжималось сердце. Но я предпочла бы все же собственное разбитое сердце. Это маленькая плата за жизнь Женевьев.

- Я ведь умру, да? - тихо и обреченно спросила она, доверчиво заглядывая в глаза Раниона, будто надеялась там найти ответ.

- Жен... - голос Раниона дрогнул.

- Значит, умру, - невесело усмехнулась она. - Мне нельзя умирать. У меня Китти.

- Ран, сделай же что-нибудь! - всхлипнула я. - Пожалуйста, если ты можешь ее спасти, спаси! Спаси любой ценой!

- Не уверен, что получится. И что это лучший выход...

Впервые я видела Раниона потерянным.

- Не дай мне умереть Ран... - взмолилась Жен.

- Хорошо, - кивнул он. - Дай мне свою силу.

Я потрясенно смотрела на то, что происходило перед моими глазами. Теплая и такая привычная огненная сила Жен обнимала сестру, словно кокон, смешивалась с ледяной силой Раниона и от этого взаимодействия меняла цвет. Сначала всполохи стали белыми, потом снежно-голубыми, а после и вовсе исчезли, растворившись в неподвижной фигуре Женевьев.

Бледная кожа и иней на волосах. Женевьев изменилась, и эти изменения были знакомыми и пугающими. Сейчас ее глаза были закрыты. Она то ли спала, то ли была без сознания. Но я была уверена, что едва она их откроет, увижу синее колдовское сияние.

- Она, - прошептала я, - она будет жить?

- Если так можно назвать мое существование... - признался Ранион, вскинув на меня свои колдовские глаза, в которых застыла боль.

Ранион нежно держал Женевьев на руках. Ее тело покрывалось инеем, а в волосах блестели, словно украшения, льдинки. Только вот замерзло почему-то не ее, а мое сердце, которое в этот миг потеряло всякую надежду.

- Она стала такой, как ты? - спросила я, уже зная ответ. Ранион только сосредоточенно кивнул.

- Прости. Это был единственный способ сохранить ей жизнь, точнее, подобие. Дэвид не оставил мне иного пути. Он отравил ее своим проклятием, и можно было или ждать, когда оно убьет твою сестру, или довести его до конца, использовав силу Женевьев. Теперь я должен отнести ее в свой замок. В ближайшее время ей будет очень тяжело. Надо привыкнуть к своим силам, адаптироваться в новом образе. Я не могу ее бросить. Мне никто не помогал, и я не способен обречь Жен на подобную участь.

- Конечно, - прошептала я. - Китти до завтра у тетушки Мари...

- С утра Жен сможет забрать ее. А сейчас... - Он замялся. - Я не смогу отнести вас обеих.

- Я понимаю. Спасай Жен, ей сейчас нужна помощь.

- Валенси, я вернусь за тобой, - пообещал он.

- Не стоит. - Я покачала головой.

Ранион вскинулся и внимательно посмотрел мне в глаза, а я собралась с духом и улыбнулась.

- Не оставляй ее, пожалуйста, одну. Я доберусь сама. Так будет правильно.

- Я буду ждать тебя, Вал, - прошептал Ранион и растворился тысячей снежинок вместе с Женевьев.

А я осталась наедине со своими мыслями, разбитым сердцем и ледяной статуей Дэвида.

Снежинки на полу, холод в душе и труп бывшего мужа сестры... Нет, в таком месте даже страдать было невозможно. Я не хотела оставаться в этой квартире дольше ни на миг. Нашла на крючке у входной двери ключи от дома Женевьев и сбежала. Наверное, неправильно было так поступать, но мне не было жаль Дэвида. Он испортил три жизни. Попытка убить меня, чуть не убил Жен... Но все равно в душе поселилось ощущение безысходности. Правда, не до такой степени, чтобы сидеть и рыдать у замерзшего трупа.

Сноухельм сделал меня более жестокой, чем раньше. Это место меняло людей, изменило и меня. Я уже не та испуганная девочка, которая сбежала отсюда на юг. И не та разочарованная наивная девушка, которая вернулась в холодный край несколько недель назад. Здесь, среди вьюг и холода, родилась новая Валенси. Надеюсь, более сильная и разумная.

В замок к ледяному я ехать не собиралась. Необходимо было подумать, разобраться в себе и принять очень непростое решение. Этим я и занялась, устроившись на кухне Женева с чашкой горячего шоколада в руках.

«Чем сильнее душевная боль, тем слаще напиток в чашке», – так говорила моя бабушка. Если верить ее приметам, я очень страдала. Потому что сверху на шоколад положила кубики маршмеллоу и посыпала тертый шоколад. Надеюсь, Китти не обидится на меня за то, что я разорила ее запасы.

Проклятье нельзя разрушить, это я четко осознала, но рядом с близкими людьми ледяные драконы оттаивают. Оттаит ли для меня Жен? Или хотя бы не для меня, а для Китти? Почему тогда восемь лет назад не оттаял для моей сестры Ранион? Ведь очевидно же, что они с Жен любили... да нет, любят друг друга. Может, тогда отчаяние в нем было слишком велико? Но сейчас оно отступило, и я была уверена, что стану третьей лишней.

Неважно, что случилось между мной и Раном. Неважно, как нам было хорошо. Я была лишь заменой своей сестре, с которой он не мог быть вместе. Сегодня моя ледяная сказка закончилась. Я обязана уйти и уступить место Женева. Они подходят друг другу как никто другой. Их связывает общее прошлое и теперь – одно на двоих настоящее. Два совершенных и могущественных ледяных дракона, которые будут охранять покой долины. Только вот теперь совершенно точно, тепла Сноухельм не дождетя.

Ну а мне, пожалуй, пора вернуться на юг. Там больше нет Дилана, зато есть уютная квартирка, друзья и бабушкино наследство. Даже работать не придется. Буду гулять по побережью и лечить разбитое сердце.

Единственное, с чем было тяжело смириться, – это Пэрсик. Я не могла вернуться за ним в замок. Если уходить, то уходить сейчас. Потом меня никто не отпустит, а я не хотела продлевать агонию. Ведь понятно, что Женева подходит Раниону гораздо лучше, чем я.

Сердце сжималось при мысли о том, что я предаю и оставлю пушистого друга, но я видела, как к нему относится Ранион. Да и кот платил ледяному взаимностью. Хотелось бы сказать, что сердце ледяного растопила я, но нет. Это сделал мой толстый рыжий кот. Так пусть живет в снежном замке с Женева, Ранионом и Китти. И напоминает им обо мне. Надеюсь, эти воспоминания хотя бы отчасти будут хорошими.

Я была спокойна за судьбу Пэрсика, Китти будет его любить, а Ранион – заботиться. На Жен, конечно, надежды мало. Она умела заботиться только о людях. Ну или ледяных драконах. Спустя долгие годы эти двое снова вместе. Восемь лет назад я разрушила их любовь, пусть и не по своей вине. Но именно мои обида и злость активировали проклятье. Единственное, что я могу сделать, чтобы искупить свою вину, – это отступить и уехать. Желательно, прямо сейчас, пока Ранион занят, пока никто не опомнился и я не передумала.

У меня не было вещей, и я надеялась, что Женева простит меня за позаимствованные деньги на билет. Как только доберусь, так сразу вышлю сестре всю сумму.

Я допила какао, вымыла кружки и вышла на мороз. Впереди лежал долгий путь домой, и я была уверена: в этот раз меня никто удерживать не станет.

Глава 18

В камине горел настоящий живой огонь, как воспоминание о ее рыжих волосах. Она сбежала, даже не забрав Пэрсика, видимо, так сильно боялась снова оказаться в ледяном плену. Не стала ни ждать новостей о состоянии Женеьев, ни попрощаться со мной. Оставила кота, как обещание вернуться. Только вот я прекрасно знал: она ушла навсегда. И в этом виноват я сам. Был так одержим мстью, что даже не попытался разобраться. Свалил вину за свое состояние на маленькую девочку, а когда вернулась красивая молодая девушка, не задумываясь, начал ей мстить. Из-за моей слепой жажды мести едва не погибла она и стала ледяной ее сестра. Неудивительно, что Вал сбежала, как только ей представилась такая возможность. Я не мог ее винить или пытаться удержать. Свобода – это самое малое, что она заслужила.

- Где Валенси?

Это первое, что спросила Женеьев, когда на следующий день спустилась на первый этаж замка в образе настоящей ледяной. Бледная кожа, рыжие волосы, иней на которых был особенно заметен, и непривычные голубые глаза. Пожалуй, она стала даже красивее, чем была. Недоступная ледяная леди. Интересно, она будет ненавидеть меня за то, что я сделал ее такой? Как я ненавижу ее сестру. Или сумеет принять свою новую сущность?

Восемь лет понадобилось мне для того, чтобы понять: лед у нас в душе, и растопить его можем только мы сами. Через такие обыденные вещи, как настоящая бескорыстная любовь. Не мы убиваем прикосновением, а наша ненависть.

- Очень странный вопрос, – хмыкнул я, почесывая за ухом теплое мурлыкающего Пэрсика. Его ледяной собрат развалился у моих ног и тоже весьма красноречиво подставлял пушистое белоснежное пузо. Этот ледяной дух вышел самым настоящим. Он обладал своим характером и даже повадками перестал походить на Пэрсика. Наверное, поэтому мне не хотелось его уничтожать. Он приобрел индивидуальность и занял свое место в жизни замка и моем сердце. Они с Пэрсиком даже играть умудрялись. Вчера, например, свезли ковры в холле и разбили две вазы, а потом вместе прятались под диваном. Снежный, правда, не поместился туда целиком, смог засунуть только голову.

- А какой вопрос правильный в нашей весьма неправильной ситуации? – удивилась Жен, приподняв серебристую бровь.

- Зачем ты убил моего мужа? Что со мной? Где моя дочь? – высказал я самые очевидные варианты.

- Понимаешь... – Женеьев величественно приблизилась и присела на подлокотник моего кресла. – Ответы на остальные вопросы я знаю. Какие-то мне нравятся, какие-то не очень. Что-то вызывает тревогу. А вот где Вал, мне неизвестно.

- Этого не знаю даже я, – ответил мрачно и сжал зубы, не дав воли злости. Я больше не имею права терять контроль над эмоциями. Не рядом с Жен, иначе мы заморозим к ледяным демонам всю долину. Ей и одного ледяного дракона было многовато. А теперь нас двое. В два раза больше снега, ветра, метели и морозов. Жители будут в восторге.

- То есть – не знаешь? Ты должен знать, где она!

В комнате ощутимо похолодало, а я вздохнул. Взрывной темперамент Женеьев, пожалуй, может доставить всем проблем.

- Я вчера забрал тебя из квартиры Дэвида...

- Только меня? – нехорошо прищурилась Жен.

- Да, только тебя! – все же вспылал я. – Я ледяной дракон, а не гужева повозка! Я не смог бы унести вас обеих, как бы сильно того ни хотел. И оставить тебя не мог. Тогда еще не был уверен, что все сработало. Валенси обещала приехать. Но сбежала, как только представилась возможность. Закономерный итог. Мне сложно ее винить.

- Нет. Ничего закономерного в этом итоге нет. – Жен пожала плечами. – Просто ты идиот.

- Она не хочет быть здесь. Я понимаю. Кому понравится жить с ледышкой. К тому же я ее ненавижу и одно время всерьез хотел убить. Такое не прощают, Жен.

- Нет, Ранион, она просто не хочет мешать нашему счастью. Прощение тут ни при чем.

- Нашему чему? – поперхнулся я и изумленно уставился на свою бывшую.

- Взгляни на ситуацию глазами Валенси, – охотно пояснила Женеьев. – Из-за нее и Дэвида... – На

этом имени она споткнулась. – Мы расстались восемь лет назад. А сейчас я тоже стала ледяной.

– И?..

Бывшая закатила глаза, поражаясь моей несообразительности.

– Ну, додумай. Дальше все очевидно. По крайней мере, я вижу ход мыслей моей младшей сестренки! Она хочет восстановить справедливость и вернуть нам былое счастье. Любовь и светлое будущее в образе двух ледяных тварей, наводящих ужас на долину. Это же так романтично!

– Женевьев, я спал с твоей сестрой... – заметил очень осторожно. – Какое, к демонам, светлое будущее с тобой?

– Даже так? – Ее глаза заинтересованно блеснули. – А поподробнее?

– Ну, не наглей, – возмутился я, почему-то смутившись под пытливым взглядом. – Это я сказал к тому, что она знает, как я к ней отношусь. Она не сбежала бы, если бы чувствовала то же самое.

– А ты говорил о своих чувствах? – тихо уточнила Женевьев, и пока я не успел опомниться, добавила: – Про некоторые интимные вопросы мы с тобой еще поговорим. Мне интересно.

– Же... – начал я.

– Что Жен? Мне исключительно с практической точки зрения. Как не заморозить мужика.

Теперь я закатил глаза. Только этого еще не хватало. Не собирался я обсуждать со своей бывшей невестой свои ощущения в постели с ее сестрой! Это отвратительно! Как только донести эту светлую мысль до самой Женевьев? А вот другой вопрос просто застал меня врасплох. К счастью, моего мозга хватило, чтобы не спросить: «А нужно было?» Но, видимо, выражение лица было красноречивым, потому что Жен хмыкнула.

– Ты идиот, Ранион. Она уехала, чтобы не мешать нам. Наплевала на свои чувства. Ну и на твои, так как попросту про них не знала. Валенси хотела как лучше. Чтобы мы были счастливы.

– А разве есть «мы», Жен? – спросил я, вглядываясь в красивое лицо и пытаюсь найти в душе отголоски былых чувств. Не выходило. И я немного боялся ее ответа. Вдруг только у меня все давным-давно перегорело.

– Все хорошо в свое время, – с грустью отозвалась Женевьев. – «Мы» остались где-то там, в прошлой жизни, восемь лет назад. Не знаю, к лучшему или к худшему, но изменить это не в наших силах. Ну и какой смысл заморачиваться этим вопросом? Нужно жить и двигаться дальше. Только так правильно. Возможно, ты изначально был предназначен не мне, а моей сестре?

– Возможно... – сказал я, даже не подумав, что могу этим обидеть Женевьев. Но она и не обиделась, только усмехнулась.

– Вот и замечательно. Я рада, что мы поняли друг друга в этом вопросе. Мужики меня разочаровали. Но... одна просьба у меня к тебе будет. – Жен сглотнула и закусила губу.

– Чего ты хочешь?

– Ты съездишь со мной забрать Китти? Я очень боюсь... ее реакции. Того, как сложатся наши взаимоотношения сейчас. Как я сумею рассказать ей, что случилось с Дэвидом. Вдруг она не примет меня такой?

– Жен, неважно, что было между нами раньше. Неважно, что мы чувствуем друг к другу сейчас. Я тебя не брошу. Помогу. И не только забрать Китти.

– Не знаю, как она воспримет меня. Так боюсь, что готова спрятаться.

– Зря переживаешь, Китти – как Пэрсик, – я указал на дрыхнувшего на своих коленях кота.

– Хочешь сказать, она и не заметит во мне перемен?

– Если ты действительно ее любишь, то да.

– Ран! – возмутилась Женевьев. – Она же моя дочь! Конечно, я ее люблю.

– Тогда пошли учиться летать! – усмехнулся я, а глаза Жен загорелись. Я смотрел на нее и понимал, что восемь лет назад был идиотом. И не потому, что оттолкнул ее, нет. Потому что не принял себя.

Новое состояние вызывало у Жен восторг. Она с наслаждением выбежала во двор в одном платье,

закружила вокруг себя вихрь снежинок и с первого раза взлетела, на ходу меняя форму. Если из меня вышел депрессивный ледяной дракон, который похоронил себя в замке на горе, то из Жен ключом била энергия. И что-то подсказывало: Сноухельм заполучил нового хранителя. Город ждет много интересного, когда Женестье возьмется делать его лучше и оберегать жителей от зла. Вопрос, чем буду заниматься я?

Впрочем, несколько идей на этот счет у меня имелось. Для одной я вчера создал двенадцать огромных кусков льда. Заказ нужно было закончить к зимним праздникам, а вот над воплощением другой идеи придется поработать. Но не сейчас. Сейчас все же нужно помочь Женестье освоиться в новом состоянии. Какой бы способной ученицей она ни была, все же нужно показать ей, как не морозить все на своем пути, начиная от утреннего кофе и заканчивая водой, когда принимаешь душ.

Мы не стали врываться в дом тетушки Мэри вихрем снежинок. Опустились на дорожку возле него. На нас, перешептываясь, смотрели люди. Скоро по городу пойдет слух, что драконов сейчас два, и это меня немного волновало. А вот Женестье – нет. Она решительно пошла к двери дома, и когда та открылась, с улыбкой протянула руки выбегающей Китти.

Мэри стояла сзади девчушки и смотрела на нас с удивлением и испугом. Я решил, что не буду вмешиваться. Позволю Женестье освоиться самой. С подружкой она тоже поговорит, но не сейчас. Сейчас важно было другое.

– Мамочка! – Китти, прижимая к себе плюшевого рыжего кота, кинулась со ступенек в объятия Женестье.

У меня перехватило дыхание. Вдруг не получится? Малышка обняла ее за шею и поцеловала в щеку. Вроде бы пронесло, и моя теория об истинной любви сработала. А если так, получается, между мной и Жен никогда не было сильных и глубоких чувств? Возможно, я всегда это понимал и именно поэтому отгородился от нее стеной холода? И сам не заметил, как эта стена отрезала меня ото всего внешнего мира. Так продолжалось до тех пор, пока в мой снежный ад не ворвалась смешная рыжая девушка с толстым рыжим котом. Девушка, которой мне очень сильно не хватало сейчас.

– Зайка, я же холодная, – всхлинула Жен, а Китти посмотрела на нее и ответила:

– Холодный – сугроб. Ну и еще твой друг. А ты, мамочка, теплая и любимая. Тебе не холодно в платье?

– Нет, моя хорошая. – Жен шмыгнула носом. – Мне теперь никогда не будет холодно.

– Это хорошо. А летать ты теперь сможешь?

– Смогу. – Женестье рыдала, не скрываясь.

– А меня покатаешь?

– Непременно, – ответила она и рассыпалась снежным вихрем, подхватив восторженно захохотавшую Китти. Я отправился за ними.

Ласковые волны лизали прибрежный песок и забирали с собой в темно-синюю морскую глубину мелкие камушки и ракушки. А еще – причудливые нити высохших за день водорослей.

Я медленно брела вдоль кромки воды и размышляла о своем. За два месяца я почти успокоилась и иногда даже не плакала ночами в подушку, вспоминая снежный Сноухельм и своего идеального ледяного дракона. Наверное, какая-то часть меня ждала, что он последует за мной. Скажет, что любит и не согласен отпустить. Но он оставил меня в покое, как я и хотела. Только вот я совсем не ожидала, что исполнившиеся мечты принесут столько боли.

Весточка пришла лишь от Женестье. Она много рассказывала о себе, о своей новой жизни и о Китти. О том, что стала официальным хранителем города и даже мэр не смеет ничего предпринять, не посоветовавшись с ней. Иронично, но ледяная сущность раскрыла Женестье с новой стороны. Она ожила и нашла себя в заботе о городе. Сестра приглашала меня в гости на зимний бал, обещала умеренную погоду и отсутствие метелей. И ни слова о Ране. Ни намека. И ни единого упрека за то, что я сбежала, даже не узнав, точно ли с ней все в порядке.

Я получила письмо две недели назад, но не смогла уговорить себя поехать. Боялась этого города и боялась встречи с Ранионом, который, была уверена, счастлив с моей сестрой. Скорее всего, именно поэтому она ни слова не написала о нем. Не хотела лишний раз тревожить мои чувства. Да и приглашение, думаю, было всего лишь данью вежливости. Зачем я им там?

Но эта весточка снова разбудила воспоминания. Я опять стала плохо спать и уходить вечерами на

долгую прогулку вдоль берега. Шум волн успокаивал и позволял забыть. А сегодня, накануне праздника, который с размахом отмечали в Сноухельме, на меня накатила тоска. Может, зря я не поехала? Пусть эти двое вместе, но они моя семья. Все, что от нее осталось. В Сноухельме Пэрсик, который, со слов Женевьев, совсем разжирел и обнаглел. А еще Китти, с которой мы только-только начали дружить.

Но сегодня уже поздно. Я не успею даже добраться до станции к началу празднований, а путь до Сноухельма неблизкий. Решаться надо было раньше.

Ветер налетел неожиданно, и сначала я даже ничего не заподозрила. Здесь часто в одну минуту менялась погода. Но когда пронизывающий холод пробрал до костей, а на золотистый песок упали первые снежинки, почуяла неладное. Пальмыгнулись к земле, люди ругались и кутались в тонкие пляжные покрывала, накатывающие на берег волны неожиданно замерзли, хотя температура воздуха, по ощущениям, опустилась несильно.

Я стучала зубами от холода и беззвучно смеялась, чувствуя на обнаженных плечах холодные, жалящие снежинки. Все же он пришел. Вопрос, зачем он это сделал? Тоже скучал? Тогда отчего собирался за мной так долго?

- Вот почему я так и знал, что ты проявишь упрямство и проигнорируешь приглашение?

Я собралась с мыслями и развернулась, прекрасно зная, кого увижу. Он не изменился. Та же холодная отстраненная улыбка, те же длинные волосы с запутавшимися в них льдинками... Бесконечно красивый, притягательный и... не мой.

- Возможно, потому, что приглашение исходило не от тебя? - Сдержанная улыбка было нереально. Все силы уходило на то, чтобы не кинуться ему на шею.

- То есть, если бы его прислал я, ты бы примчалась?

Я пожала плечами.

- Но ты не прислал. Поэтому мы никогда уже не узнаем.

- Зато я пришел сам. - Он шагнул мне навстречу. Спокойная поза, небрежно засунутые в карманы руки.

- Долго же ты шел, - с обидой выдохнула я.

- Я должен был помочь Женевьев освоиться в городе и научиться управлять своими силами. На это потребовалось некоторое время. Но сейчас я прилетел за тобой, Валенси, и я не позволю сбежать или остаться тут. Заберу тебя с собой.

- А если я откажусь ехать?

Он поморщился и оглянулся на изумленных людей, которые никак не ожидали, что вечно теплое море окажется подернуто коркой льда, а на пальмах пушистыми белыми шапочками будет лежать снег.

- Если ты откажешься ехать, мне придется остаться тут. И ты испортишь жизнь одному весьма милому курортному городку. Думаю, тебе этого не простят. Полетели со мной, Валенси, я не хочу с тобой расставаться. Выходи за меня замуж? - попросил он и неожиданно опустился на одно колено, протягивая мне кольцо. Нетаяющий лед, огранный особым образом. Так, что на тысячах гранях играл свет. Кольцо, которое мог создать только он.

- Лети, девушка, лети с ним! - закричал кто-то из толпы зевак. - Мы купаться хотим! Нам холодно.

- Но почему? - спросила я, все еще не решаясь принять подарок. - Почему ты предлагаешь это мне, Ран? Там же Женевьев...

- Неужели непонятно, глупая? - спросил он, поднимаясь и притягивая меня к себе. Я даже пикнуть не успела, а кольцо уже оказалось на моем пальце. - Потому что мы с Жен давно переросли наши чувства. Она по-прежнему мне дорога, а я дорог ей, но мы уже никогда не будем вместе. Слишком многое случилось за это время. А люблю я тебя, Валенси, неужели ты этого не видишь?

- С тобой никогда и ни в чем нельзя быть уверенной, - всхлинула я и уткнулась ему в плечо. На волосы мне падали снежинки. Вокруг возмущались люди, лишённые морского приюта и тепла, а я рыдала на груди самого лучшего мужчины на свете.

- Я тоже люблю тебя, Ранион. И готова последовать за тобой куда угодно.

- Даже туда, где никогда не будет тепло? - Чуть отстранившись, он лукаво улыбнулся.

- Особенно туда, - согласилась я и обняла его покрепче, готовая к полету в счастливую жизнь со своим идеальным ледяным кошмаром. Сейчас я была уверена: что бы ни случилось, мы всегда будем вместе. Потому что настоящее чувство способно победить любую метель.

Бонусный рассказ

Ледяная душа

В зале горели свечи, разгоняя вечернюю темноту. Они мерцали в огромной бронзовой люстре под потолком, украшали светильники на стенах и сверкали в кроне огромной ели, установленной в честь празднования Середины зимы. Защитная магия создавала едва заметный мутный ореол вокруг язычков пламени, чтобы оно не перескочило на стены и ветви дерева. Так было и красиво, и безопасно.

Я взяла из почти опустевшей коробки с елочными игрушками ажурный стеклянный шарик на серебряной ниточке и повесила на ближайшую ветку. Отступила немного и полюбовалась результатом трудов.

- Эльзи! - В комнату вбежала младшая сестренка и восхищенно замерла напротив сверкающей новогодней ели. - Такая красота!

Я согласно кивнула, немного грустно улыбнувшись. Мы жили в суровом краю вечных морозов. За окном завывал ветер и швырял в стекла пригоршни снежинок, но внутри дома было уютно и тепло. Отопительные камни работали в полную мощность, и их заряда хватало на долгую зиму и неприветливую снежную весну. Мы никогда не мерзли в помещении. Ну а на улице всегда спасала магия и теплые лисьи шубы, которые отец привез нам с Энн в прошлом году с материка.

- Пойдем к столу! - позвала меня сестренка. - Там столько вкусного!

Ее глаза горели, и сама малявка подпрыгивала от нетерпения.

- Подожди, я еще не переоделась! - со смешком отмахнулась я.

- Папа хочет отдать нам подарки, переоденешься потом! Гости придут еще не скоро.

Я кивнула и побежала вслед за сестрой, не чувствуя, однако, безудержного праздничного веселья, которое охватило Энн. Мне недавно исполнилось семнадцать, я стала взрослой, и праздник зимы уже не воспринимался так радостно и беззаботно. А все потому, что я знала, какую тайну он хранит. Что скрывают мишура, яркие блестящие игрушки и показное веселье.

Мы жили в заснеженных горах Сноухельма, где трескучие морозы не отступали даже летом. Поговаривали, что так было не всегда. Когда-то давно и в нашу долину заглядывало солнце, но потом в горах поселился ледяной дракон. Вместо пламени он изрыгает лед, вместо сердца у него вечная мерзлота, и пока оно не оттает, мы не увидим солнышка и не ощутим настоящего тепла.

Чтобы дракон не заморозил долину полностью, а летом позволил вырастить скудный урожай в крытых оранжереях, каждый год в ночь, когда зажигаются самые яркие звезды, дракону приносят жертву. Невинную девушку семнадцати лет.

В этот раз жребий пал на красавицу Валери - дочку нашего мэра, и все остальные выдохнули с облегчением. И я в том числе. Но воспоминания и страх остались. Девушку дракону выбирали красивую, обязательно светловолосую, голубоглазую, такую, как я.

Чудом знаки указали на другую, и я сбросила с души камень, приготовившись к счастливой жизни. Теперь можно было планировать будущее и не бояться, по крайней мере, за себя. А у Энн есть еще семь долгих лет до самой страшной в ее жизни зимы. Пока она просто беззаботно радуется празднику.

Я очень хорошо помнила, как пару дней назад стояла в легком платье на морозе и боялась, что жребий падет на меня. Рядом заламывала руки мама, а папа поддерживал ее, чтобы она не упала. Нам просто надо было пережить тот день. И этот праздник.

Сегодня Валери должны увезти на гору и оставить там замерзать, как подношение дракону, которого никто и никогда не видел. А я пойду есть утку с яблоками, впервые пить пенистый пунш и веселиться. В эту ночь все станут праздновать, пока красивая беззащитная девушка будет замерзать где-то в горах. Но такова традиция, нельзя рыдать и жалеть, ведь ее смерть даст возможность жить всей долине.

О том, что в прошлом году, несмотря на жертву, лето выдалось отвратно холодным, никто и не думал. А я помнила, как моя подруга, родители которой были небогаты, едва темнело, прокрадывалась ко мне так, чтобы никто не увидел, и я отсыпала ей муки или зерна. Если бы не моя помощь, они бы просто погибли! И зачем, спрашивается, жертвы? Если даже с ними урожаем с каждым годом все сложнее вырастить?

Но сегодня об этом думать нельзя. Сегодня нужно веселиться и радоваться самым ярким звездам и

тому, что теперь дни станут чуть длиннее и совсем скоро наступит весна. Пусть она мало отличается от зимы, но солнышко будет появляться чаще и греть чуть сильнее. А о большем мы, жители долины, и не мечтали.

Я все же забежала наверх, в свою комнату, и надела самое красивое платье, специально подготовленное к празднику. Серебристое, длинное, в пол, отороченное по подолу блестящим белым мехом дикого арка. Такой же был на воротнике-стойке и на манжетах широких рукавов.

Няня уложила мне волосы локонами и закрепила на лбу диадему. Сегодня наш дом собирал все самые богатые семьи долины. Должен был приехать и Хирам с родителями. Отец сказал, что отдаст ему мою руку после семнадцатилетия. Тогда, год назад, в его голосе явно мелькнуло «если тебя не заберет дракон». И вот этот день настал! Судя по голосам, доносящимся от дверей, гости уже начали прибывать. Только вот почему так рано? Да и разговоры шли на повышенных тонах. Я хорошо различала взволнованный высокий мамин голос и низкий, рычащий папин.

Подобрав юбки, я зашпешила в холл. На пороге стояли стражники, входная дверь была распахнута, и по алому ковру гулял ветер, закручивая влетевшие в дом снежинки в причудливый вихрь.

- Мы не отдадим ее! - кричала мама. - Как так?! Жребий же выбрал другую? Почему моя девочка?

У меня похолодели руки. Волнение, которое жило в душе, сейчас вырвалось наружу. Эти стражники, они пришли за мной.

- Произошла ошибка, - кажется, немного смущаясь под тяжелым взглядом отца, произнес начальник смены. Я знала его. Да мы все тут знали друг друга. - Жертва - твоя дочь, Корн. Так вышло!

- Как мог ошибиться жребий! Я не отдам!

Мама кинулась на стражей с кулаками. Ее оттеснили, а я побежала с лестницы в холл, понимая, что только я могу все остановить. Видела по взгляду отца и стражей. Один не отдаст меня, чего бы это ни стоило, а другие не уйдут без жертвы. Меня даже не удивил их приход. У мэра была власть. Наверное, все подозревали, что он не позволит забрать свою дочь. А крайней почему-то оказалась я.

- Я пойду, - сказала по возможности твердо, но с трудом сдерживая рыдания. - Пустите!

- Эльзи, нет! - кинулась ко мне мама. - Ты не должна!

- Тише. - Я прижалась к ней и, не удержавшись, разрыдалась. - У тебя осталась Энн. Ты же знаешь, ее они уже не заберут. Нельзя забирать из семьи больше чем одну дочь.

- Эльзи, не смей!

- Папа, посмотри, сколько их? Не перечь! Меня ты не спасешь, а себя погубишь. Зачем? Кто будет заботиться об Энн и маме?

Под тяжестью моих слов отец отступил, мрачней.

- Подожди, я хоть шубу тебе принесу! - крикнула мама и кинулась в сторону гардеробной, но ее остановили.

- Не стоит. Невесте ледяного дракона шуба не нужна.

- Но ей же будет холодно, - срывающимся голосом прошептала мама. Ответом стало молчание и мрачный взгляд стражника. Да, будет. Мне будет очень холодно. А потом я умру.

Нам не дали толком попрощаться, а Энн даже не видела, как меня увели. С одной стороны, мне было мучительно больно от этого, а с другой, я понимала: так лучше.

В карету я шла сама. Нас всех с рождения готовили, что однажды придется принять эту роль, если так сложится судьба. Семья получит иммунитет. Еще три поколения никого из девушек нашего рода не отдадут дракону. Еще семье выплатят компенсацию. А я умру.

Я смогла сдержаться и повести себя достойно, но в душе билось отчаяние. Мне сразу же дали лошадиную дозу успокоительного зелья, превратив в безразличную марионетку. Я чувствовала лишь малую толику от боли и отчаяния, которые должны были бы поглотить меня. Перед тем как карета в сопровождении четырех конных стражников тронулась в путь, ко мне заглянул усатый начальник.

- Держи! - Мне в руку сунули теплый пузырек с зельем, которое искорками вспыхивало в темноте.

- Что это? - подозрительно спросила я.

- Так будет проще умереть. Когда окажешься там, на горе, просто выпей.

- Это яд?

- Травить невест нельзя. Просто сильное снотворное. Оно и холод сделают смерть скорой и безболезненной.

С благодарностью кивнула, понимая: это единственное, что могли сделать для меня стражники. Облегчить участь.

- Только сейчас не пей. Нельзя портить жертву, иначе придется искать новую. Ты ведь этого не хочешь?

Я этого не хотела. Даже если следующей все же станет Валери, которую откупили. Интересно, что сделал ее отец и как подставил моего? Разве так можно? Видимо, да, если в твоих руках сосредоточились власть и деньги.

За окном кареты ярко сверкали украшенные к празднику дома. В небе взрывались фейерверки, горели огни на елях, а у меня дома рыдали мама, папа и Энн. Вряд ли они смогут поступить как нужно и праздновать вопреки сердцу, сжимающемуся от боли, пока я замерзаю насмерть в качестве жертвы ледяного дракона.

И вот из-за этого испорченного родным праздника я расстраивалась сильнее всего. Слезы потекли по щекам, и весь остаток пути я прорыдала. Город закончился, огни погасли, и мы въехали на узкую горную тропку. Укутанные магией колеса повозки цеплялись за наледь, словно липучки, и наша карета, переваливаясь с боку на бок, ползла вверх по тропе к плато у Драконьего ущелья. Где-то там меня должны приковать к скале.

Перед тем как выпустить из кареты, мне дали еще настойки, от нее сразу же затуманилось сознание и стало тепло.

- А это что такое? - уточнила я, будто это имело значение.

- Не переживай, все снадобья нужны для того, чтобы тебе стало легче.

- Умирать? - спросила я, не испытывая по этому поводу почти никаких эмоций.

- Умирать, - согласно кивнул стражник и помог выйти из кареты. На плато было снежно, холодно и удивительно светло. Казалось, луна висит прямо над вершиной, а звезды сияют, словно тысячи фонарей. Невероятно красиво.

Меня подвели к шесту, вкопанному у входа в ущелье, и приковали запястья тонкими цепочками из мелькориона - невероятно прочного магического металла.

- А что будет с телом? - спросила я, в глубине души чувствуя, что сквозь зелье пробивается всепоглощающее отчаяние.

- А тела не будет... - тихо ответил страж. - По крайней мере, мы не находили ни одного.

Это стало последней каплей. Слезы потекли по щекам, сразу же превращаясь в ледышки. Карета уехала, а я осталась на скале с леденеющими волосами и дрожащими от холода губами - от мороза не спасло даже зелье. Еще один пузырек был у меня в кармане, но я не рисковала его доставать, хотя цепочка, сковывающая запястья, была достаточно длинной и позволяла это сделать. Но глоток зелья означал для меня конец, а я так хотела насладиться звездами, луной и самой красивой ночью в году... Последней в моей жизни. Я же имею на это право? А зелье выпью, когда станет невозможно больше терпеть.

Снежный вихрь налетел внезапно. Холодный ветер пробрал до костей, заставил всхлипнуть. Обжигающий холод и ужас практически парализовали. Наверное, все же стоило выпить зелье и не геройствовать. Перед глазами распростерлись огромные крылья, состоящие из снежинок, и я со страхом увидела, как рядом со мной на плато опустился дракон. Он был словно отлитый из льда призрак. Сквозь мощное, покрытое прозрачной, поблескивающей чешуей тело просвечивали звезды, а крылья напоминали два снежных вихря. Увидев такого в ночном небе, я, возможно, и не поняла бы, кто предо мной. Списала на причуды природы, на какое-то необъяснимое явление типа разноцветного небесного сияния, какое в ближайшие недели появится в небе над долиной. Жаль, я его уже не увижу.

Дракон, которого несколько поколений все считали сказкой, внимательно уставился на меня своими прозрачными глазами и начал медленно таять. Через секунду на его месте оказался неестественно красивый беловолосый мужчина в серебряном одеянии. Он поднял холодные льдистые глаза и приблизился ко мне.

- Жива... - кажется, с облегчением выдохнул он, а я подумала, что жива, но только пока. Почему-то этот нереально красивый парень с алебастровой кожей и длинными серебряными волосами, снежинками в колючих ресницах и холодной улыбкой пугал меня даже больше, чем ледяной ящер.

Его руки были обжигающе холодными. То место, которого он коснулся, когда освобождал мои запястья, моментально заледенело, и я вскрикнула. Он взглянул с затаенной грустью и тихо сказал: «Прости». А потом подхватил на руки, и мы взмыли в воздух. Так холодно мне не было никогда в жизни. Создавалось впечатление, будто меня прижимает к себе ледяная статуя. По-моему, я завизжала, потом замерзла, потом увидела полупрозрачные крылья из вереницы снежинок, землю где-то далеко под ногами и звезды, которые, кажется, могут упасть прямо на голову. И отключилась. Я как-то рассчитывала умереть быстрее и с меньшими потрясениями.

Отчулась с мыслью «сожрет меня дракон или нет». И вообще, что делают ледяные драконы со своими жертвами? Удивительно, но я чувствовала уютное тепло. Возможно, просто еще не прошло действие зелья. Но когда я открыла глаза, поняла: тепло мне, потому что я лежу, заботливо укутанная меховыми шкурами отличной выделки. У нас дома таких не было. И окружает меня ледяное великолепие.

Я осторожно уселась на кровати, завернувшись в шкуру, свесила ноги и с визгом убрала обратно, когда пальцы коснулись пола. Он оказался ледяным в прямом смысле слова. Отполированный до блеска, словно каток на озере, где мы все детство катались на коньках. Такие же стены, расписанные морозными узорами. Я дотянулась до изголовья кровати, оно тоже оказалось ледяным. Но при всем этом в помещении не чувствовался холод.

Я забралась на кровать с ногами, покрутилась и наконец с другой стороны обнаружила симпатичные меховые башмачки, удобное белое шерстяное платье с высоким воротом и меховую накидку из горной паркули - мелкого зверька с удивительно нежным, но в то же время теплым мехом серебристого цвета.

Любопытство победило страх. Я слезла с кровати, оделась в удобную и теплую одежду и решила исследовать место своего заключения. Страх почти не осталось. Я уже должна быть мертва. На жизнь я даже не рассчитывала. Меня никто не обижал, мне дали одежду, и это однозначно лучше, чем замерзнуть прикованной к горному плато.

Я оказалась в ледяном замке. Незвестная мне магия поддерживала здесь вполне комфортную температуру, но притрагиваться к вещам все же было неприятно. Дверь моей комнаты выходила в длинный холл. От его ослепительной белизны стало некомфортно глазам. Сотни ледяных подсвечников на стенах, мерцающие огоньки свечей (я готова была поклясться, что пламя в них магическое и тоже не способно согреть), морозные узоры на стенах, ледяные двери и широкая сверкающая лестница. На отполированные до блеска ступени положили белоснежный ковер, видимо, чтобы никто не убился. Я размышляла отстраненно, потому что пока не видела ни единой живой души. Кто следит за всем этим зимним великолепием, неужели сам дракон? Но это нереально.

Я спустилась по лестнице в просторный зал, в центре которого стояла огромная белоснежная ель. На ней поблескивали сосульки и снежинки - переливающиеся зимние украшения. Осмотр замка занял много времени, и все равно я изучила его не полностью. Не было конца галереям и комнатам. Я бродила одинокая и потерянная, испытывая странные чувства. Облегчение от того, что жива, страх перед неизвестным и предвкушение. В этом месте все было непривычным и сказочным.

Я не ждала встречи с ним, но понимала: через несколько дней прогулок по холодным коридорам замка в одиночестве буду рада любому общению. Если, конечно, до этого времени не получится сбежать или я не умру от голода. Только надо придумать. И не как, а куда. Нельзя, чтобы жертва вернулась. Это сулит беды всем жителям долины, и как бы ни рыдала вчера мама, как бы ни тосковал отец, они не позволят мне ступить на порог родительского дома. А куда бежать? Этого я не знала, да и скоро поняла, что невозможно. Нужно было всего лишь выйти на балкон второго этажа. Дверь на него вела из просторного зала.

На улице до костей пробрал пронизывающий ветер, швырнул в лицо ворох колючих снежинок, и, лишь проморгавшись, я уставилась в сизое, затянутое тучами небо. Вокруг меня кружила вьюга. Сверху и снизу, в пропасти. Я даже не видела, где там далеко под ногами земля. Замок словно висел среди пурги. Я поспешила сбежать от нее назад, в теплое помещение. Слишком свежа память о том, как я стояла на морозе и ждала своей смерти. Больше к таким подвигам я не была готова.

Почти все двери в замке оказались открыты. Залы, в которых можно проводить балы, с высокими потолками и арочными окнами. Здесь хотелось кружиться и танцевать, но не с кем. Комнаты - уютные, с диванами и даже камином, спальни... и только одна в конце коридора второго этажа оказалась запертой. Я дернула ручку посильнее, нахмурилась и дернула еще раз, но все равно не смогла открыть.

- Не стоит, – раздался из-за спины ровный, холодный голос.

Я вскрикнула и развернулась.

Сзади стоял он. Белоснежные длинные волосы, концы которых, кажется, заледенели, длинные, графитового цвета ресницы, припорошенные снегом, и нереальные голубые глаза – такие прозрачные и холодные, что стало не по себе.

- Арон, – представился мужчина и улыбнулся. Точнее, улыбнулись губы, взгляд так и остался холодным.

- Эльзи, – шепнула я и немного отступила, испытывая неясное смущение. Словно нарочно сунулась на запретную территорию.

- Ну что же, добро пожаловать, Эльзи, в мой замок.

- Но что вы будете со мной делать? Зачем я вам? – вопросы вырвались сами собой.

- Представления не имею, – отозвался он задумчиво. – Зачем-то каждый год мне присылают девушку.

- Затем чтобы урожай был хорошим, – заученно пискнула я.

- Из меня отвратительный огородник, – признался он, все так же с интересом рассматривая меня и слегка улыбаясь.

- И в долине было тепло.

- И становится? – уточнил он, на сей раз с откровенной усмешкой.

- Нет... – прошептала я, теряясь окончательно. Я готова была расплакаться от обиды. Не на него, на тех, кто оставил меня умирать ради старой и никому не нужной легенды. О том, что самая фантастическая ее часть оказалась правдивой, я не подумала.

- Вот именно, – как-то даже обреченно отозвался дракон. – Пойдем, Эльзи, ты, наверное, голодна.

Я ела последний раз с утра перед тем, как меня увезли из дома. Берегла место на праздничный ужин, которого так и не дождалась. Поэтому да, я была голодна настолько, что даже перспектива трапезы с драконом не пугала.

Дракон был одет совсем легко. Шелковая серебряная рубашка и светло-серые штаны. Расстегнутый ворот открывал сильную шею и ключицы. Мне даже смотреть стало неловко, зато он изучал меня с интересом.

- Столовая в той стороне, – наконец произнес Арон, и я послушно направилась за ним следом.

В очередном ледяном зале был накрыт стол на двоих. Дракон, как истинный джентльмен, придвинул мне кресло, на которое была накинута такая же шкура, как у меня на кровати, и уселся напротив меня на ледяной стул.

Я осторожно взяла столовые приборы, стараясь не касаться руками столешницы, но и металлические нож и вилка промерзли насквозь. Зашипев, я кинула их обратно. Брала потом аккуратно, прихватив рукавами платья, чтобы не обморозить пальцы.

- Надо будет достать тебе перчатки, – задумчиво пробормотал дракон. – Не учел. Дир, ты слышишь?

- Да, сир, – прошелестело в воздухе, и я вздрогнула.

- Кто это?

- Снежный дух, мой помощник. Не бойся, их в замке много, но они не доставят тебе неудобств. Их задача – следить за порядком и помогать, если это требуется. Когда тебе что-то понадобится, просто попроси, и все будет. В разумных пределах, конечно.

Вокруг нашего стола на полу зазмеилась поземка из снежинок, и по правую руку от меня выросла фигура, состоящая из кружащихся крупыц снега. Не призрак, не человек, а что-то совсем необычное и странное.

Дух откупорил бутылку вина и разлил по то ли хрустальным, то ли ледяным бокалам бордовую жидкость, которая смотрелась настолько ярким пятном на фоне ослепительной белизны, что казалась тут чужеродной. На тарелках появилось мясо, овощи, все одуряюще пахнущее и свежее. Каким бы ни был дракон, но поесть он, похоже, любил.

После того как снежный дух развеялся, оставив после себя на полу немного снега, Арон обратился ко мне с живым интересом.

- Ну и что мне с тобой делать?

- Представления не имею, - пробормотала я. - Отпустить?

- И куда ты пойдешь? - спросил он, а я опустила глаза и пожала плечами. Домой нельзя. Не поймут и не примут.

- Не знаю. Получается, жертвы не нужны? - задумчиво поинтересовалась я.

- Мне - нет, - отозвался дракон и сделал глоток из бокала. - Не знаю, как смерть девушки может изменить создавшуюся ситуацию.

- И что же с ними со всеми происходит?

- По-разному. Если удастся дожить до весны, смею надеяться, их судьба складывается хорошо.

- А что случается весной?

- Весной прилетают мои друзья. Зимой это очень опасно, замок постоянно находится в эпицентре вьюги.

- Друзья? - уточнила я.

- Тоже драконы, не ледяные. Да и я не всегда был таким.

Я хотела спросить, что же его таким сделало, но разговор сам собой ушел в другую сторону.

- И ты отдаешь девушек им?

- Отдаю? - дракон усмехнулся. - Просто отправляю за перевал. В долине их не готовы принять обратно, а за перевалом можно начать жизнь заново.

- Всех?

- Нет, - его тон стал жестким. - Лишь тех, кто ведет себя примерно и слушается меня.

- А что случается с другими?

- Умирают. Вы слишком хрупкие, а мой замок состоит из льда. Мое прикосновение дарит смерть, улица дарит смерть, пренебрежение основными правилами - дарит смерть. Ты сумеешь выжить в таких условиях, Эльзи?

- А у меня есть выбор? - тихо спросила я.

Он улыбнулся и, наклонившись через стол, шепнул:

- Есть. Смерть...

- Такой выбор меня не устраивает.

- Тогда, - его глаза стали грустными, - главное, не влюбись в меня. В замке скучно, девушки романтичны, но у меня ледяное сердце.

- Я просто хочу выжить... - смущенно пробормотала я, не решаясь сказать, что дракон последний, в кого я влюблюсь. Но, казалось, он услышал и понял мою невысказанную мысль, так как улыбнулся одними уголками губ и произнес:

- Хорошего дня, Эльзи. Ближайшие месяцы будут очень длинными и скучными.

Разговор оставил странное впечатление. Дракон пугал и завораживал одновременно. Мне хотелось узнать о нем больше. Нет, не влюбиться, а просто понять, с кем я очутилась на одной территории.

До конца дня просто бродила по ледяному замку. Оказалось, что в нем есть только одна запертая дверь. Еще меня не пустили в покои Арона на третьем этаже под самой крышей. Когда я приблизилась, там появился снежный дух и прошелестел: «Не нужно беспокоить господина!»

Не стала спорить и сбежала изучать временное место жительства дальше. Я старалась не тосковать по дому и не думать о возможности вернуться. Меня там похоронили, и значит, я должна принять это как данность. Если вернусь, там снова соберут совет и очередную девушку повезут на гору. Такая традиция. И я не докажу, что можно иначе. Не тащить же с собой дракона? Хотя эта мысль,

думаю, и ему приходила в голову. В любом случае до весны предпринять ничего нельзя, а там будет видно. Пока я заперта в этом замке. И самое главное, жива. Арон прав: основная задача выжить.

Во время своих прогулок и исследований я нашла внутреннюю галерею, которая выходила не на обрыв, а на двор замка. С искрящейся поверхностью замерзшего пруда, с замороженным фонтаном, дорожками и расчищенной площадкой, которая непонятно для чего использовалась. Тут было особенно красиво. Я решила завтра попробовать прогуляться вниз. Наверное, здесь мне можно выйти на улицу. Надо будет спросить дракона.

Но ни на следующий день, ни через день я его не увидела. Еду мне приносили в комнату. А остальное время я была предоставлена сама себе. Через неделю стало настолько скучно, что я, ярая нелюбительница чтения, отыскала дорогу в библиотеку.

Толкнула дверь и попала в царство книг. Единственное место, где не все было изо льда. Точнее, тут были книги, толстенная шкура на полу у ледяного камина, диван, кресла. И все те же ледяные стены и пол. Признаться, их холод уже начал меня доставать, но мягкое тепло меха и магия, которой был заполнен замок, спасали.

Хуже всего оказалось принимать душ. Тут не было ванны. Только деревянный настил в уборной, сделанный, видимо, исключительно для меня. Сверху на этот настил били струи горячей воды, а после душа нужно было умудриться сразу с настила заскочить в меховые сапожки, чтобы не ступить ненароком на пол.

В остальном же я достаточно быстро привыкла к здешнему быту. А еще каждое утро, просыпаясь под мягкими шкурами, первое, о чем я думала, едва достигала грусть, это то, что я не умерла. Все считали меня погибшей, я сама не чаяла выжить, но тем не менее просыпалась, завтракала и могла дышать, передвигаться и существовать. Это было самым важным. И жизнь моя не была сложной или тяжелой. Меня не обижали и не заставляли делать что-то неприятное. Ну а скука? Скука – она у нас в голове. Не более.

Библиотека дракона поражала и восхищала. Тут нашлись книги на любой вкус. Я перебирала их бесцельно, а когда скрипнула дверь, вздрогнула и повернулась.

- Прости, помешал.

В дверях застыл Арон. Серебряные волосы забраны в хвост, рукава легкой рубашки закатаны и обнажают крепкие предплечья, а в холодных голубых глазах мелькнуло странное чувство, похожее на разочарование. Дракон выглядел несколько растерянно, и я подумала, что, скорее всего, это я помешала, вторгнувшись на его личную территорию.

- Тут много места, – тихо ответила я, стараясь не смотреть на ледяного и неприступного дракона. Особенно на сильную шею и ключицы в вороте рубашки. Все же он был нереально красив. В природе таких совершенных созданий просто не существует. Не верилось, что с одним таким придется прожить в замке несколько месяцев.

- Ищешь что-то особенное? – спросил он, приблизившись и остановившись рядом со мной. Комната тут же наполнилась холодом. По спине пробежали мурашки. Захотелось поежиться, но я сдержалась и не подала вида, что одно его присутствие заставляет меня промерзать до костей.

- Я не любительница читать, – призналась с легкой грустью. – Поэтому просто смотрю, изучаю. У тебя так много книг...

- Когда-то очень давно я тоже не был любителем, – с усмешкой признался Арон. – Но годы, проведенные в замке... очень многое меняют. Тут скучно.

- Но почему... – Я сбилась и отвела глаза. Вопрос был глупым, и продолжать не имело смысла.

- Почему я один? – спросил Арон с вежливым интересом, без труда угадав ход моих мыслей. – Непросто жить с ледяной статуей. Даже слуги, те, которые живые, сбежали очень быстро. Поэтому я живу один. Иногда прилетают друзья, когда наступает лето и погода в долине становится более мягкой, – он усмехнулся.

Я понимала. У нас не было весны. Была холодная зима и очень холодная зима.

- Ну а в теплом климате мне плохо, я не могу там находиться долго, – продолжил дракон. – Поэтому мое развлечение – книги. Ну, вот и девушек раз в год посылают. Но вы – скорее забота. Я часто не успеваю спасти.

- Ты находишь замороженное тело? – сглотнула я.

- Да, – кивнул он.

- И... - Я не решалась спросить, но он снова все понял и без слов.

- Скидываю его с обрыва. Именно так древние хоронили своих умерших. Здесь бесконечное количество ущелий. Хуже, когда девушка оказывается жива, но умирает позже, уже здесь, в замке. Многие не выдерживают переохлаждения. Ты молодец, - сказал он. - Ты сильная. Не разочаруй меня.

- Зачем они это делают? - спросила я про жителей долины.

- Людям нужно во что-то верить. Здешний климат суров.

- Говорят, твое присутствие делает его таким.

- Может быть. Но разве смерти девушек что-то исправят? Разве в долине становится теплее?

- А что исправит ситуацию? - спросила я.

Арон долго думал, а потом дотянулся до одной из верхних полок и снял с нее книгу.

- Если хочешь получить ответ на свой вопрос, почитай. Только не принимай близко к сердцу, - шепнул он, наклонившись. - Это всего лишь сборник красивых зимних сказок.

- В них нет истины? - спросила я.

- Разве что самую малость, - ответил он и оставил меня с книгой.

Я смотрела на причудливый шрифт, красивые литеры, золотое тиснение и понимала, что хочу неторопливо читать эти истории у себя в комнате, при зажженных свечах.

- Можно, я ее возьму к себе в комнату? - спросила я. - А сейчас просто осмотрюсь. Тут столько всего интересного!

- Конечно, мой дом - твой дом, - улыбнулся Арон и добавил: - До весны.

Я кивнула, положила книжку на столик и направилась к стеллажам. Внизу я изучила уже почти все корешки и решила посмотреть, что там выше. Забралась на высокую стремянку, старательно обернув рукавами ладони, чтобы не обморозиться, и начала изучать яркие корешки на верхнем ярусе. Меня привлекла драконья энциклопедия - она была большой, в ярко-красной обложке. Я встала на цыпочки и почувствовала, что нога поехала на ледяной ступени и я падаю. Нелепо взмахнула руками и полетела вниз. Уже зажмурилась, предчувствуя боль, но вместо этого столкнулась с холодом.

Меня обхватили крепкие сильные руки, от которых по коже пробежал мороз. Никогда в жизни мне еще не было так ужасающе холодно. Когда падала, я машинально обняла дракона руками за шею, а сейчас отдернула и спрятала их в рукава, а он тут же поставил меня на землю. Упавшая книжка валялась на полу, но я про нее забыла. Смотрела в отстраненно-холодные голубые глаза, в которых словно потрескался хрупкий весенний лед. Они заворачивали и заставляли сердце биться быстрее.

- Прости, - прошептала я. - Спасибо, что поймал.

- Всегда к твоим услугам, - улыбнулся мужчина и отступил. А я поняла, что все еще дрожу от пронизывающего изнутри холода. Как же ему живется? Осознавая, что одно прикосновение способно обратить в лед.

- Пожалуй, пойду к себе...

Я окончательно смутилась, схватила книжку, которую мне дал Арон, и сбежала в свою комнату. Когда закрыла за спиной ледяную дверь, то почувствовала, как стучит сердце. Гулко, сильно, словно пытается вырваться из груди.

Успокоиться удалось не сразу. Меня еще потряхивало. То ли от холода, то ли от переизбытка эмоций. Сначала долго стояла под обжигающими струями воды в душевой, потом, когда практически отогрелась, не решалась выйти на ледяной пол. После завернулась в огромный пушистый халат с капюшоном и перебралась на устеленную шкурами кровать. Самое теплое и уютное место в замке. И уже тут открыла книгу.

«Легенда о ледяном драконе», - прочитала название, пролистав красочные картинки и углубилась в историю. Очнулась, когда за окном было темно, а небольшая книжка закончилась. Я растерянно смотрела на последнюю страницу. И не могла понять: все действительно произошло именно так, как здесь написано? Молодой дракон погубил прекрасную деву, и ее мать в отчаянии прокляла его, сказав, что огненная душа дракона станет ледяной и все живое, к чему он прикоснется, погибнет, превратившись в лед. И только истинное чувство способно разрушить проклятье, а до тех пор жить

дракону в ледяном замке на вершине горы в крае вечной мерзлоты.

Так, может быть, и девушек дракону отправляли с надеждой на то, что рано или поздно это самое истинное чувство у него вспыхнет? Только вот сам дракон, похоже, истинное чувство искать не хотел. Интересно, почему? Ему и так хорошо живется в одиночестве и мире льда?

Эти мысли не давали покоя всю ночь. Я рассчитывала спросить у дракона о том, насколько правдива легенда, ведь не зря же он сам дал мне эту книгу. Но ни на следующий день, ни через я так его и не нашла. Я снова оказалась в замке одна. Даже вечером в библиотеку он не пришел. А еще через день я решила выбраться погулять во двор. Только вот по-настоящему теплой одежды у меня не было, и что с этим делать, я не знала.

Арон говорил, что я могу обратиться с просьбой к снежным духам. До этого момента они не показывались мне на глаза. Я приходила к уже накрытому столу, новой чистой одежде, убраным покоем, а сегодня решила позвать.

- Дир... - тихо в пустоту прошептала я, не особо рассчитывая получить ответ, но тут же у моих ног закружилась поземка, и передо мной выросла фигура, сотканная из тысячи мерцающих снежинок.

- Слушаю, моя госпожа...

Я растерялась, отступила, но собрала волю в кулак и попросила:

- Я хочу погулять. Просто выйти во внутренний двор. Но мне холодно. Самая теплая одежда - вот эта накидка. Мне бы шубу или что-то теплое. И сапожки. Какая у меня дома была шуба... - мечтательно вздохнула я и загрустила. Я старалась не вспоминать о доме, но получалось плохо. Тосковала по родным и своей прошлой жизни.

- Хорошо, госпожа.

Так просто...

Дух исчез, а я осталась ждать. Но прошло не больше пяти минут, когда прислужник, состоящий из снежинок, вернулся. У него в руках была шуба. Моя, такая родная и красивая. Пожалуй, это лучшее, что со мной случилось с того момента, как я стала жертвой ледяного дракона. Также Дир принес совершенно новые сапожки, шапку, рукавички, и буквально через полчаса я, уже окрыленная, бежала на улицу, изучать двор замка дракона.

Широкая лестница вела на улице к расчищенной площадке. По-своему красивой. Вместо клумб ее украшали снежные скульптуры и ледяной фонтан. Когда я спускалась по широким, почему-то совсем не скользким ступеням, то поняла, что невольно стала свидетельницей чего-то невероятного.

Арон был здесь. В одних темно-серых штанах, с белоснежной кожей и заплетенными в косу серебряными волосами, он тренировался с длинным мечом. Красивые отточенные движения больше похожи на танец, а не на бой. Уверенные прыжки, выпады... Сначала я думала, он отрабатывает бой с тенью, но потом заметила, что перед ним сгущаются, образуя фигуру бойца, а потом распадаются в кружащуюся вьюгу снежинок.

Я застыла, как околдованная наблюдая за этим странным сражением. Казалось, дракон не испытывал усталости. И совсем не чувствовал холода и пронизывающего ветра. Его тело было поджарым, с вздувающимися под белоснежной кожей мышцами - создавалось впечатление, что передо мной безукоризненная ледяная скульптура, вылепленная талантливым мастером и ожившая.

Он остановился, обернулся и заметил меня. Я думала, он проигнорирует и уйдет, но Арон приблизился, позволяя рассмотреть свою совершенную ледяную фигуру. Кубики пресса, сильную грудную клетку, широкие плечи и жилистые руки, сжимающие меч.

- Добрый день, Эльзи, - улыбнулся он почти человеческой улыбкой. Так просто было представить, что он такой, как все. Не опасный. Живой.

- Тебя давно не было видно. - Я старалась смотреть ему в лицо, а не вниз на обнаженный торс. Совершенные черты, пронизывающий взгляд и чувственный изгиб губ. Как жаль, что поцеловавшая их вряд ли выживет. Как ему живется без человеческого тепла? Без женщин, которых он любил... Или заклятие сделало все это ненужным? Есть ли в его душе что-то кроме льда? Неизвестно. Он не скажет.

- Даже у ледяных драконов бывают дела, - он ответил на вопрос с запозданием. Словно позволял изучить себя получше. Сначала восхититься совершенными формами, а потом вспомнить, что он такое и чем грозит нам более тесное знакомство.

- Я прочитала книгу. То, что написано там, правда? - Наверное, невежливо начинать разговор вот так вот сразу. Без вступления. Но он, кажется, был не против.

- Если хочешь обсудить, давай встретимся в библиотеке. Нам накроют стол к обеду там. А я пока приведу себя в порядок.

Я согласно кивнула и невольно проводила взглядом Арона, который прошел мимо меня внутрь замка. Приведу себя в порядок - это надену рубашку или приму душ? Он ведь не потеет. Интересно, он принимает душ?

Я даже забыла о том, что хотела гулять. Кинулась следом, оставила шубу в комнате, выбрала белоснежное шерстяное платье в пол, накинула на плечи накидку и расчесала волосы. Зачем я прихорашиваюсь?! Какая же я глупая! Неужели хочу понравиться тому, у кого ледяная душа? Тому, кто способен обратить в лед одним лишь прикосновением!

Но думать о плохом не хотелось, поэтому я, бросив последний взгляд на себя в зеркало, отправилась в библиотеку. Впервые за несколько дней я не буду одна.

Снова изысканные яства, вино и неспешный разговор возле ледяного камина. Больше всего мне в этом царстве холода не хватало живого огня.

- Что ты хочешь услышать? - спросил Арон.

- Как ты стал таким?

- Много лет назад я был молод, глуп и горяч. Я не верил в любовь и разбивал сердца. И однажды юная ведьмочка не справилась с тем, что я ее бросил. И прыгнула с высокой скалы. Ее мать прокляла меня...

Он рассказывал сухо, без эмоций. Видимо, все давно уже отболело. А может, он слишком часто делился этой историей. Ни одного лишнего слова. Ни одной эмоции. Кроваво-красное вино в бокале казалось кровью. Красное на белом всегда красиво и немного пугающе.

- И? - Я заинтересованно подалась вперед.

- Она сказала, что раз у меня ледяное сердце, я недостоин тепла. С тех пор одно мое присутствие погружает мир в холод. Мое прикосновение пробирает до костей, а мой поцелуй может убить. Лишь истинное чувство способно разрушить чары.

- Но ты не веришь в любовь, - вспомнила я.

- Именно. - Дракон сделал еще глоток вина. - И после ста лет, которые я прожил в этом замке, исчезла даже последняя надежда. Ты спрашиваешь, что я делаю с девушками? Когда-то я пытался влюбить их в себя, и у меня это получалось. Но потом... когда понял, что все бесполезно... я просто жду весны и надеюсь, что встречу ее не один. Каждая зима - новое испытание. Девушка выжила - значит, еще год прошел не зря. Это тяжело, знаешь ли.

От этих слов стало грустно.

- Мне кажется, я никогда не умел любить. И ведьма это знала. Ничто не может разрушить заклятье, потому что никто не может затронуть мою душу. Увы. Хотя ты забавная и милая, - внезапно признался он.

- Поэтому ты от меня прячешься?

- За те годы, которые мне присылали девушек, они вели себя по-разному, - уклончиво признался дракон.

- Были те, кто хотел тебя расколдовать?

- Их было много, - с легким самодовольством отозвался он. - Они считали себя особенными. Избранными. Ведь не зря же жребий выбрал их. Но, как видишь, я все еще такой, какой есть.

От его слов повеяло холодом, и мне стало не по себе.

- Обещаю, не буду приставать к тебе с поцелуями, - лукаво улыбнулась я, стремясь перевести неприятный разговор в более легкое русло. - Но не прячься от меня в этом замке, тут очень скучно. А мне так хочется хотя бы поболтать с кем-то, узнать что-то интересное. Выбраться на прогулку.

- Хорошо, - улыбнулся Арон, и, кажется, его взгляд чуточку потеплел. - Мне тоже скучно. Как ты хочешь развлечься?

- Покажи, что у тебя есть интересного? - с радостью попросила я, испытывая восторг от того, что не придется больше блуждать по замку в одиночестве.

- Значит, ты выбираешь прогулку?

Я радостно закивала.

- Не побоишься, если придется немного полетать?

Закусила губу, раздумывая, а Арон сидел неподвижно, и на его лице не промелькнула ни единая эмоция. Он ждал моего решения и не торопился.

- Не побоюсь, - наконец отозвалась я.

И снова пришлось бежать за шубой в комнату, чтобы потом на улице, на площадке перед входом, позволить заключить себя в ледяные объятия. Сейчас холодно не было, толстый лисий мех защищал меня от дракона. Я почти не чувствовала, что его руки и торс, к которому меня прижимали, могут проморозить насквозь.

А потом были призрачные крылья. Завораживающее и пугающее одновременно ощущение полета. Ледяной ветер в лицо и присутствие близкой смерти. Если объятия Арона окажутся слишком слабыми и я выскользну, то умру. Если его холод проберет меня до костей - я умру. В этом полете я научилась доверять дракону безоговорочно, только так можно было получить удовольствие от необычной, завораживающей прогулки.

Наши прогулки были прекрасны. Мы пролетали над долиной, и сердце замирало от восторга. Когда я, осмелев и привыкнув к новым ощущениям, начала держаться за шею ледяного дракона, в лицо летели снежинки, и я была бесконечно счастлива. Жаль только, наши полеты были короткими. Долго на ледяной статуе не просидишь. Налетавшись, мы гуляли по окрестностям замка. Оказывается, из него можно было выйти на склон, откуда шла тропка вдоль скал. Не знаю, тут гуляли только мы или иногда забирались местные.

После того дня с разговором в библиотеке дни полетели быстро. Мы незаметно привязывались друг к другу, и если я не видела Арона хотя бы полдня, то начинала скучать.

Ужин сегодня нам накрыли в зале с панорамными окнами. Я настояла. Арон не очень любил его за масштаб. Зал и правда был слишком велик для двоих, но вид, который открывался из окон, завораживал. Белый столик, серебряные приборы. Кресло, конечно же, с мягкими роскошными шкурами, чтобы я не замерзла. И еще одна - совсем легкая. Из таких у нас делают непомерно дорогие шубы. А я просто укрывала ею ноги, чтобы можно было просидеть за разговорами с Ароном полночи, любуясь на заснеженные горные вершины, вековые сосны и усыпанное яркими звездами небо.

Я любила эти наши вечера. Неторопливые, почти интимные, когда зал освещался лишь несколькими маленькими светильниками.

- Наверное, когда-то тут проводили балы, - мечтательно вздохнула я.

Арон пожал плечами.

- Не знаю. Когда я приобрел этот замок, он пустовал несколько лет. И едва я здесь появился, стал таким...

- ... ледяным, - закончила я, и дракон кивнул.

- Прости, что так вышло, - сказал он.

- Как так?

- Твоя жизнь испорчена. У тебя были планы и мечты, а я все разрушил.

- Не ты, - я покачала головой. - Они разрушили. А ты дал мне еще один шанс. И я всегда буду тебе за него благодарна. Единственное, почему я тоскую, ну, кроме невозможности быть вместе с родными, это по балам. Я люблю танцевать. А этот зал... - Я с тоской окинула взглядом огромное помещение, залитое тусклым светом светильников. Пол блестел, а стены, которые покрывал иней, переливались, создавая ощущение сказки. - Он предназначен для балов.

Арон задумчиво смотрел на меня, словно что-то решал, а потом вздохнул и сказал:

- Прости. Бал я тебе, конечно, не организую. Но вот танец... Почему бы и нет?

Зазвучала музыка, а он поднялся и, остановившись передо мной, протянул руку.

- Позволишь пригласить тебя?

Я закусила губу, сдерживая улыбку, и кивнула. Только пришлось, прежде чем вложить свою руку в его, надеть перчатку. И все равно прикосновение обдало холодом. Арон старался лишь слегка придерживать меня за талию и касаться руки кончиками пальцев. Но мне сразу же стало невыносимо холодно.

Я не знала, что мне хочется сильнее: отступить и укутаться в шкуры или продолжить наш волшебный танец. Арон завораживал. Он был невероятно красив – спокойный, слегка отстраненный взгляд голубых глаз с такой привычной ледяной коркой, легкая улыбка на совершенных губах. Алебастровая кожа. Моя прекрасная и недостижимая ледяная статуя.

Он двигался уверенно. Сколько бы лет он ни провел в одиночестве, умения танцевать не утратил. Легкие, плавные движения и в то же время какая-то непостижимая мужская уверенность. Я была податлива в его руках, и скоро даже холод перестала ощущаться. Все потому, что дракон был так близко. Он кружил меня в танце и заставлял сердце биться быстрее, разгоняя кровь. Поэтому и холодно не было. Моя рука покоилась у него на плече, а мне так хотелось провести ею по гладкой холодной щеке и потом ниже, по шее... Но благовоспитанные девицы ни о чем таком, конечно, не думают. А просто умные, если и позволяют себе столь непристойные мысли, не делают, особенно если танцуют с ледяным драконом.

Музыка закончилась, и мы остановились, но вопреки здравому смыслу я не спешила отступить. Наоборот, запрокинула голову и смотрела в его глаза, на такие близкие и соблазнительные губы. Нужно лишь привстать на цыпочки и поцеловать. Так просто и опьяняюще опасно.

Он, кажется, понял, какие мысли бродят у меня в голове, потому что шумно выдохнул и отступил. Посмотрел на меня с болью и, шепнув «Прости!», выскочил из зала. А я осталась стоять, потрясенная до глубины души.

На какой-то краткий миг во время танца мне показалось естественным отдать жизнь всего лишь за один поцелуй. А ведь Арон говорил, что очарование – это одна из граней его проклятья. Несмотря на танец с ледяным, щеки горели, и сердце стучало как сумасшедшее. Я тоже медленно побрела к себе в комнату, понимая, что вряд ли смогу уснуть. А еще я не знала, как буду смотреть ему в глаза завтра. Но он решил и эту проблему. Просто улетел. Передал через духов, что как минимум до обеда я предоставлена сама себе и собственным невеселым мыслям. Ну и неумному любопытству.

Не знаю, что двигало мной. Скука? Вчерашнее помрачение ума или просто пришло время? Я знала, что поступаю неправильно, что у всех могут быть секреты, да и поговорку про любопытство и кошку тоже помнила неплохо, но ничего не могла с собой поделать. Не смогла устоять. Пробралась к запертой двери и поковырялась в замке. Он оказался несложным. Не думаю, что Арон заморачивался защитой. Просто закрыл и забыл.

Но когда я толкнула дверь, то осознала, что именно совершила. В закрытой комнате стояли они – ледяные красивые девушки. В разных позах превратившиеся в статуи. Толкни хрупкий лед, и он разобьется и унесет чью-то жизнь. Если она, конечно, осталась внутри этих холодных и безжизненных скульптур.

Я медленно шла вдоль их рядов, рассматривала пустые глаза и приоткрытые губы. Руки некоторых девушек до сих пор словно кого-то обнимали. Я узнала Лилиану – самую красивую девушку долины, которую принесли в жертву, когда мне было десять. Строптивую Ненси, позапрошлогоднюю участницу. А так их здесь были десятки. И следующая статуя, я знала, должна быть моей.

Арон врал. Устоять не мог никто. И он не мог. Вчера я видела, насколько он близок к поцелую. Дракон врал, что не верил в любовь. Проклятье заставляло верить, оно сводило с ума не только девушек. Многим ли удалось дожить до весны? Десяти процентам? Пятнадцати? Я не видела прошлогоднюю жертву – Кристи. При удивительной красоте она была такой отвратительной, что все вздохнули с облегчением, когда жребий пал на нее. Но много ли таких, с кем не хочется иметь дело?

Я так сильно привязалась к Арону... Мое сердце билось неистово, и то, что вчера он отступил, сбежал прочь, казалось теперь игрой. Четко продуманным планом.

В этом месте нельзя было оставаться. Замок, который долгое время казался безопасным пристанищем, теперь пугал. Я даже не стала заморачиваться закрыванием двери. Схватила шубу, шапку и кинулась бежать. Куда глаза глядят. Доберусь до людей, может быть, в долине меня не узнают. Не все же видели меня раньше. Там укроюсь и дальше сбегу за перевал сама. Я поняла, что просто не доживу в замке до весны. Дракон меня пленял. Мне было невыносимо рядом с ним. Да и в его взгляде я все чаще ловила ледяную страсть. И если хоть на миг ей поддамся, то умру. Я вчера была близка. Очень близка.

Нужно бежать отсюда как можно скорее и как можно дальше. Все равно куда, лишь бы не

оставаться в этом замке и не терять голову из-за ледяного дракона, поцелуй которого неминуемо обратит в лед. Я хочу жить значительно больше, чем вкусить его губительной любви.

Душили слезы, но я не позволила себе расклеиться. Сейчас для этого не было времени. Путь был знаком. Последнее время мы часто гуляли с Ароном недалеко от замка, и я знала, где идет узкая тропа, ведущая по каменистому склону вниз, в долину. Главное – уйти до того, как он вернется и захочет удержать.

Я была уверена, он станет искать. А как иначе? Еще один ценный экспонат в его коллекции. Я неслась что есть мочи, спотыкалась, падала и снова поднималась, понимая: мне не выдержать на морозе долго. Легкие горели от холодного воздуха, и я начала выдыхаться, но останавливаться было нельзя, потому что моя лисья шуба горела на снегу, словно сигнальный костер. Меня можно было увидеть с неба без проблем.

Я выдохлась буквально через пару часов. Легкие резало, и я едва переставляла ноги, а тропа была скользкой, петляющей между камней. Нога поехала. Я вскрикнула и покатила вниз, в пропасть, кувыряясь в глубоких сугробах. Наверное, я должна была умереть где-то на этом пути, но чудом осталась жива, завязнув в глубоком сугробе. Побарахталась, пытаюсь подняться, но поняла, что нога меня не слушается, а снег затягивает, словно зыбучие пески. Я была бабочкой, попавшей в паутину. Сколько ни трепыхайся, выжить и вырваться не получится.

И я сделала единственное, что могла: закрыла глаза и смирилась. Если не начнется снегопад, моя шуба будет заметна на белоснежном покрывале, укутывающем горы, и Арон меня найдет. И, быть может, даже успеет поцеловать прежде, чем я умру.

Какая дура, что сбежала. Неужели умирать лучше так, чем коченеть в его объятиях, всматриваясь в голубые прозрачные глаза и ощущая, как замерзающее сердце наполняет любовь? Там он был бы со мной до последнего вздоха. А тут? Тут я одна.

Кажется, я отключилась, и холод перестал терзать мое замерзающее на склоне горы тело. Наверное, смерть подкралась близко.

– Эльзи... – шептали знакомые губы, склонившись низко, почти касаясь заледеневших моих. – Эльзи... – Сильные руки подхватили, и мы взмыли в небо, сделав круг над долиной. – Эльзи...

Арон опустил меня на кровать и присел рядом, Наверное, сейчас мы с ним были похожи.

– Эльзи...

Увидев в его небесно-голубых глазах слезы, отчетливо поняла: я не была для него экспонатом. Жаль, ничего нельзя изменить.

– Поцелуй меня... – Кажется, я очнулась только для этих слов. – Поцелуй, я все равно умираю.

– Нет... – дракон замотал головой и отстранился, но я потянулась к его лицу и провела по нему ладонью, понимая, что не чувствую холода, исходящего от него.

– Поцелуй... ты теплый. Ты ведь знаешь, что это значит? Мне не холодно рядом с тобой. Уже нет.

В его глазах застыла боль. Я уверена, она отражение моей собственной. Он медленно приблизился и обнял ладонями мое лицо, осторожно и нежно. Пальцы были прохладными, не более. Убрал с лица прядь и склонился к моим губам. Я подалась ему навстречу, обняла руками за шею и самозабвенно поцеловала в ответ на легкое касание холодных губ, с замиранием сердца ожидая смерти.

Он тоже ждал, но пока неизбежное не произошло, поцеловал настойчивее, прижал меня к кровати сильным телом, и я почувствовала, как вместо мерзлоты где-то внутри меня зарождается жар. Тело согревается, оттаивает... А на щеках я почувствовала слезы. Может быть, свои, а может быть, его. Когда стало совсем мокро, открыла глаза и взгляделась в его лицо. Иней на графитовых ресницах растаял, волосы теперь были просто светло-русые и мокрые, а не серебряные. С лица исчезла пугающая бледность, да и я почувствовала себя лучше. Однозначно живой.

– Арон... – потрясенно позвала я.

– Что, любимая? – тихо выдохнул он, еще не понимая, что мы сделали.

– Неужели ты ничего не чувствуешь? – спросила я.

Он отстранился на миг, посмотрел мне в лицо и потрясенно сказал:

– Тепло... Я чувствую тепло. Оно... – Арон приложил ладони к сердцу. – Здесь.

– Оно везде, – прошептала я и перевела взгляд на стены и пол замка, по которым, стаивая, полз лед,

обнажая роскошные обои, паркет, дубовые столы... И даже камин, который еще не горел, но уже был сделан не изо льда.

- Ты ведь понимаешь, что мы разрушили проклятье? - прошептала я, порываясь вскочить с кровати. Поврежденная нога не дала, я вскрикнула и снова упала на шкуры, тут же оказавшись в объятиях дракона. Он был совсем не холодный. А наоборот, даже очень теплый, почти горячий. И его губы обожгли поцелуем щеку, скользнули по шее, заставляя меня закрыть глаза от наслаждения.

В этот момент нашу идиллию разрушил женский визг. Потом еще один, и еще. Орала девушки знатно.

- Что это? - испуганно спросила я.

- Тихо. - Арон прижал меня к кровати и накрыл рот поцелуем, а когда понял, что я больше не буду болтать, отстранился и сообщил: - Проклятье спало, и девушки...

- Те ледяные статуи?

- Да. Ты ведь из-за них убежала? - спросил он с обидой. Я кивнула и спрятала лицо у него на плече. Мне было стыдно. - Я расскажу про каждую, - пообещал он. - Ни одной я не желал зла. Некоторые не хотели понять сами. Кого-то я думал, что люблю.

- Ни слова, - теперь я закрыла ему рот рукой. Мне не нужно было это знать. Он со смехом увернулся.

- В любом случае они все живы. Теперь.

- И нам не нужно к ним выйти? - спросила я, понимая, что не хочу встречаться с теми, кто был до меня. - Они бегают по твоему замку.

- Думаю, они убегут очень быстро. Это место не принесло ни одной из них счастья.

- И замерзнут?

- Холод ушел из долины.

- А как же елка и снег? Я больше никогда их не увижу?

Стало обидно, и Арон снова угадал мои желания. Он усмехнулся.

- Думаю, немного зимы я всегда смогу для тебя устроить.

По стене опять пополз морозный узор, но я знала: магия холода, которой по-прежнему обладал Арон, просто сила стихии. Она не убьет меня.

- Ты ведь познакомишь меня со своими родителями? - уточнил он. - Я должен попросить у них твоей руки.

- Думаешь, они тебя примут?

- Ну... - Он навис надо мной и, склоняясь, поцеловал в нос. - Им не останется иного выбора. Ведь я собираюсь тебя обесчестить. Ты как на этомотришь?

- Я не хочу на это смотреть, - засмеялась я, привлекая его к себе. - Я собираюсь в этом участвовать.